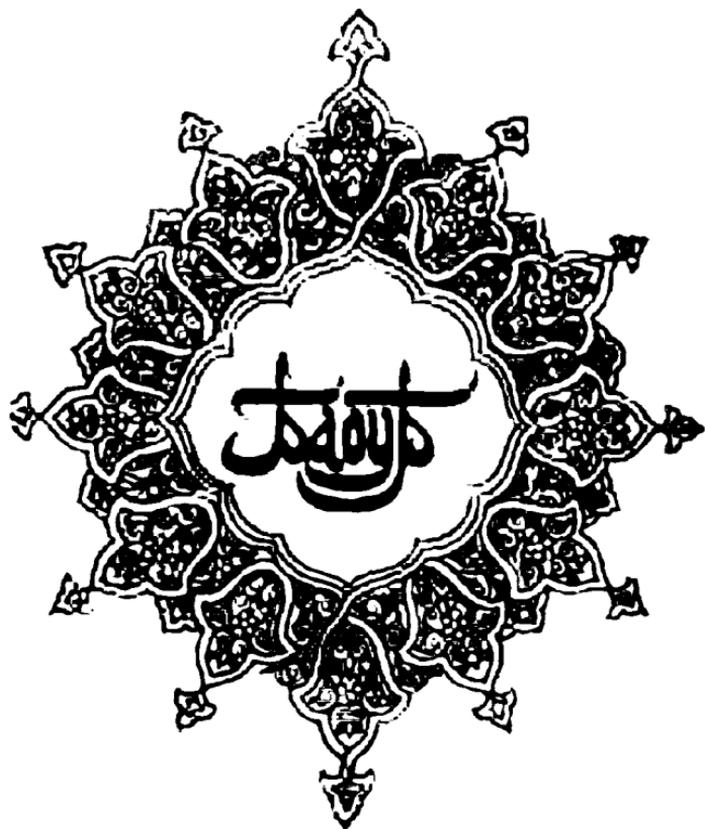

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ИМ. АБУ РАЙХАНА БЕРУНИ

2 КНИГА

Издательство ЦК Компартии Узбекистана
Ташкент — 1982

Составитель
САБОХАТ АЗИМДЖАНОВА

Ответственный редактор
МУЗАФФАР ХАЙРУЛЛАЕВ

Перевод на русский язык
М. САЛЬЕ

Б 12

Бабур.

Бабур-наме (Записки Бабур). (Сост. С. Азимджанова;
ред. М. Хайруллаев; пер. М. Салье. — Т.: Изд. ЦК КП Узбеки-
стана, 1982).

В надзаг.: АН УзССР, Ин-т востоковедения им. Абу Рай-
хана Беруни.

Кн. 2 256 с., ил.

Уз

© Издательство ЦК Компартии Узбекистана, 1982

О «БАБУР-НАМЕ»

«Бабу́р-наме» (второе издание русского перевода, выполненного М. Салье), которое в сокращенном варианте предлагается вниманию читателя, представляет собой один из замечательных литературных памятников прозы на узбекском языке. Книга была завершена в Индии и носит, в основном, автобиографический характер. В ней отражена история народов Средней Азии, Афганистана и Индии конца XV—начала XVI вв. По обилию сведений и их достоверности «Бабу́р-наме» является одним из самых важных и ценных историко-прозаических трудов, не имеющих себе равных среди аналогичных сочинений, написанных в средние века.

Богатое содержание «Бабу́р-наме», разнообразие изложенных в ней фактических материалов явились первоисточником для последующих поколений историков Средней Азии, Афганистана и Индии, а мелодичные лирические стихи Бабу́ра написанные на узбекском языке, благодаря оригинальности их содержания и совершенству поэтических образов не утратили своей жизненной силы и в наше время.

Заслуга Бабу́ра как историка, географа, этнографа, прозаика и поэта в настоящее время признана мировой востоковедческой наукой. Его наследие изучается почти во всех крупных востоковедческих центрах мира (в СССР, Чехословакии, ГДР, Турции, ФРГ, Италии, Франции, США, Англии, Индии, Пакистане, Афганистане). Фактическим подтверждением тому является новый перевод на французский язык «Бабу́р-наме», опубликованный под эгидой ЮНЕСКО в Париже в 1980 году. Крупный французский востоковед Луи Базан в своем введении к французскому переводу писал, что «автобиография (Бабу́ра) представляет собой чрезвычайно редкий жанр в исламской литературе». Это является очередным признанием роли и места выдающегося творения Бабу́ра на международной арене и в настоящее время.

История написания «Бабу́р-наме» неизвестна. Сам Бабу́р в своей книге об этом умалчивает. Согласно сведениям дочери Бабу́ра Гульбадан-беки́м, приведенным ею в своей книге «Хумаюн-наме», в городе Сикри в саду Бабу́ром была устроена

площадь специально для игры в конное поло (чавганди). В помещении, построенном в верхней части этой площади, Бабур имел обыкновение писать книгу¹.

«Бабур-наме» состоит из трех частей. Первая ее часть посвящена описанию политических событий в Мавераннахре в конце XV в. Вторая часть охватывает события, происходившие на территории Афганистана, которая в эпоху Бабура была известна как «Набульский удел».

В последней, третьей части описываются политические события в Северной Индии, географические данные страны, ее природные особенности, содержатся интересные сведения о народах, населявших эту страну.

Автор «Бабур-наме» с присущей ему откровенностью описывает имеющую место анархию среди правящих кругов — феодалов, их непрерывную борьбу за власть, приводит факты опустошения земледельческих оазисов, увеличения поземельного и других налогов, сбор которых весьма участился в годы смуты во владениях последних тимуридов — в Хорасане и Мавераннахре.

Благодаря «Бабур наме» мы узнаем об имевшем место в г. Самарканде страшном голоде в дни осады его Шейбани-ханом в 1501 г. Когда Шейбани-хан — предводитель кочевых узбеков, — совершив несколько нападений на г. Самарканд, установил там свою власть, а позже покорил Фергану, Бабур был вынужден покинуть пределы своего родного края и отправиться в Кабул. Все эти события, с подробным описанием тех мест, где приходилось скитаться Бабуру в дни его неудач в борьбе за власть в Мавераннахре, описаны в первой части «Бабур-наме», охватывающей события 1483—1504 гг. Правдивость сведений Бабура подтверждают историки того времени: Хондемир, Мухаммед Хайдар, Мухаммед Салих, Бенаи и другие. Сам Бабур пишет: «... все, что здесь написано, истина и цель этих слов не в том, чтобы похвалить себя — все действительно было так, как я написал, и в этой летописи я вменил себе в обязанность, чтобы каждое написанное мною слово было правдой и всякое дело излагалось так, как оно происходило»².

За время жизни в Кабуле Бабур хорошо ознакомился с обычаями, нравами жителей страны, которые были оседлыми земледельцами и кочевниками-скотоводами и говорили на различных языках племен и народностей, обитающих на обширных территориях. Бабур изучил караванные дороги, соединяющие крупные города страны, и в каждом случае он их описал со всеми подробностями во второй части своей книги.

Третья, последняя часть «Бабур-наме» охватывает события 1525—1530 гг. Она более подробно, чем предыдущие. Бабур в этой части своей книги показал себя незаурядным историком народов Индии своей эпохи. Обширность его познаний в области истории, экономики и культуры народов Индии превзошла

¹ См. Гульбадан-бегим. «Хумаюн-наме». Т., 1959, стр. 24 (персидск).

² См. «Бабур-наме», изд. А. Венеридж, л. 210а; «Бабур наме», Т. изд. АН УССР, 1958, стр. 233.

данные большинства индо-мусульманских историков его времени, уступая только Абу Райхану Беруни.

«Бабур-наме» хотя и посвящена политической истории вышеупомянутых стран на рубеже XV—XVI вв., однако изобилует также бесценными материалами из социально-экономической жизни народов, затрагивает вопросы морали, этики, нравственности и другие аспекты современной автору эпохи.

«Бабур-наме» содержит многочисленные сведения о литературной среде самого Бабур. На основе этих сведений можно воссоздать биографии многих малоизвестных поэтов того времени, живших в Средней Азии, Афганистане и Индии и писавших свои стихи на персидском, а также узбекском языках. В книге много ярких, с большим остроумием набросанных словесных портретов целого ряда его современников — государственных деятелей, поэтов, художников, музыкантов.

Очень образно дан творческий портрет великого поэта Алишера Навои. Благодаря этим описаниям до нас дошли подробности многогранной научно-литературной деятельности Алишера Навои, к творчеству которого Бабур относился чрезвычайно уважительно, преклонялся перед его гением.

В описании Бабур Алишер Навои не только талантливый поэт и ученый, но и тонкий дипломат, меценат науки и культуры своей эпохи. Бабур свидетельствует, что в литературной жизни Хорасана и Мавераннахра роль и влияние Алишера Навои были огромны. «Бабур-наме» содержит также ценные сведения в целом о культурной жизни Хорасана, Мавераннахра, Ирана, Афганистана и Индии на рубеже XV—XVI вв.

В противоположность большинству восточных историков современной ему эпохи, которые зачастую компилятивно повторяют сведения более ранних историков, Бабур в своем труде от начала до конца остается оригинальным повествователем, описывая все исходя из своих наблюдений. Не менее самобытен язык и стиль его. Язык его прост и лаконичен, народен, в нем полностью отсутствуют риторические ухищрения, свойственные его современникам.

Несмотря на обилие имен, названий, дат и событий, встречающихся в «Бабур-наме», эта книга читается легко, с неослабевающим интересом. Бабур подробно описывает крупные города Средней Азии, Хорасана, Ирана, Афганистана и Индии. Его данные о Фергане, Андижане, Самарканде, Бухаре, Кабуле, Газни, Балхе, Бадахшане, Дели, Девалпуре, Лахоре бесценны, ибо автор дает представление о географическом положении этих городов, их торгово-экономической роли в феодальном хозяйстве того периода. Сравнивая данные Бабур с позднейшими сведениями историков, можно представить рост и развитие этих городов в последующие века. Среди среднеазиатских городов, описываемых Бабуrom, особое место занимают родные ему города Ферганского удела: Андижан, Аксы, Касан, Ош, Канибадам, Исфара, Маргелан, Ходжент, Узгенд, на характеристике которых он останавливается подробно.

Чрезвычайно ценными являются сведения Бабур о полезных ископаемых городах Средней Азии, Афганистана и Индии. В «Бабур-наме» не только приводятся отдельные данные о них, но попутно отмечается их назначение в хозяйственной

жизни страны. С большой любовью пишет Бабур о Самарканде и его округах. По его словам, «в обитаемой части земли мало городов таких приятных, как Самарканд»¹.

В книге описаны многочисленные крупные постройки, сады и бани г. Самарканда. Автор не только описывает их, но и приводит данные об истории их создания, зачастую называет имена тех, кому принадлежала идея возведения этих построек, имена известных мастеров и зодчих того времени.

Бабур не мог упустить из виду описание обсерватории Улугбека, которой он восторгался, отмечая совершенство этого сооружения, его уникальность. Обсерватория была воздвигнута у подножья холма Кухак, оснащена специальным инструментом для наблюдения за светилами. Улугбек написал в этой обсерватории «Гурагановы таблицы», которыми пользуются теперь во всем мире, пишет Бабур.

Отдельные страницы «Бабур-наме» посвящены описанию Кабула и Газни, крупных городов Афганистана. Сравнение сведений Бабура в целом об Афганистане со сведениями других восточных авторов, т. е. данными географических трудов XVI—XVII вв., наводит на мысль, что описания, данные в «Бабур-наме» относительно городов Кабула, Газни, Кандагара, Бадхшана, Балха, Герата и других, были максимально использованы последующими авторами географических сочинений без особых добавлений к данным Бабура.

В «Бабур-наме» автор, хотя специально и не останавливается на внутреннем положении страны и не затрагивает вопросов, характеризующих экономический потенциал каждого административного округа (тумана) Кабула, не дает сведений об их месте и положении в экономике страны, но упоминает о существовании в его время 14 административных округов, зависящих от Кабульского удела. Эти его данные являются важным историческим материалом для осмысления ряда вопросов, связанных с социальной жизнью народов Афганистана в XVI в., ибо в других источниках аналогичных материалов не имеется.

Кабул в XVI в. был крупным торговым центром. Бабур подчеркивает значение Кабула и Капдахара как узловых пунктов караванной торговли на пути в Индию (БН-л. 131 б). «В Кабул, — писал он, — приходят караваны из Ферганы, Туркестана, Самарканда, Бухары, Балха, Хисара, Бадхшана. Каждый год в Кабул пригоняют 7—8 или 10 тысяч голов коней. Из нижнего Хиндустана десять, пятнадцать или двадцать тысяч торговцев приводят свои караваны: из Хиндустана доставляют рабов, белые ткани, сладости, очищенный и неочищенный сахар, лекарственные растения и пряности. Многие купцы не довольствуются при торговле прибылью тридцать на десять или сорок на десять. В Кабуле можно найти товары из Хорасана, Ирана, Рума, Чина. Это как бы торговая гавань Хиндустана» (БН-л. 129 а).

Описание Бабуром караванных путей, ведущих из Кабула

¹ «Бабур наме», изд. А. Беверидж, л. 44 б.

не только в Индию, но и в Среднюю Азию, с характеристикой горных тропинок, проложенных к важнейшим перевалам, полностью совпадает с топографическими описаниями XIX в. Вот почему А. Борнас, посетивший Кабул в 1882 г., после осмотра гробницы Бабура писал, что он питает глубокое уважение к памяти Бабура, которое еще больше увеличилось с тех пор, как он прочитал любопытные записи¹ (т. е. «Бабур-наме»). Значительное место в «Бабур-наме» отводится описаниям флоры и фауны Средней Азии, Афганистана и Индии. В них Бабур проявляет себя тонким, вдумчивым наблюдателем.

Третья, последняя часть книги хотя в основном посвящена описанию политических событий в Индии, происходивших со дня первого похода Бабура до его смерти (1530 г.), но и содержит много небезынтересных сведений о политической, экономической и культурной жизни народов Индии предыдущих времен.

В «Бабур-наме» подробное описание получил Хиндустан. Автор восхищается его природой: «Это удивительная страна в сравнении с нашими землями, это иной мир, горы, реки, леса, степи, города, области, животные, растения, люди, язык, дожди и ветры — все там не так, как у нас, хотя жаркие области, прилегающие к Кабулу, кое в чем сходны с Хиндустаном, но в других отношениях они не сходны, стоит лишь перейти реку Синд, как земля и вода, деревья и камни, люди, пути и обычаи — все становится таким же как в Хиндустане», — утверждает он.

Исторические источники свидетельствуют, что в Индии к «Бабур-наме» относились с большим уважением; она стала самой любимой книгой, с которой потомки Бабура не расставались. При Акбар-шахе (1556—1609), внуке Бабура, «Бабур-наме» была переведена с узбекского языка на персидский. Этот труд был известен в эпоху Акбар-шаха под названием «Вакнаят-и Бабури». Среди первых переводов на персидский язык, осуществленных в XVI в., перевод «Бабур-наме», выполненный Абдурахман-ханом, был самым лучшим. Он был сделан на высоком профессиональном уровне² и быстро приобрел большую популярность, не потеряв своего научного значения и в наши дни.

Один из лучших списков «Бабур-наме», известный в истории как Хайдарабадская рукопись, был переписан при Аурангзебе. Таким образом, оформлением Хайдарабадской рукописи при Аурангзёбе, по-видимому, и завершается в средневековой Индии изучение «Бабур-наме» как сводного исторического труда.

В Индии и в Средней Азии «Бабур-наме» рассматривалась как ценный исторический труд. Восточные хронисты, будь то среднеазиатские или индийские, не переставали основываться

¹ А. Борнас. «Путешествие в Бухару», М., 1849, ч. VI, стр. 181.

² Завершение перевода Абдурахман-хана было приурочено ко времени посещения Акбаром-шахом в Кабуле гробницы Бабура. (См. Абдул Фазл. «Акбар наме», рип ИР АН УзССР, инв. № 6, л. 62 б).

в своих трудах на сведениях Бабура. Материалы Бабура, изложенные в «Бабур-наме», были широко использованы в качестве первоисточников другими историками Индии (Гульбадан-бегим, Абдул Фазл, Ферришта, Низамутдин Херави, Бадауни, Хинди Мирхи и др.).

В настоящее время «Бабур-наме» все более привлекает внимание специалистов из разных стран мира. Ценность сведений, приведенных в «Бабур-наме», искренность и самокритичность автора, достоверность фактического материала получили единодушное признание ученых. Данные «Бабур-наме» вошли неотъемлемой частью в сводные тома по истории народов Афганистана, Индии и Средней Азии.

К «Бабур-наме» с особым уважением относятся советские ученые. Ими широко использованы бесценные исторические материалы, приведенные Бабуром в своей книге. В своих исследованиях советские ученые особо отметили оригинальность данных Бабура, ценность его фактических материалов для политической и социально-экономической истории народов Средней Азии, Афганистана и Индии.

В этом отношении необходимо выделить работы историков (В. В. Бартольд, А. М. Белинецкий, А. А. Семенов, А. Ю. Якубовский, Я. Г. Гулямова, Р. Н. Набиева, А. Мухтаров, С. А. Азимджанова), литературоведов (Е. Э. Бертельс, А. Н. Болдырев, В. Ю. Захидов, Н. Малаев, А. П. Каюмов, Х. С. Сулейманов, И. В. Стеблева) и лингвистов (А. К. Баровков, А. Н. Кононов, Х. Назарова) и других.

В изучении «Бабур-наме» и ознакомлении с ее содержанием мировой общественности значительный вклад внесли ученые зарубежных стран: Голландии (1705 г. — Витсен), Англии (1826 г. — У. Эрскин и Ж. Лейден; 1844 г. — Р. Колдекот; 1905 г. — А. Беверидж; 1909 г. — Талбот); Германии (1810 — Ю. Клапрат, 1828 — А. Кейзер), Франции (1871 — Паве де Куртейл, 1980 — Банке Грамон), Афганистана (Абдул Хай Хабиби), Пакистана (Рашид Ахтар Надви, шах Алам Мавлийат), Индии (1924 г. — Мирза Насриддин Хайдар, Ризви), Турции (1943—1946 гг. — Р. Р. Арат и И. Н. Бакюр).

В 1714 г. в Бухаре был впервые приобретен Тимуром Пулатом список «Бабур-наме». Эта рукопись затем была изучена Георгом Джекат Кером в Санкт-Петербурге. На основе этой же рукописи в 1857 г. было осуществлено первое издание «Бабур-наме» в Казани Н. Ильминским. Другой список, переписанный Абу ал Вахабом, — учителем из Гиждувана в 1709 г., попал в Петербург спустя 100 лет после рукописи Кера и там с него была сделана отдельная копия Сенковским в 1824 г.

Итак, вышеприведенные факты говорят о том, что интерес к богатой по содержанию книге Бабура «Бабур-наме» впервые в мире был проявлен на родине автора — в Средней Азии в начале XVIII в., а затем на основе этого осуществлялись публикации текста¹.

¹ «Бабур-наме». Изд. Н. Ильминского. Казань, 1857.

В изучение «Бабур-наме», а также поэтического наследия Бабура весомый вклад внесли ученые Узбекистана. Среди них необходимо отметить издание текста «Бабур-наме» (1948 г.) в 2-х томах П. Шамсиевым и С. Мирзаевым, в 1960 г. указанными учеными была повторно опубликована «Бабур-наме» в одном томе с предисловием В. Захидова. Перевод на русский язык «Бабур-наме» был осуществлен М. А. Салье и опубликован в 1958—1960 гг. с предисловием С. Азимджановой¹. В 1965—66 гг. были изданы в трех томах избранные сочинения Бабура, куда вошли его стихотворный диван (т. I) и «Бабур-наме» (тт. II, III)².

Интерес к замечательным творениям Бабура, особенно к его книге «Бабур-наме», возрастает год от года во всем мире. Ярким доказательством тому являются многочисленные исследования сведений, приведенных Бабуrom в «Бабур-наме» по географии Индии, Афганистана и Средней Азии, а также выход ряда работ, посвященных исследованию его биографии, изучению эпохи Бабура, его литературного наследия³.

Несмотря на то, что творчество Бабура весьма богато и многогранно, личность его чрезвычайно сложна и противоречива. Общеизвестно, что он был поэтом-лириком, образованной личностью своего времени, но в то же время он был сыном своей эпохи, типичным представителем класса феодалов, и его политические взгляды, несомненно, отражали взгляды этого класса, а практическая деятельность была направлена на укрепление господствующего положения крупных феодалов, власть которых опиралась на жестокую эксплуатацию народа. Сложность, противоречивость взглядов Бабура, их классовый характер и политическая направленность нашли отражение в его «Бабур-наме» и стихах.

Бабур, являясь одним из лучших представителей среднеазиатской феодальной культуры, внес значительный вклад в развитие культуры народов Востока и, прежде всего, индийской историографии.

О значении «Бабур-наме» и ее роли в истории культуры народов Востока дали самые лестные характеристики многие известные ученые мира. Их внимание акцентировалось на ценности сведений, приведенных в «Бабур-наме» по истории, фи-

¹ Бабур. «Бабур-наме», ч. I, пер. М. Салье, изд. АН УзССР, Т., 1958.

² Бабур. Сочинения в трех томах на узб. яз. (I том — подготовка к изданию С. Азимджановой, А. Каюмова, ред. В. Ю. Захидов; II—III тт. — подготовка к изданию П. Шамсиевой, ред. Х. Пулатов), Т. Фан, 1965—66 гг.

³ Интерес к жизни и творчеству Бабура все больше проявляют и писатели. Выход в свет романа П. Кадырова «Звездные ночи» на узбекском языке и последующее его издание на русском языке было высоко оценено читательской общественностью. Автор романа и его переводчик Ю. Суrowцев были удостоены премии им. Хамзы. См. П. Кадыров (пер. Ю. Суrowцева) «Звездные ночи», М., Советский писатель, 1980.

лософии, этнография и географии. Мнения ученых в оценке значения «Бабур-наме» для истории народов Востока единодушны. Они считают, что приведенные Бабуром сведения по своему значению выше любого исторического источника того времени, что по содержанию, языку и стилю, манере изложения «Бабур-наме» занимает особое место.

Джавахарлал Неру в своей книге «Открытие Индии» писал: «Бабур был обаятельной личностью, типичным государем эпохи Возрождения, смелым, предприимчивым человеком, он любил искусство, литературу, любил наслаждаться жизнью...»¹

Индийский ученый Саид Абдул Латиф в «Очерках истории индийской культуры»² также дает высокую оценку дарованиям Бабура. Он считает, что стихи Бабура — совершенны по форме и что он, являясь мастером «чистого безыскусственного стиля как в прозе, так и в поэзии», достиг больших успехов на литературном поприще. Известный английский ученый Аннет Сусанна Беверидж, исследователь и автор перевода «Бабур-наме» на английский язык, ставит эту книгу в один ряд с мемуарами Гиббона и Ньютона, «в Азию же, замечает А. Беверидж, она (т. е. автобиография Бабура) стоит особняком от других»³. «Мемуары Бабура следует рассматривать в одном ряду с наиболее увлекательными и романтическими произведениями литературы всех времен, они написаны на той разновидности турецкого языка, которая известна под названием тюркского языка, являющегося родным языком Бабура», — писал другой английский востоковед, издатель стихотворного дивана Бабура Е. Дениссон Росс.⁴

Бабур в «Бабур-наме» проводит мысль о том, что в этом скоротечном и бренном мире долг каждого оставить после себя доброе имя. Вот что он пишет:

Если я умру с добрым именем — хорошо.

Мне нужно (доброе) имя — тело принадлежит смерти.

Великое творение «Бабур-наме» и поэтические произведения обессмертили имя Бабура в веках.

* * *

Данное издание «Бабур-наме» подготовлено на основе перевода на русский язык, осуществленного востоковедом Михаилом Александровичем Салье, который был опубликован Издательством Академии наук Узбекской ССР под грифом Института востоковедения АН УзССР в 1958 г.

Этот перевод был основан на Хайдарабадской рукописи, изданной в 1905 г. в Лондоне А. Беверидж. Чрезвычайно малый тираж этого издания в настоящее время превратил рус-

¹ Дж. Неру. «Открытие Индии», М., 1955, стр. 371.

² Syed Abdul. Latif. „An outline of the Cultural History of Ind. a.». Hyderabad, 1958

³ См. Calcutta Review, 1879.

⁴ См. Кембриджская история, том IV, глава 1.

ский перевод «Бабур-наме» в библиографическую редкость. Поэтому, учитывая большой интерес читательской общественности к содержанию этого замечательного памятника, возникла необходимость переиздания его перевода на русский язык.

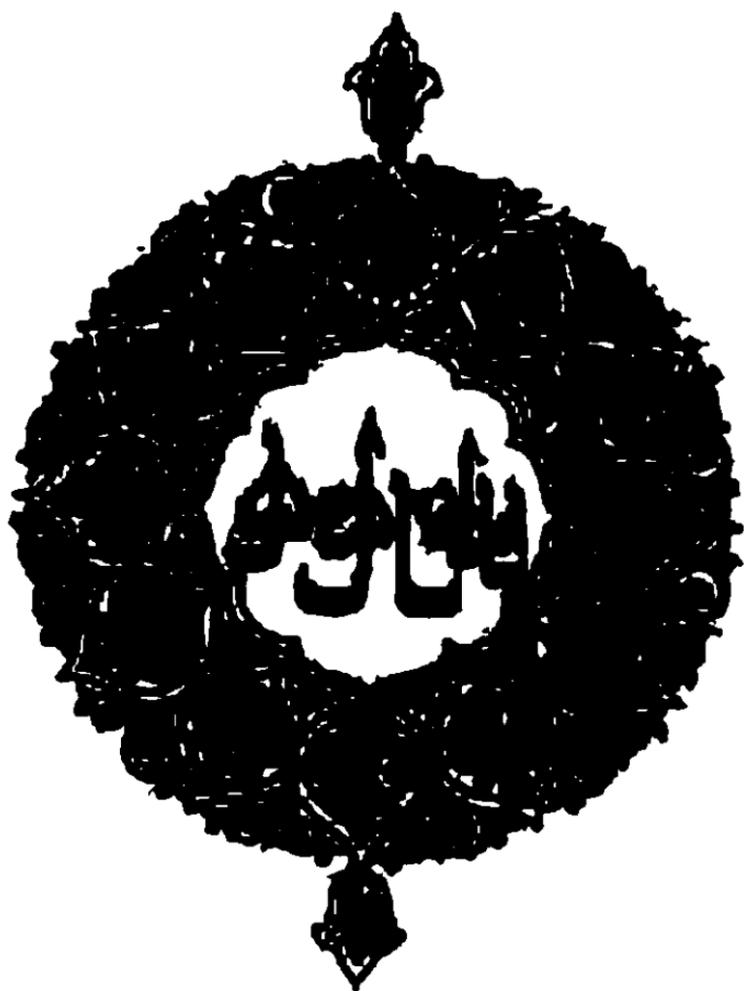
Настоящее издание «Бабур-наме» является сокращенным вариантом упомянутого издания. При его подготовке перевод М. Салье подвергался незначительным сокращениям за счет удаления мелких подробностей без какого-либо ущерба его содержанию. Кроме того, текст перевода М. Салье в отдельных случаях заново был сличен с хайдарабадским текстом в издании А. Беверидж, а также с изданием Н. Ильминского. В отдельных необходимых случаях в текст перевода внесены уточнения.

Такие же сравнения произведены по отношению и стихам, приведенным в тексте «Бабур-наме», автором которых является в большинстве случаев сам Бабур или его предшественники и современники. Эти стихи, как известно, составлены на двух языках — староузбекском и фарси. Сравнение перевода этих стихов, выполненного М. Салье, с оригиналом текста также обнаруживает некоторые вольные их переводы. Во время подготовки настоящего издания некоторые из них даны в новой интерпретации.

На полях этого издания мы сочли необходимым сохранить нумерацию страниц Хайдарабадской рукописи «Бабур-наме» в издании А. Беверидж, чтобы читатель имел возможность при необходимости сличить и сравнить перевод с текстом «Бабур-наме» в вышеуказанном издании.

Хотелось бы надеяться, что это издание «Бабур-наме» в переводе на русский язык с некоторыми его сокращениями при всех имеющихся место недочетах все же послужит на пользу всем, кто интересуется историко-литературным наследием Захириддина Бабура, представляющего собой одну из ярких страниц мемуарного жанра литературы народов Востока.

С. Азимджанова

СОБЫТИЯ ГОДА ВОСЕМЬСОТ ДЕВЯНОСТО ДЕВЯТОГО¹

Во имя Аллаха милостивого, милосердного! В месяце рамазане года восемьсот девяносто девятого я стал государем области Ферганы на двенадцатом году жизни. 16

Фергана — область в пятом климате, находится на границе возделанных земель. На востоке от нее — Кашгар, на западе — Самарканд, на юге — горы Бадахшанской границы; на севере хотя раньше и были такие города, как Алмалык, Алмату и Янги, название которого пишут в книгах Отрар, но теперь из-за [нашествий] моголов и узбеков они разрушены и там совсем не осталось населенных мест.

Фергана — небольшая область, хлеба и плодов там много. Вокруг Ферганы находятся горы; с западной окраины, где Самарканд и Ходженд, гор нет; зимой ни с какой стороны, кроме этой, враг не может пройти.

Река Сейхун, || известная под названием Воды Ходженда, 2a приходит в Фергану с северо-восточной стороны; пройдя через эту область, она течет на запад, проходит севернее Ходженда и южнее Финакета, который теперь более известен под названием Шахрухия, потом снова уклоняется на север и течет в сторону Туркестана; значительно ниже Туркестана эта река, не сливаясь ни с какой [другой] рекой, вся впитывается в песок и [исчезает].

В Фергане семь городов; пять из них — на южном берегу реки Сейхун, два — на северном берегу.

Один из городов на южном берегу — Андиджай, который находится посредине. Это — столица области Ферганы. Хлеба там много и плоды изобильны, дыни и виноград хороши; во время созревания дынь [из-за обилия] не в обычае продавать их с бахчи, груш лучше андижанских не бывает.

В Мавераннахре, кроме Самарканда и Кеша, нет крепости

¹ Бабур летоисчисление ведет годами хиджры. 899 год хиджры соответствует 1494 году нашей эры.

больше Андиджана. В городе трое ворот, арк Андиджана находится на южной стороне. Вода поступает [в город] по девяти каналам: [самое] удивительное, что она [потом] не выходит ни в одном месте.

Вокруг крепости, с внешней стороны рва, большая дорога, вымощенная щебнем; крепость везде окружают пригороды, отделяемые от крепости рвом, по краю которого тянется большая дорога.

26 Дичи там много, фазаны || неизмеримо жирны; рассказывали, будто четыре человека, приступив к фазану с приправой, не могут его прикончить.

Жители Андиджана — все турки; в городе и на базаре нет человека, который бы не знал по-турки. Говор народа сходен с литературным; сочинения Мир Алишера Навои, хотя он вырос и воспитывался в Герате, [написаны] на этом языке.

Среди жителей Андиджана много красавцев; Ходжа Юсуф, который известен в музыке, — андиджанец.

В воздухе Андиджана есть гнилость, осенью многие болеют лихорадкой.

Еще один город — Ош. Он стоит к юго-востоку [более — к востоку] от Андиджана, в четырех йнгачак пути; воздух там прекрасный, проточной воды много; очень хороша бывает весна. О достоинствах Оша дошло много преданий.

К юго-востоку от крепости стоит красивая гора, называемая Бара-Кух. На вершине этой горы Султан Махмуд хан построил худжру. Ниже ее, на выступе горы, я тоже построил в девятьсот втором году худжру с айваном. Хотя его худжра стоит выше моей, но моя расположена много лучше: весь го-

3а род и предместья расстилаются под нею. ||

Река Андиджана, пройдя через предместья Оша, течет в Андиджан. На обоих берегах этой рени раскинулись сады, все сады возвышаются над рекой. Очень красивы в них фиалки.

В Оше есть текучая вода, очень хороша там бывает весна: расцветает много тюльпанов и роз. У подошвы горы Бара-Кух, между горой и городом, стоит мечеть, называемая мечетью Джауза. По склону горы течет большой ручей. Внешний двор мечети несколько покатый, там есть приятная, тенистая лужайка, поросшая трилистником; каждый путешественник и странник, проходя, отдыхает там. В Оше существует такая забава: на всякого, кто заснет на лужайке, пускают воду из этого ручья.

В последние годы жизни Омар Шейх мирзы на этой горе нашли камень с белыми и красными прожилками. Из него де-

лают ручки ножей, пряжки для поясов и другие вещи. Это очень хороший камень. В области Ферганы нет города, равно-
го Ошу по приятности и чистоте воздуха.

Еще один город — Маргинан, к западу от Андиджана в семи йигачах пути. Это хороший город, полный всякой благодати. Гранаты и урюк там обильны и хороши. Есть один сорт граната, который называют донакалан; в его сладости чувствуется легкий приятный [кислый привкус] абрикоса. [Этим гранатам] || можно отдать предпочтение перед семнанскими гра-
натами. 36

Имеется там еще сорт урюка, из которого вынимают косточки, [а вместо них] кладут внутрь [плода] ядрышки и сушат; называют его субхани, он очень вкусный.

Дичь там хорошая; белые кийки попадают близко.

Жители Маргинана — сарты; это драчливый и беспокойный народ. Обычай драться на кулаках распространен в Мавераннахре; большинство знаменитых кулачных бойцов в Самарканде и в Бухаре — маргинанцы.

Автор Х и да и — уроженец селения маргинанской области, называемого Ришдан.

Еще один город — Исфара. Он стоит в предгорье, Там есть проточные каналы и приятные сады. [Исфара] находится к юго-западу от Маргинана, между Маргинаном и Исфарой девять йигачей пути. Плодовых деревьев там много, но в садах преобладают миндальные деревья.

Все жители Исфары — сарты и говорят по-персидски. В одном шери к югу от Исфары среди холмов лежит глыба камня, называемого Санги-и Айна. Длинной [камень] будет приблизительно в десять нари, высотой же в иных местах — в рост человека, где ниже — человеку по пояс. Все вещи отражаются в нем, как в зеркале.

Исфара — гористая область из четырех булуков. Один называется Исфара, другой — Варух, третий — Сух и четвертый — Хушьяр. Когда Мухаммед Шейбани хан, разбив Султана Махмуд хана и Алача хана, взял Ташкент и Шахрухию, я вступил в эту гористую местность || Суха и Хушьяра; терпя лишения, я провел там около года, затем направился в Кабул. 4a

Еще один город в Фергане — Ходженд. Он расположен от Андиджана на запад в двадцати пяти йигачах пути; от Ходженда до Самарканда тоже двадцать пять йигачей пути. Это один из древних городов; из него [происходят] Шейх Маслахат и Ходжа Камал.

Плоды там очень хороши, ходжендские гранаты славятся

своим прекрасным качеством. Как говорят: «самаркандские яблоки», так говорят: «ходжендские гранаты». Но в настоящее время маргинаские гранаты [считаются] много лучше.

Крепость Ходженда стоит на возвышенном месте. Река Сейхун течет мимо Ходженда с северной стороны, на расстоянии полета стрелы от крепости. К северу от крепости и реки стоит гора, называемая Муту-Гил; говорят, на этой горе находятся бирюзовые месторождения и другие рудники; на горе много змей.

В Ходженде есть прекрасные места для охоты на зверей и птиц. Белые кийники, олени, бугу-маралы, фазаны и зайцы водятся там во множестве. Воздух в Ходженде очень гнилостный, осенью многих лихорадит. Рассказывали, будто даже воробьев лихорадило. Говорят, что воздух там гнилостный из-за гор на северной стороне.

46 Одно из подчиненных Ходженду [местечек] — Канд-и Бадам. Это, правда, не город, но хорошенький городок. Миндаль в нем превосходит: по этой причине || [Канд-и Бадам] и назван таким именем. Весь его миндаль идет в Хурмуз и в Хиндустая. От Ходженда [Канд-и Бадам] находится в пяти-шести йигачах к востоку.

Между Ходжендом и Канд-и Бадамом раскинулась степь, называемая Ха-Дервиш. В степи этой всегда дует ветер; на восток, в Маргинан мчится ветер оттуда; на запад, в Ходженд ветер постоянно дует оттуда. Сильные бывают там вихри. Говорят, будто несколько дервишей попали в эту пустыню в сильный ураган. [Их разметало], и они не могли найти друг друга; стали кричать: «Ха, дервиш, ха, дервиш», пока все не погибли. С тех пор эту пустыню и называют Ха-Дервиш.

5a Один из городов на северном берегу реки Сейхун — Ахси; в книгах это [название] пишут: Ахсинет, так же как поэт Асир ад-дина называют Асир ад-дин Ахсикети. В Фергане после Андиджана нет города больше этого. От Андиджана к западу [до Ахси] девять йигачей пути. Омар Шейх мирза сделал его своей столицей. Река Сейхун течет под крепостью. Крепость стоит на высоком яру. Вместо рва там служат глубокие овраги. Омар Шейх мирза, когда сделал Ахси своей столицей, еще раз или два копал овраги дальше, вне крепости. В Фергане нет [другой] такой неприступной крепости. || Пригороды тянутся на расстояние более одного шери от крепости. Поговорку: «Где деревня, а где деревья?», вероятно, сказали про Ахси.

Дыни там бывают хорошие; есть один сорт дынь, называемый мир-тимури; неизвестно, существуют ли еще где нибудь в

мире такие дыни. Бухарские дыни [тоже] знамениты. [Но], когда я взял Самарканд и приказал привезти дынь из Ахси и из Бухары и велел их разрезать на одном собрании, [то] ахсийские дыни оказались вне всякого сравнения.

Дичь в Ахси очень хороша. Сторона реки Сейхун, где стоит Ахси, степная; там много белых кийников. Андиджанская сторона — [сплошь] густой кустарник; там попадаетея много бугу-маралов и зайцев, они очень жирные.

Еще один [город] — Касан, он находится к северу от Ахси. Это город поменьше. Как река Андиджана притекает от Оша, так река Ахси течет от Касана. Это местность с прекрасным воздухом. Так как ее красивые сады все находятся на берегу реки, то их называли «шубой из мерлушек». Жители Оша и Касана похваляются приятностью и чистотой воздуха [своих городов].

В горах, окружающих область Ферганы, есть хорошие летовки; на этих горах растет дерево табулгу — больше его нигде нет. Табулгу — дерево с красной корой; || из этого дерева 56 вырезают посохи, выделывают ручки плеток, изготавливают клетки для птиц. Обстругав дерево, из него делают бесперые стрелы. Это очень хорошее дерево. Его привозят как подарок в далекие места.

В некоторых книгах пишут, что «ябрух ас-санам» растет на этих горах, но теперь об этом ничего не слышно. Слышал я про одну траву, которая растет в Йетти-кентских горах. Народ тамошний называет эту траву «айк-ути» и она имеет свойства травы «михр-гиях». Наверно это и есть михр-гиях, а те люди называют ее именем [айк-ути]. В этих горах есть бирюзовые россыпи и железные рудники.

Доходами с области Ферганы можно, если соблюдать сиреведливость, содержать три-четыре тысячи человек.

* * *

Так как Омар Шейх мирза был государь с высокими помыслами и великими притязаниями, то он всегда имел стремление к захвату [чужих] владений. Он неоднократно водил войска на Самарканд, иногда терпел поражение, иногда возвращался против своей воли. Несколько раз он призывал к себе своего тестя Юнус хана, одного из потомков Джагатай хана, второго сына Чингиз хана. Ханом могольского народа в юрте Джагатай был в то время этот Юнус хан, который приходился мне дедом. Призвав его, Омар Шейх мирза всякий раз давал ему какую-нибудь область. Поскольку дела шли не

тан, как хотел Омар Шейх мирза, то иногда по причине дурного нрава Омар Шейха, || а иногда — вследствие сопротивления могольского народа [Юнус хан] не мог оставаться в этой области и опять уходил в Моголистан.

Когда Омар Шейх мирза призвал Юнус хана в последний раз, он отдал ему область Ташкента, которая в то время была во власти Омар Шейх мирзы: в книгах [название] Ташкент пишут Иш, а иногда пишут Чач, откуда выражение «чачские луки». С того времени и до девятьсот восьмого года области Ташкента и Шахрухин находились во власти джагатайских ханов. В ту пору власть хана могольского народа принадлежала старшему сыну Юнус хана, моему дяде Султан Махмуд хану. Так как старший брат Омар Шейх мирзы государь Самарканда Султан Ахмед мирза и хан могольского народа Султан Махмуд хан много терпели от дурного нрава Омар Шейх мирзы, то они заключили друг с другом союз. Султан Ахмед мирза сделал Султан Махмуд хана своим зятем и в упомянутом году Султан Ахмед мирза с южной стороны рени Ходженда, а Султан Махмуд хан с северной стороны повели войско против Омар Шейх мирзы.

66 В это время случилось удивительное происшествие. Уже было упомянуто, || что укрепление Акси стояло на высоком яру. Постройки находились на краю обрыва. В том году в понедельник четвертого числа месяца рамазана Омар Шейх мирза вместе с голубями и голубятней полетел в овраг и умер. Прожил он тридцать девять лет.

РОЖДЕНИЕ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ [ОМАР ШЕЙХА]

Он родился в [году] восемьсот шестидесятом в Самарканде и был четвертым сыном султана Абу Са'ид мирзы, моложе Султан Ахмед мирзы, Султан Мухаммед мирзы и Султан Махмуд мирзы. Султан Абу Са'ид мирза был сыном Султан Мухаммед мирзы, Султан Мухаммед мирза был сыном Миран Шах мирзы, а Миран Шах мирза был третьим сыном эмира Тимур бека и был младше Омар Шейх мирзы и Джахангир мирзы и старше Шахрух мирзы.

Абу Са'ид мирза сначала отдал Омар Шейх мирзе Кабул и, назначив Баба-и Кабули его воспитателем, отпустил их туда. По случаю празднования обрезания мира он воротил Омар Шейх мирзу от Дара-и Газа и велел доставить его в Самарканд. После праздника в соответствии с тем, как Тимур бек отдал старшему Омар Шейх мирзе область Ферганы, Абу

Са'ид мирза пожаловал Омар Шейх мирзе область Андиджан и, назначив Худай Берди Тугчи Тимур таша воспитателем сына, послал их туда.

НАРУЖНОСТЬ И КАЧЕСТВА [ОМАР ШЕЙХА]

Омар Шейх был небольшого роста, тучный, с круглой бородой, белолицый. Халат \parallel он носил очень узкий и, стягивая 7a пояс, убирал живот внутрь; если же, стянув пояс, он давал себе волю, то завязки часто лопались.

В одежде и пище он был непритворлив; чалму обвертывал ему особый слуга; в то время все обвертывали чалму четыре раза; ее наматывали без складок, опуская концы вниз. Летом везде, кроме дивана, он большей частью ходил в могольской шапке.

СВОЙСТВА НРАВА И ОБЫЧАИ [ОМАР ШЕЙХА]

Омар Шейх мирза был ханифит по исповеданию и человек чистой веры; он не пренебрегал пятикратной молитвой, всю жизнь полностью возмещал пропущенные обряды и часто читал Коран. Он был муридом досточтимого Ходжи Убайд Аллаха и часто устаивался беседы с ним. Досточтимый Ходжа даже называл его сыном.

Омар Шейх мирза был хорошо грамотен и читал обе «Пятиерицы», книги месневи и летописи; чаще всего он читал Шахнаме. У него был дар к стихосложению, но он не уделял внимания поэзии.

Справедливость его достигала высокой степени. Однажды, когда из Китая шел караван, то у подошвы гор к востоку от Андиджана караван из тысячи людей так засыпало снегом, что спаслись только два человека. Получив об этом известие, Омар Шейх мирза послал сборщиков и задержал все товары \parallel каравана. Хотя наследников налицо не было, Омар Шейх мирза сберег товары несмотря на то, что сам нуждался. Год или два спустя он вызвал наследников из Самарканда и Хорасана и вручил им их товары в целости. 76

Он отличался большой щедростью, и нрав его соответствовал его щедрости. Это был добродушный, болтливый, речистый, сладкоустый человек; смелый и отважный муж это был. Дважды он вырывался вперед всех своих йигитов и обнажал меч: один раз — у ворот Ахси, другой раз — у ворот Шахрухи. Стрелял он из лука посредственно, но здорово бился на

кулаках; ни один йигит не мог устоять под ударом его кулака.

По склонности к захвату земель он часто сменял мир на битву и дружбу на вражду. В прежние времена он много пил, но позднее устраивал попойки раз или два в неделю. Он был хорошим собеседником и при случае прекрасно читал стихи. В последнее время он сильно пристрастился к возбуждающим средствам и, будучи возбужден, приходил в неистовство. Он был человек влюбчивый и много страдал от мук любви, а также постоянно играл в нарды, а иногда и в кости.

БИТВЫ И СРАЖЕНИЯ

8а Он сражался в трех битвах. Первый бой был у него с Юнус-ханом к северу от Андиджана, || на берегу реки Сейхун, при местечке Теке-Саграган. Это место потому так названо, что река из-за гор до того узка, что, говорят, будто там через нее прыгают козлы.

Будучи побежден, Омар Шейх мирза попал в руки врага, однако Юнус хан, оказав благодеяние, отпустил его в его страну. Из-за того, что битва произошла в этом месте, сражение при Теке-Саграган стало памятным днем в той стране.

В другой раз в Туркестане, на берегах реки Арыс, он сразился с узбеками, которые возвращались после набега на окрестности Самарканда. Перейдя Арыс по льду, Омар Шейх мирза здорово разбил узбеков, отобрал у них пленных и скот и вернул все [прежним] владельцам, не позарившись ни на что.

Еще он сражался с Султан Ахмед мирзой у селения Хавас, между Шахрухией и Ура-Тена, и был побежден.

ВЛАДЕНИЯ ОМАР ШЕЙХ МИРЗЫ

8б Отец его отдал ему область Ферганы; некоторое время Ташкент и Сайрам, которые отдал ему брат Султан Ахмед мирза, тоже находились под властью мирзы Омар Шейха. Захватив обманом Шахрухию, Омар Шейх мирза некоторое время властвовал там; в последние годы Ташкент и Шахрухия вышли из его рук, и владением его была Фергана, а также Ходженд и Ура-Тена; первоначальное название этого города — Усрушна, но говорят также и Усруш; Ходженд некоторые не считают входящим в Фергану. ||

Когда Султан Ахмед мирза пошел в Ташкент на моголов и потерпел поражение на берегах реки Чир, в Ура-Тена сидел

Хафиз [Мухаммед] бек Дулдай. Он отдал город мирзе, и с тех пор Усрушна была во власти мирзы Омар Шейха.

ЕГО ПОТОМСТВО

После мирзы осталось трое сыновей и пять дочерей. Старший из всех сыновей был я — Захир ад-дин Мухаммед Бабур, моей матерью была Кутлук Нигар ханум. Еще один сын был Джахангир мирза, младше меня на два года; его мать происходила от могольских туманбсков и звали ее Фатима Султан. Еще один сын был Насир мирза. Его мать была из Андиджана, наложница, по имени Умид. Он был младше меня на четыре года.

Старше всех дочерей была Ханзаде биким; она родилась от одной со мной матери и была старше меня на пять лет. Когда я второй раз взял Самарканд, то хотя я и потерпел поражение у Сар-и Пула, однако все же, придя [в Самарканд], пять месяцев защищал крепость. От окрестных и соседних государей и беков не было никакой поддержки и помощи. Отчаявшись, я бросил крепость и ушел. Во время безвластия Ханзаде биким досталась Мухаммед Шейбани хану. У нее родился сын по имени Хуррам шах, это был приятный юноша. [Шейбани хан] отдал ему область Балха, || но через год-два ^{9а} после смерти своего отца он [тоже] отправился к милости Аллаха.

Когда шах Исмаил разбил узбеков под Мервом, Ханзаде биким была в Мерве. Ради меня с ней обошлись хорошо и отправили ее ко мне, как следовало. Прибыв в Кундуз, она присоединилась ко мне. Наша разлука продолжалась десять лет. Мы вдвоем с Мухаммад кукельташем пришли к ней. [Ханзаде] биким и ее близкие не узнали меня, хотя я сказал [свое имя]. Но через некоторое время они меня узнали.

Еще одна дочь [Омар шейха] — Михр Бану биким от одной матери с Насир мирзой. Она была старше меня на два года.

Еще одна дочь — Шахр Бану биким. Она тоже от одной матери с Насир мирзой, моложе меня на восемь лет.

Еще одна дочь — Ядгар Султан биким. Ее мать по имени Ага Султан была наложницей.

Еще одна дочь — Рунайя Султан биким. Ее матерью была Махум Султан биким, которую называли Кара Куз биким. Обе эти девочки родились после смерти мирзы, Ядгар Султан биким воспитывала моя бабка Исан Даулат биким. Когда Шей-

бани хан взял Андиджан и Акси. Ядгар Султан биким досталась сыну Хамза султана, Абд ал-Латиф султану, а когда я разбил султанов во главе с Хамза султаном в области Хутталан и взял Хисар, то она присоединилась ко мне. Во время безвластия Рукайя Султан биким досталась Джани бек султану. || У нее родились один или два сына, но не жили. В настоящее время пришло известие, что она отправилась к милости Аллаха.

16a Когда с Омар Шейх мирзой случилось то происшествие, я был в Андиджане, в чар-баге. Во вторник пятого числа месяца рамазана весть об этом пришла в Андиджан. Я поспешно сел на коня и с теми слугами и нукерами, что были при мне, направился в крепость. Когда я подъехал к воротам мирзы, Ширим Тагай, схватив моего коня под уздцы, двинулся в сторону Намазгаха. Ему пришло на ум, что Султан Ахмед мирза — великий || государь, и если он явится с многочисленным войском, то беки обязательно отдадут ему и меня и область Ферганы. Поэтому меня следует отвезти в Узгенд, к подножию гор. Если область и отдадут, то я, во всяком случае, не попаду в руки врагов и отправлюсь к моим дядям — Алача хану или Султан Махмуд хану.

Когда Ходжа Маулана-и Кази, сын Султан Ахмеда Кази и потомок Шейха Бурхан ад-дина Клича, со стороны матери (он возводил свой род к Султан Илеку Маза; члены этого семейства оказались в области [Ферганы] прибежищем для всех и как бы наставниками в исламе, и упоминание о них будет еще неоднократно повторяться) и беки, находившиеся в крепости, получили известие об этом, они послали [к нам] Ходжа Мухаммед Дарзи, который был старым слугой Омар Шейх мирзы и воспитателем одной из его дочерей. Тот устранил эти опасения из сердца беков и, когда я приблизился к Намазгаху, взял меня и повернул обратно. Я въехал в арк и спешил. Ходжа Маулана-и Кази и беки, явившись ко мне и достигнув единства в речах и советах, приступили к укреплению и приведению в порядок башен и валов крепости. Хасан Якуб, Насим Каучин и некоторые другие беки, которые отправились вперед, в сторону Маргинана и окрестных мест, через день или два прибыли и, вступив ко мне на службу, согласно и единодушно, 16b с усердием || и рвением занялись защитой крепости.

Султан Ахмед мирза, взяв Ура-Тепя, Ходженд и Маргинан, пришел и стал в Куба, в четырех йигахах от Андиджана. В это время один из андиджанских вельмож по имени Дервиш

Гау за произнесение неподобающих слов подвергся казни. После такой расправы весь народ смирился.

Ходжу [Маулана-и] Кази и Узун Хасана, брата Ходжа Хусейна, я отправил [и Султан Ахмед мирзе] в качестве послов с таким предложением: «В эту область должно поставить кого-нибудь из ваших слуг. Я вам и слуга, и сын; если бы эту службу поручили мне, то было бы найдено лучшее и легчайшее решение».

Султан Ахмед мирза был человек немногословный, скромный и мягкий; никакое его слово, соглашение или дело не имело силы без беков. Беки не вняли моим словам и, дав грубый ответ, двинулись вперед. Однако Аллах всевышний, который по своему совершенному могуществу всегда устраивал всякое мое дело, как подобает и следует, не обязывал меня благодарностью его тварям, тогда тоже явил несколько дел, из-за которых враги стали тяготиться этим походом. Они даже раскаивались в своем выступлении и вернулись назад без удачи.

Прежде всего в Куба есть болотистая река, которую нельзя перейти иначе, как по мосту. Когда пришло большое войско и 17а люди столпились на мосту, много коней и верблюдов погибло, свалившись в реку. Тремя-четырьмя годами раньше воины Султан Ахмед мирзы потерпели такое же поражение у переправы через реку Чир. Это событие о нем напомнило, и воинов охватил страх.

Еще: в это время на коней напал такой мор, что они валились и издыхали целыми косяками.

Еще: враги нашли наших воинов и подданных вполне единодушными и согласными, и те не прекращали усилий, пока был у них в теле дух и сила.

По этим причинам враги, будучи в одном йигаче от Андиджана, поневоле прислали к нам Дервиш Мухаммед тархана. Из крепости вышел Хасан Якуб; возле Намазгаха послы свиделись, заключили нечто вроде мира и воротились.

Вдоль северного берега реки Ходженда, [как уже сказано], шел Султан Махмуд хан. Он пришел и осадил Ахси. Джахангир мирза был там. Из беков в Ахси находились Али Дервиш бек, Мирза Кули кукельташ, Мухаммед Бакир бек и Шейх Абд Аллах ишник-ага; Ваис Лагари и Мир Гияс Тагай [сначала] тоже были там. Опасаясь беков, они ушли в Касан — область, [управлявшуюся] Ваис Лагари. Ваис Лагари был воспитателем Насир мирзы, по этой причине Насир мирза и находился в Касане. Когда Султан Махмуд хан достиг окрестностей Ахси,

176 эти беки предались Хану || и отдали ему Касан. Мир Гияс остался на службе у Хана, Ваис Лагари отвез Насир мирзу к Султан Ахмед мирзе: [царевича] поручили Мухаммед Мазид тархану.

Хан, приблизившись к Ахси, несколько раз начинал сражение, но ничего не мог сделать: беки и воины, находившиеся в Ахси, хорошо сопротивлялись. В это время Султан Махмуд хан внезапно заболел; к тому же, начав войну, он ею тяготился. Поэтому он вернулся в свою область.

Абу Бенр Дуглат Кашгари, ни перед кем не склоняя голову, уже несколько лет был правителем Кашгара и Хотана. Одержимый стремлением к захвату стран, он подошел близко к Узгенду, построил укрепления и начал было разорять область; Ходжа Кази и все беки были назначены выступить и прогнать [Абу Бенра] Кашгари. Когда они подошли близко, Кашгари увидел, что он не соперник этому отряду. Призвав Ходжа Кази в посредники, он освободился с помощью сотни улук и хитростей.

Пока происходили эти большие события, беки и воины, оставшиеся после Омар Шейх мирзы, тесно сплотились и проявляли рвение. Мать мирзы Султан биким, Джехангир мирза, женщины гарема и беки прибыли [из Ахси] в Андиджан и, исполняя обряд оплакивания, роздали бедным и нищим еду и кушанья. || Освободившись от этих дел, я начал заниматься приведением в порядок, устройением и укреплением войска и страны. Должность правителя Андиджана и звание ишик-аги были предоставлены Хасан Якубу, Ош предоставили Касим Каучину, Ахси и Маргинан были назначены Узун Хасану и Али Дуст Тагаю. Прочим бекам и воинам Омар Шейх мирзы пожаловали и предоставили области, земли, должности, чины или жалованье — каждому по его положению.

Когда Султан Ахмед мирза возвращался обратно, то после двух или трех переходов натура его уклонилась от пути уравновешенности. На него напала жгучая лихорадка и, дойдя до Ак-Су, возле Ура-Тепе, он простился с сим бренным миром в середине месяца шаввала восьмьсот девяносто девятого года в возрасте сорока четырех лет.

РОЖДЕНИЕ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ [СУЛТАН АХМЕД МИРЗЫ]

Он родился в восьмьсот пятьдесят пятом году; это был год, когда Султан Абу Са'ид мирза овладел престолом. Старшим из всех сыновей Султан Абу Са'ид мирзы был он. Его

мать была дочерью Урда Буга тархана, старшей сестрой Дервиш Мухаммед тархана, уважаемой женой Мирзы.

НАРУЖНОСТЬ И ВНЕШНИЕ КАЧЕСТВА

Это был человек высокого роста, с темно-русой бородой, краснолицый и тучный. Борода у него была на подбородке, на обеих щеках бороды || не было. Он был очень хороший собеседник, тюрбан наворачивал по обычаю того времени: в четыре оборота, опуская передний конец вперед, на брови. 186

ПРАВ И ПОВАДКИ

Султан Ахмед мирза был ханифит по исповеданию и человек чистой веры, неизменно совершал пятикратную молитву и даже во время винопития не пренебрегал молитвой. Он был муридом досточтимого Ходжи Убайд Аллаха, досточтимый Ходжа оказывал ему попечение и поддержку. Султан Ахмед мирза был человек очень вежливый, особенно в обществе Ходжи; говорят, что на собраниях у Ходжи он никогда не сдвигал колел. Однажды в обществе досточтимого Ходжи он, вопреки обыкновению, сидел сдвинув ноги. Когда [Ахмед] мирза встал, досточтимый Ходжа приказал осмотреть то место, на котором сидел мирза. Оказалось, что там лежала кость.

Султан Ахмед мирза ничего не читал, он был неграмотный. Хотя он вырос в городе, но был прост и нестесан и не обладал никакими дарованиями. Это был справедливый человек; досточтимый Ходжа всегда наблюдал за ним. Большинство важных дел он решал согласно пути закона, исполнял и соблюдал обещание и слово, никогда не нарушая его. Он отличался храбростью, хотя ни разу не случилось, чтобы его руки дошли до настоящего дела; однако говорят, что в некоторых битвах он проявлял признаки смелости. Стрелял он из лука очень || хорошо и большей частью попадал пернатой и бесперой стрелой в утку. Проносясь с одного конца ристалища до другого, он в большинстве случаев сбивал тыкву, [служившую мишенью]. В конце жизни, когда он обленился, то бил фазанов и перелетов палицей и редко промахивался. 19a

Он был любителем соколиной охоты и запускал много птиц; запускал он их хорошо. После Мирзы Улуг бека не было второго такого государя-сокольничего.

Он был очень стыдлив. Говорят, что даже оставаясь наедине со своими родственниками и близкими, он закрывал от них

ноги. Иногда, начав пить, он пил двадцать-тридцать дней подряд; иногда, воздерживаясь от чашки, не пил тоже по двадцать-тридцать дней. Усевшись пировать, он проводил иногда в собрании целые сутки. Пил он хорошо, а в те дни, когда не пил чашу, ел много возбуждающих средств.

В его природе преобладала скупость; это был человек немногословный и мягкий; воля его была в руках беков.

БИТВЫ СУЛТАН АХМЕД МИРЗЫ

Он сражался в четырех битвах. [Первую битву] он вел в окрестностях Замина, у Акар-Тузи, против младшего брата Шейх Джамал Аргуна, Ни'мат Аргуна, и победил. Другой раз, сразившись с Омар Шейх мирзой под Хавасом, он тоже победил. В третий раз в окрестностях Ташкента, на берегах реки Чир, [в стычке] с Султан Махмуд ханом сражения, собственно, не было: || несколько могольских наездников подсказали саади и войску Султан Ахмед мирзы и захватили обоз; такое множество воинов без боя, без сражения, не глядя друг на друга, обратилось в бегство; большая часть бойцов утонула в реке Чир.

Еще один раз Султан Ахмед мирза [сражался] с Хайдар кукельташем в окрестностях Яр-Яйлака и победил.

Владениями Султан Ахмед мирзы были Самарканд и Бухара, которые дал ему его отец. После убийства Шейх Джамала Абд ал-Куддусом он захватил Ташкент, Шахрухию и Сайрам. Некоторое время эти города были под его властью, потом он отдал Ташкент и Сайрам своему младшему брату Омар Шейх мирзе; Ходженд и Ура-Тепа тоже некоторое время принадлежали Султан Ахмед мирзе.

ДЕТИ СУЛТАН АХМЕД МИРЗЫ

У него было два сына, которые не выжили [и умерли] в младенчестве, и пять дочерей, из них четыре от Катак биким.

20a Старше всех была Рабиа Султан биким, ее называли Кара Куз биким. Султан Ахмед мирза, когда был еще в живых, отдал ее за Султан Махмуд хана. От Хана у нее был один сын, по имени Баба-хан, очень хороший мальчик. Когда узбеки в Ходженде убили Хана, они погубили Баба хана и еще несколько таких же незрелых юношей. После гибели Султан Махмуд хана Рабиа Султан биким взял Джани бек султан. || Второй дочерью Султан Ахмед мирзы была Салиха Султан

биким, ее называли Ак биким. После смерти Султан Ахмед мирзы Султан Махмуд мирза, устроив пиры, взял ее для своего старшего сына Султан Мас'уд мирзы. Потом Салиха Султан биким вместе с Шах биким и Михр Нигар ханум попала в Кашгар.

Третья его дочь — Аиша Султан биким. Когда я приехал в Самарканд, пяти лет от роду, ее прочили за меня. Потом во времена казачества она приехала в Ходженд, там я взял ее в жены. Когда я вторично захватил Самарканд, у нее родилась единственная дочь; несколько дней спустя [девочка] преставилась к милости Аллаха. Еще до неурядиц в Ташкенте Аиша Султан биким по наущению своей старшей сестры ушла от меня.

Четвертой его дочерью была Султаним биким. Ее взял Султан Али мирза, после него — Тимур султан, а затем — Махди султан.

Самая младшая его дочь была Ма'сума Султан биким. Ее матерью была Хабиба Султан биким из рода Аргун — дочь брата Султан Аргуна. Придя в Хорасан, я увидел ее, она мне понравилась, я посватался, привез ее в Кабул и взял в жены. [У нас] родилась дочь, от трудных родов [Масума Султан биким] тогда же отправилась к милости Аллаха. Девочке было дано имя ее матери.

После смерти Султан Ахмед мирзы беки, стоворившись, послали через горы гонца к Султан Махмуд мирзе, призывая его. Сын старшего брата Султан Абу Са'ид мирзы, Менучихр мирзы, Малик Мухаммед мирза, жаждая власти, собрал вокруг себя несколько бродяг и бездельников, покинул лагерь и пришел в Самарканд. Он не смог ничего сделать и стал причиной смерти — своей собственной и нескольких невинных царевичей.

Когда весть об этом дошла до Султан Махмуд мирзы, тот тоже, не задерживаясь, пришел в Самарканд и без труда и усилий воссел на престол.

Из-за некоторых дел Султан Махмуд мирзы худародные и знатные воины и крестьяне почувствовали к нему отвращение и неприязнь. Первое из этих дел таково: упомянутого ранее Малик Мухаммед мирзу, || который был сыном его дяди и его собственным зятем, и еще четырех мирз он отослал в Кок-Сарай; оставив двух в живых, он сделал мучеником Малик Мухаммед мирзу и еще одного мирзу. А ведь до некоторых из них царский сан и не касался, и стремления к этому у них вовсе не было: если Малик Мухаммед мирза и был несколько виноват, то за другими не было никакой вины.

Другое обстоятельство — то, что хотя строй и порядок были при нем очень хороши и он был сведущ в делах дивана и знал науку счисления, однако его естество было склонно к насилию и разврату. Придя в Самарканд, он тотчас же начал вводить новые правила и порядки, повинности и налоги. Людям, связанным с досточтимым Ходжа Убайд Аллахом, из коих многие, бедные и нищие, благодаря его покровительству были раньше избавлены от обид и злоупотреблений в отношении повинностей и налогов, начали чинить всякие притеснения и строгости. Эти притеснения и строгости распространились даже на потомков самого Ходжи.

24a Вот еще одно обстоятельство: как сам он был жесток и развратен, так и его беки, великие и малые, нукеры и слуги — все были жестоки и развратны. Жители Хисара и особенно люди, связанные с Хусрау шахом, постоянно предавались пьянству и блуду. Как-то раз кто-то из нукеров Хусрау шаха силой увел чью-то жену: || муж той женщины является и приносит Хусрау шаху жалобу. Тот отвечает: «Она пробыла с тобой несколько лет, пусть же побудет с ним несколько дней».

Еще одно то, что безбородые юноши — дети горожан и торговцев и даже тюрок и военных не выходили из дому, боясь, что их заберут в бачи. Жители Самарканда, которые двадцать пять лет во времена Султан Ахмед мирзы жили в довольстве и покое, так как обращение с ними, благодаря досточтимому Ходже, в большинстве случаев соответствовало справедливости и закону, были до глубины души и сердца обижены и огорчены такими притеснениями и развратом. Худородный и знатный, бедный и убогий — [все] раскрывали уста и воздевали руки, произнося проклятия и пожелания зла [мирзе].

Верегись тревожить скрытые раны.

Ибо скрытая рана в конце концов становится явной;

Не расстраивай, пока можешь, ничьего сердца,

Ибо один вздох расстраивает весь мир.

Во всяком случае Султан Махмуд мирза из-за своей злополучной жестокости и разврата правил в Самарканде не больше пяти-шести месяцев.

СОБЫТИЯ ГОДА ДЕВЯТИСОТОГО

Ко мне прибыл от Султан Махмуд мирзы посол по имени Абд ал-Куддус бек и доставил подарки по случаю того, что Султан Махмуд мирза, с [подобающими] празднествами и об-

рядами, взял в жены для своего старшего сына Султан Мас'уд мирзы вторую дочь своего старшего брата Султан Ахмед мирзы, по имени Ак биким. Они сделали [и прислали] миндалины и фишашки из золота и серебра.

Прибывший посол был, кажется, в родстве с Хасан Якубом; он, видимо, пришел для того, чтобы обещаниями привлечь Хасан Якуба на сторону мирзы. || Хасан Якуб дал неопределенный ответ и отпустил посла, но держал себя так, словно был на его стороне. Месяцев пять-шесть спустя настроение Хасан Якуба изменилось и он начал обижать бывших со мной людей. Он вел дело к тому, чтобы отослать меня и объявить государем Джахангир мирзу. Отношения Хасан Якуба с другими эмирами и воинами тоже были нехороши, и все были осведомлены о таких его замыслах. Ходжа Кази, Касим Каучин, Али Дуст Тагай, Узун Хасан и некоторые другие доброжелатели, собравшись у моей бабки Исан Даулат беким, стоворились о том, чтобы низложить Хасан Якуба и успокоить смуту. 246

Среди женщин по уму и рассудительности мало найдется таких, как моя бабка Исан Даулат беким. Она была очень умная и рассудительная женщина; большинство дел решали по ее совету.

Хасан Якуб был в арке, моя мать и бабка Исан Даулат беким находились вне крепости, в наружном укреплении. С намерением [низложить Хасан Якуба] я направился в арк. Хасан Якуб уехал на охоту. Узнав о случившемся, он прямо оттуда поехал в сторону Самарканда. || Людей Хасан Якуба и беков, которые находились с ним, схватили; среди задержанных беков были Мухаммед Бакир бек и Султан Махмуд Дулдай, отец Султан Мухаммед Дулдая; был и еще кое-кто. Некоторые получили разрешение отправиться в Самарканд; звание ишик-аги и должность правителя Андиджана были утверждены за Касим Каучином. 25a

Хасан Якуб, который, направляясь к Самарканду, дошел до Канд-и Бадама, через несколько дней двинулся в Ахси, имея дурные намерения, и пришел в окрестности Хокандского округа. Узнав об этом, мы послали против него некоторых беков и йигитов. Беки отрядили вперед на разведку нескольких йигитов, Хасан Якуб, узнав об этом, выступил ночью против йигитов, отправленных на разведку, окружил их стаи и начал пускать стрелы. В темноте ночи одна из стрел его же людей попала Хасан Якубу в щеку, и, не успев убежать, он стал пленником своих собственных деяний.

Когда ты сделал дурное, не считай себя в безопасности от беды,
Ибо возмездие — неизбежный закон природы.

256 В этом году я начал воздерживаться от сомнительных нушаний и тщательно выбирал даже нож, ложку и скатерть. Ночные молитвы я тоже пропускал || реже.

В месяц раби' втором на Султан Махмуд мирзу напала сильная болезнь, и через шесть дней он ушел из мира. Жил он сорок три года.

После смерти Султан Махмуд мирзы Хусрау шах утаил это обстоятельство от народа и запустил руку в его казну. Но как останется такое событие скрытым? Весть об этом тотчас же распространилась среди всего населения города. Этот день для жителей Самарканда был большим праздником. Воины и простой народ собирались напасть на Хусрау шаха, но Ахмед Хаджи бек и беки-тарханы подавили волнения и, удалив Хусрау шаха, отправили его в Хисар. Султан Махмуд мирза при жизни отдал Хисар своему старшему сыну Султан Мас'уд мирзе, а Байсункар мирзе отдал Бухару и отпустил их туда. При этом событии не присутствовал ни один из них. После удаления Хусрау шаха беки Самарканда и Хисара, сговорившись, послали в Бухару к Байсункар мирзе человека, призвали его и посадили на престол Самарканда. Когда Байсункар мирза стал государем, ему было восемнадцать лет.

306 Тем временем Султан Махмуд хан, следуя словам Султан Джунаид || Барласа и некоторых самаркандских вельмож, повел войско с намерением овладеть Самаркандом и пришел к окрестности Канбая. Байсункар мирза, со своей стороны, вышел из Самарканда с многочисленным, сильным и хорошо снаряженным войском. В окрестностях Канбая они сразились. Хайдар Кукельташ, который был главным столпом войска моголов, стоял [во главе] авангарда. Все [его люди] сошли с коней и принялись пускать стрелы. Много конных йнгитов из Самарканда и Хисара, исполненных ревности, погнались коней вперед, и все моголы, которые были под началом Хайдар бека и спешились, попали под ноги лошадей. Когда [Хайдар бека] взяли, моголы не могли больше сражаться и их одолели. Множество моголов было истреблено. Байсункар мирза велел обезглавить у себя на глазах столько людей, что из-за огромного количества трупов его шатер три раза переносили с места на место.

В это самое время Ибрахим Сару из племени Минг, который с малых лет состоял на службе у моего отца и, достигнув

степени бека, был впоследствии удален за какую-то провинность, пришел в крепость Исфару и, прочитав хутбу с именем Байсункар мирзы, встал на путь послушания. В месяце шабана мои войска выступили, чтобы подавить мятеж Ибрахима Сару. В конце этого месяца мы обложили Исфару и стали лагерем. В первый день йигиты сейчас же по прибытии из озорства захватили новую укрепленную стену, которую строили вне крепости. В этот день Сейид Касим ишик-ага держал себя лучше всех и, вырвавшись вперед, рубил саблей. Султан Ахмед Танбал тоже рубил клинком, Мухаммед Дуст Тагай тоже орудовал клинком, но «долю богатыря» получил Сейид Касим. Богатырская доля — древний обычай у моголов. На каждом пиршестве или трапезе всякий, кто вырвался вперед из рядов и [лихо] бился клинком, получает эту долю. Когда я отправился в Шахрухию и повидался с моим дядей Султан Махмуд ханом, богатырскую долю получил Сейид Касим. 31а

В первый день битвы в моего воспитателя Худай Берды попала стрела из самострела и он умер. Из-за того что бой вели без доспехов, некоторые йигиты погибли и многие были ранены. У Ибрахима Сару был один превосходный лучник, который очень хорошо стрелял; другого такого стрелка не было видно. Именно он ранил большинство врагов. После занятия крепости он находился при мне.

Осада затянулась. Было приказано в двух-трех местах возвести валы, прорыть подкопы и усердно заняться подготовкой осадных орудий. Осада продлилась сорок дней. В конце концов Ибрахим Сару, оказавшись бессильным, прибег к посредничеству Ходжа Маулана-и Кази и выразил покорность. В месяце шаввале он пришел, повесив меч и колчан на шею, и, сдав крепость, поступил ко мне в услужение. 31б

Ходженд также долгое время был подчинен дивану Омар Шейх мирзы. Во время междоусобия власть в области [Ферганы] ослабла и [жители] Ходженда смотрели в сторону Султан Ахмед мирзы. Раз выпал такой удобный случай, то мы пошли также и на Ходженд. В крепости Ходженда находился отец Мир Могола Абд ал-Ваххаб шигаул. Когда я пришел, он сразу без отговорок сдал крепость.

В это время Султан Махмуд хан пришел в Шахрухию. Раньше, когда Султан Ахмед мирза явился в окрестности Андиджана, хан, как уже упоминалось, тоже пришел туда и обложил Ахси. Мне пришлось на ум следующее: «Хан мне все равно что отец или старший брат. Раз мы так близко друг от друга, то если я пойду и стану ему служить и если минувшие

320 неудовольствия рассеются, это будет приятно слышать и видеть и ближнему, и дальнему». С такими мыслями я явился в сад, разбитый Хайдар беком в окрестностях Шахрухии. Хан восседал в большом шатре с выходом на все четыре стороны, разбитом посреди сада. Войдя в шатер, я трижды преклонил колени; Хан поднялся и тоже поклонился. Когда я поздоровался и отступил назад, [снова] преклонив колени, Хан приказал мне сесть с собой рядом и проявил большое благоволение и ласку.

Спустя день или два я направился в сторону Ахси и Андиждана через перевал Кендишлик. Достигнув Ахси, я совершил обряд поклонения могиле моего отца. В пятницу в час соборной молитвы я вышел из Ахси и, пройдя дорогой на Банд-и Салар, вступил в Андиждан между вечерней молитвой и молитвой перед сном. Эта дорога, то есть дорога через Банд-и Салар, тянется девять йигачей.

Среди ночевых племен в Андижданской области есть племя Чограк; это большое племя в пять-шесть тысяч семейств. Они живут в горах между Ферганой и Нашгаром, у них много коней и множество овец. В этих горах вместо быков разводят кутасов. Кутасов у них тоже много.

Так как их горы непроходимы и находятся на окраине, то они не торопятся сдавать снот. Поставив Касим бека во главе войска, я послал его к Чогракам, чтобы он взял у них скот и роздал часть его войску. Касим бек пошел и, захватив около двадцати тысяч овец и от тысячи до полутора тысяч лошадей, разделил их между воинами.

326 Возвратившись от Чограков, наши войска пошли на Ура-Тепу, в который долгое время находился под властью Омар Шейх мирзы. В год смерти мирзы Ура-Тепу вышел из его руи. Теперь, от имени Байсункар мирзы, там сидел его младший брат Султан Али мирза.

Султан Али мирза, узнав о выступлении нашего войска, ушел в Пальгар и в горную область Масча, а в Ура-Тепу оставил своего воспитателя Шейх Зу-н-Нуна. Миновав Ходженд и дойдя до половины пути, я отправил Халифу к Шейх Зу-н-Нуну в качестве посла. Этот неразумный человечико [т. е. Зу-н-Нун] не дал удовлетворительного ответа и, приказав задержать Халифу, велел его умертвить. Так как на то не было божьей воли, то Халифа освободился и через два-три дня после тысяч и тысяч тягот и мучений вернулся, пеший и голый.

Мы пришли в окрестности Ура-Тепу. Так как приближалась

зима, то люди уже сняли весь хлеб и травы. По этим причинам мы через несколько дней вернулись в Андижан.

После нашего ухода один из людей Хана пошел на Ура-Тепу. Человек, сидевший в Ура-Тепе, не мог устоять, бросил город и ушел; [Султан Махмуд] хан отдал Ура-Тепу Мухаммед Хусейн Гургану. С этого времени и до девятьсот восьмого года Ура-Тепе принадлежал Мухаммед Хусейн Гургану.

СОБЫТИЯ ГОДА ДЕВЯТЬСОТ ПЕРВОГО

В месяце рамазане того же года произошел мятеж тарханов в Самарканде. Подробности этого таковы: Байсункар мирза не водился, не общался и не дружил с самаркандскими беками и воннами в такой мере, как с хисарскими беками и воинами. Шейх Абд Аллах Барлас был наибольшим полномочным беком; его сыновья были столь близки и дружны с Байсункар мирзой, что их уподобляли любящим и возлюбленным. Беки-тарханы и некоторые самаркандские беки по этим причинам обиделись. Дервиш Мухаммед тархан, прибыв из Бухары, приказал привезти из Карши Султан Али мирзу, объявил его государем, и они оба явились в Баг-и Нау. Байсункар мирза находился в Баг-и Нау. Объявив Байсункар мирзу как бы пленником, || его 366
разлучили с нукерами и слугами и отвели в арк. Обоих царевичей посадили в одном месте. Вечером, во время послеполуденной молитвы, Байсункар мирзу решили перевести в Кок-Сарай. Байсункар мирза под предлогом естественных потребностей вошел в одну постройку в северо-восточной части Бустан-сарая. У дверей ее встали тарханы. С мирзой вошли Мухаммед Кули Каучин и Хасан шарбатчи. Говоря кратко, в задней части помещения, куда Байсункар мирза вошел за нуждой, была дверь, заложенная кирпичом, которая вела со двора наружу. Он тотчас же разрушил преграду, выбрался по ложу водопровода на крепостной вал, выходивший к Гатфару, бросился вниз с двойной стенки вала и направился в Ходжа Кафшир, в дом Ходжаги Ходжи.

Люди, стоявшие у дверей нужника, спустя некоторое время заглянули туда и видят: Мирза бежал. На следующий день тарханы, собравшись, идут к дверям Ходжаги Ходжи. Ходжа говорит: «Его нет» и не выдает царевича. Тарханы, со своей стороны, не могут взять его силой — достоинство Ходжи слишком высоко, чтобы можно было применить силу.

37a Через день-два Ходжа Абу-л-Макарим, Ахмед Хаджи бек, еще некоторые беки, вельможи и воины и все городские жители поднялись скопом, || привели [Байсункар] мирзу из дома Ходжи и осадили Султан Али мирзу и тарханов в арке. Арк они не могли удержать и одного дня; Мухаммед Мазид тархан вышел через ворота Чар-Раха и ушел в Бухару, Султан Али мирза и Дервиш Мухаммед тархан попали в плен, Байсункар мирза находился в доме Ахмед Хаджи бека, когда туда привели Дервиш Мухаммед тархана. Мирза задал несколько вопросов, Дервиш Мухаммед тархан не смог дать подобающего ответа: не такие он делал дела, чтобы мог дать ответ! [Байсункар] мирза определил ему смерть; Дервиш Мухаммед тархан по малодушию ухватился за столб, думая: «Не отпустят ли, раз ухватился за столб?» Его увели на расправу. Султан Али мирзу Байсункар мирза приказал отправить в Кок-Сарай и провести по его глазам [раскаленной] иглой.

37b По воле палача || или помимо его желания глаза Султан Али мирзы не потерпели от иглы вреда. Не показав этого, он тотчас же ушел в дом Ходжа Яхья и через два-три дня бежал в Бухару к тарханам. По этой причине между сыновьями досточтимого Ходжи Убайд Аллаха возникло соперничество: старший стал покровительствовать старшему [царевичу], младший поддерживал младшего.

Через несколько дней Ходжа Яхья тоже ушел в Бухару. Байсункар мирза повел войско к Бухаре против Султан Али мирзы. Когда он приблизился к Бухаре, Султан Али мирза и беки-тарханы построили войско и вышли. Произошла небольшая стычка. Победа осталась на стороне Султан Али мирзы, Байсункар мирза понес поражение. Ахмед Хаджи бек и еще некоторые хорошие йигиты попали в плен. Большинство их убили. Ахмед Хаджи бека бесславно умертвили в отмщение за кровь Дервиш Мухаммед тархана. Султан Али мирза шел по пятам за Байсункар мирзой до Самарканда.

Весть об этом в месяце шаввале пришла к нам в Андижан. Мы тоже, мечтая о Самарканде, четвертого числа того месяца повели войско в поход.

38a Султан Хусейн мирза отступил из-под Хисара и Кундуза, души Султан Мас'уд мирзы и Хусрау шаха успелись. Султан Мас'уд мирза, || тоже жаждая овладеть Самаркандом, пошел к Шахрисябзу. Хусрау шах отправил к Мирзе своего младшего брата Вали. Три-четыре месяца мы осаждали Самарканд с трех сторон. Ходжа Яхья, прибыв от Султан Али мирзы, завел речь о союзе и согласии. Договорившись о сви-

дании, я ушел с моим войском на два-три шери ниже Сугда. С другой стороны подошел Султан Али мирза с войском. С того берега Султан Али мирза с четырьмя или пятью воинами, с этого берега — я и четыре-пять человек выехали на середину Кухака. Прямо на конях мы поздоровались и взаимно осведомились о здоровье, потом они уехали на ту сторону, а я вернулся на свою сторону. В это время я видел Муллу Бевнаи и Мухаммед Салиха, которые состояли на службе у Ходжа Яхьи. Мухаммед Салиха я видел только в тот раз, а Мулла Бевнаи впоследствии долго состоял у меня на службе.

После свидания с Султан Али мирзой, так как подошла зима, а жители Самарканда не терпели особых лишений, мы вернулись: я — в Андиджан, а Султан Али мирза — в Бухару.

Султан Мас'уд мирза питал великую склонность к дочери Шейха Абд Аллаха Барласа; взяв ее, он оставил помышления о захвате владений и вернулся в Хисар. || Только это, вероятно, 386
и было целью его прихода.

Из окрестностей Шираза и Канбая Махди султан бежал в Самарканд: Хамза султан, получив разрешение, ушел из Замна в Самарканд.

СОБЫТИЯ ГОДА ДЕВЯТЬСОТ ВТОРОГО

Этой зимой дела Байсункар мирзы были в общем на подъеме. Так как Абд ал-Карим Ишрит, сторонник Султан Али мирзы, пришел в Куфин и окрестные места, то Махди султан во главе передового отряда Байсункар мирзы встретил его. Абд ал-Карим Ишрит и Махди султан оказались как раз лицом к лицу. Махди султан проткнул коня Абд ал-Карима своим черкесским клинком, конь тотчас же упал. Когда Абд ал-Карим поднимался, Махди султан отмахнул ему кисть руки. Захватив его, они здорово расколотили этот передовой отряд. Видя, что дела в Самарканде и при дворе мирз неустойчивы, султаны ранней весной ушли к Шейбани хану.

После этого люди Самарканда, объединившись, выступили и повели войска против Султан Али мирзы. Байсункар мирза пришел к Сар-и Пулу, Султан Али мирза — к Ходжа-Кардзану. В это время по наущению Ходжа Мунира из Оша Ходжа Абу-л-Манарим с андиджанскими беками || Ваис Лагари и 39a
Мухаммед Бакиром, а также Касим Дулдай и некоторые

приближенные Байсункар мирзы спешным походом двинулись к Бухаре. Когда они приблизились, бухарцы провели об этом; дело не вышло, и они воротились.

При свидании с Султан Али мирзой было решено, что весной они придут из Бухары, а я — из Андиджана, и мы будем осаждать Самарканд. В условленное время — в месяце рамазане я выступил из Андиджана. Достигнув окрестностей Яр-Яйлака, мы узнали, что мирзы стоят друг против друга, и послали вперед Тулун Ходжу могола с двумя или тремя сотнями лихих йнгитов. Когда они приблизились, Байсункар мирза проведаль о нас и беспорядочно отступил. Наши йнгиты в ту ночь, зайдя [врагам] во фланг, перестреляли и захватили множество людей и привезли большую добычу.

Через два дня мы подошли к крепости Шираз. Шираз был в руках Касим Дулдая. Его даруга не мог удержать Шираз и сдал его; крепость Шираз была поручена Ибрахим Сару.

896 На следующее утро, совершив там молитву праздника разговения, мы направились к Самарканду и стали лагерем в куруке Абыяр. В этот день Касим Дулдай, Ванс Лагари, Хасан Набире, Султан Мухаммед Сайфал || и Султан Мухаммед Ванс явились с тремя-четырьмя сотнями человек и поступили ко мне на службу. Они говорили: «Когда Байсункар мирза выступил и воротился, то мы отделились от него и пришли служить государю». Позднее стало известно, что они нарочно отделились от Байсункар мирзы и пришли, чтобы оборонять Шираз; поскольку дела Шираза оказались таковы, [как сказано], они поневоле пришли ко мне.

Когда мы остановились в Кара-Булаке, привели к нам нескольких пойманных моголов, которые нежданно-негаданно явились и начали своевольничать. Касим бек, назидания ради, приказал разрубить двоих или троих на куски. Через четыре-пять лет, во времена казачества, когда мы направлялись из Масчи к Хану, Касим бек по этой причине отделился от нас и ушел в Хисар.

40a Выступив из Кара-Булака, мы перешли реку и остановились напротив Яма. В этот день несколько придворных беков схватились у хибапа с людьми Байсункар мирзы. Ахмед Тапбалду ткнули в горло копьём, но он не упал [с коня]. Ходжаги Мулла садру, старшему брату Ходжи Калана, попала в шею стрела, и он тотчас же отправился к божьей милости. Это был очень хороший человек. Мой отец тоже оказывал ему покровительство и сделал его хранителем печати. У него было стремление к науке, || он превосходно знал [арабский] язык,

слог у него был тоже хороший. Воспитывать ловчих птиц и вызывать дождь он также умел.

Когда мы стояли в окрестностях Яма, много народу, торговцев и не торговцев, яшло из города покупать и продавать, так что лагерь превратился в базар. Однажды во время послепоуденной молитвы вдруг поднялось всеобщее смутнение и всех этих мусульман ограбили. Однако порядок в войске достигал такой степени, что вышел приказ никому не держать чужих вещей и все отдать обратно. На утро еще не пробили первой стражи, как у воинов не осталось чужого, даже конца нитки или обломка иголки,— все вернули владельцам.

Выйдя оттуда, мы остановились к востоку от Самарканда, в Хан-Юрти; от Самарканда это будет три куруха. На этой стоянке мы провели сорок-пятьдесят дней. Пока мы стояли в этом Юрти, смелые йнгиты из осаждающих и осажденных несколько раз здорово рубились на хиабане. Однажды на хиабане рубился Ибрахим Бекчик и ему порезали лицо. После этого Ибрахим Бекчина стали называть «Ибрахим чапук». В другой раз, тоже на хиабане, около Пул-и Мугака Абу-л-Касим Нухбур действовал палицей. Еще как-то раз возле канала, на хиабане, началась схватка, || Мир Шах Каучин бился палицей. Его так ударили, что почти до половины разрубили ему шею. Все же главная артерия оказалась неразрезанной. 406

Когда мы были в Хан-Юрти, люди, находившиеся в крепости, ради обмана прислали человека, говоря: «Подойдите вечером со стороны Гар-и Ашикан — мы сдадим вам крепость».

С таким намерением я вечером сел на коня и подъехал к Пул-и Мугаку. К назначенному месту был послан отряд молодцов, конных и пеших. Пока остальные спохватились, осажденные увели четырех или пятерых наших пехотинцев. Очень храбрые были воины. Одного из них звали Хаджи, он служил мне с детства, имя другого было Махмуд Кундур Сангак. Их всех убили.

Когда мы были в этом Юрти, из Самарканда приходило столько горожан и торговцев, что стан превратился в город. Все, чего только ни ищут в городах, можно было найти в стане.

В то время все крепости, горы и равнины, кроме одного Самарканда, переходили под наше начало. В одной крепости у подошвы Шавдарских гор, называемой Ургут, укрепился отряд каких-то людей. Поневоле мы снялись с юрта и пошли на Ургут. Не сумев устоять, они избрали посредником Ходжа

41а Казн || и покорились. Мы простили им их проступки и снова вернулись к осаде Самарканда.

СОБЫТИЯ ГОДА ДЕВЯТЬСОТ ТРЕТЬЕГО

Мы остановились за Баг-и Майданом, на урочище Кулбе. Жители Самарканда — воины и горожане — толпой вышли к мосту Мухаммед-Чап. Так как наши люди не были готовы, || то пока йнгиты снаряжались, [двух] — Султан Кули и Баба Кули — сбили с коней и увели в крепость. Через несколько дней мы выступили и остановились на краю урочища Кулбе, за Кухаком. В тот день выгнали из Самарканда Сейид Юсуф бека; на этой стоянке он явился и поступил ко мне в услужение. Самаркандцы вообразили, что наш уход с той стоянки и приход на эту стоянку есть отступление. Толпа воинов и горожан вышла на помощь и прошла [от ворот Фируза] до моста Мирзы, а от ворот Шейх-Заде они дошли до моста Мухаммед-Чап. Мы приказали всем йнгитам снарядиться, сесть на коней и выехать. С двух сторон — от моста Мирзы и от моста Мухаммед-Чап — на них напали, но господь исправил дело: враг был разбит, много славных беков и добрых йнгитов свалили с коней и привели. Среди них были Нур Мухаммед Мискин, сын Хафиз Дулдая; сбив его с коня, ему отрубили указательный палец, захватили его и привели. Младший брат Мухаммед Касима Набуре, Хасан Набуре, тоже сбил с коня [своего старшего брата] и привел его. Таких йнгитов, известных [всем] горожанам и воинам, было еще много. Из городской черни привели Дивана ткача и Кал Кошука; || это были зачинщики и коноводы в уличных драках и бесчинствах. Было приказано их пытать и убить в отместку за нехотинцев, павших у Гар-и Ашикана.

Для самаркандцев это было полное поражение; с этих пор всякие вылазки из города прекратились. Дело дошло до того, что наши люди подходили к самому краю крепостного рва и приводили их рабов и невольниц.

Солнце перешло в созвездие Весов, наступили холода. Я созвал всех беков, которые входили в совет, и посовещался с ними. Договорились так: жители города настолько обессилели, что мы с божьей помощью можем их и сегодня взять и завтра взять; чем терпеть вне крепости страдания на холоду, лучше

отойти от города и перезимовать в каком-нибудь укреплении. Если даже придется уйти, то тогда уходить будет спокойнее.

Сочтя удобным перезимовать в крепости Ходжа-Дидар, мы снялись с лагера и остановились на луговине перед крепостью. Вступив в крепость, мы определили место для домов и шатров, поставили там мастеров и надсмотрщиков и вернулись в стан. Несколько дней, пока не были готовы зимние помещения, мы простояли на луговине.

Тем временем Байсункар мирза непрерывно посылал в Туркестан к Шейбани хану людей, призывая Шейбани хана на помощь.

Когда были готовы зимние дома, || мы вступили в крепость. 44а В то же утро Шейбани хан, быстрым ходом пришедший из Туркестана, остановился над нашим лагерем. Войско наше было не близко; иные ушли зимовки ради в Рабат-и Ходжа, другие — в Кабуд, некоторые — в Шираз. Все же мы построили воинов, бывших на месте, и выступили. Шейбани хан не мог устоять, потянулся к Самарканду и ушел в окрестности города.

Поскольку вышло не так, как хотел Байсункар мирза, то он принял Шейбани хана нехорошо. Несколько дней Шейбани хан не мог ничего сделать и, отчаявшись, ушел обратно в Туркестан.

Байсункар мирза семь месяцев выдерживал осаду. У него была одна надежда — на Шейбани хана, эту надежду он тоже потерял. С двумя-тремя сотнями голодных сородичей Байсункар мирза потянулся в Кундуз, к Хусрау шаху.

Когда они были в окрестностях Термеза и переходили через Аму, Сейид Хусейн Акбар, правитель Термеза, который приходился Султан Мас'уд мирзе родственником и был уважаемым советником, узнал об этом и выступил против Байсункар мирзы. Мирза уже переправился через реку. Мирим тархан в ней утонул. [Сейид Хусейн Акбар] захватил оставших людей, пожитки и имущество Байсункар мирзы. Любимец Байсункар мирзы по имени Тахир Мухаммед тоже попал в плен. Хусрау шах хорошо обошелся с Байсункар мирзой. || 44б

Как только Байсункар мирза вышел из Самарканда, к нам тотчас же пришла об этом весть. Мы вышли из Ходжа-Дидара и направились к Самарканду. По дороге вельможи, беки и воины один за другим выходили нам навстречу. В конце месяца первого раби я остановился в арке, в Бустан-Сарае. По милости всевышнего господя область и город Самарканд стали нам доступны и подвластны.

В обитаемой части земли мало городов таких приятных, как Самарканд. Он находится в пятом климате, долгота его 99 градусов 56 минут, широта — 40 градусов и 40 минут.

[Главный] город [области] — Самарканд, а всю область называют Мавераннахр. Так как ни один враг не захватил Самарканд силой и победой, то его называют «[город], хранимый [Аллахом]». Самарканд стал мусульманским во времена достойнейшего повелителя правоверных Османа, из сподвижников пророка там умер Кусам Ибн Аббас. Его могила находится за воротами Аханни, теперь она известна под названием Мазар Шаха.

Самарканд построен Искандером; народы моголов и тюрок называют [его] Симизкенд. Тимур бек сделал Самарканд [своей] столицей; раньше Тимур бека ни один государь столь великий, как Тимур бек, не объявлял Самарканд столицей. Я приказал обмерить шагами шаверу внутреннюю стену крепости — вышло десять тысяч шестьсот шагов.

Все жители Самарканда — сунниты, люди чистой веры, соблюдающие закон и благочестивые. Со времени святейшего посланника [Мухаммеда] ни из какой страны не вышло столько имамов ислама, сколько их вышло из Мавераннахра. ||

Шейх Абу Мансур, один из учителей богословия, родом из пригорода Матурид в Самарканде. Учителя богословия делятся на два толка: одних называют матуридия, других — аш'ария; матуридия возводят свое название к этому Шейху Абу Мансуру.

Автор «Сахиha Бухари» Ходжа Исмаил-и Хартанг тоже из Мавераннахра. Составитель «Хидан» — немного есть книг по законоведению толка имама Абу Ханифы, которые бы пользовались большим значением, чем Хидая, — происходил из области в Фергане, называемой Марги-крепости. В нижней части Самарканда находятся сады Баг-и Шимал и Баг-и Бихишт.

Внук Тимур бека, сын Джехангир мирзы, Мухаммед султан мирза построил во внешнем укреплении за самаркандской стеной медресе. Могила Тимур бека и могилы тех из его сыновей, которые царствовали в Самарканде, находятся в этом медресе.

Из построек Улуг бек мирзы внутри крепости [сохранились] медресе и ханака. Купол ханаки — очень высокий купол; во всем мире показывают не много таких высоких куполов.

Недалеко от медресе и ханаки он построил хорошую баню; «Баней Мирзы» называется. Полы в ней выстланы камнем всех [цветов]. Неизвестно, есть ли в Хорасане и Самарканде

466 другая такая баня. ||

К югу от медресе [Улуг бек мирза] построил мечеть, ее называют «Резною мечетью». Резною называется она потому, что ее украсили узорами ислими и китайскими из вырезанных и обтесанных кусочков дерева. Все ее стены и потолок [выложены] таким образом. Между киблой мечети и киблой медресе большое расхождение. Вероятно, направление киблы мечети определяли по звездам.

Другая высокая постройка Улуг бек мирзы — обсерватория у подножья холма Кухак, где находится инструмент для составления звездных таблиц. В ней три яруса. Улуг бек мирза написал в этой обсерватории «Гургановы таблицы», которыми теперь пользуются во всем мире. Другие таблицы употребляют редко. Раньше пользовались «Ильхановыми таблицами», которые составил Ходжа Насир-и Туси во времена Хулагу хана в Мараге. Хулагу хан — это тот, которого называют также Ильханом.

По-видимому во [всем] мире было построено не больше семи или восьми обсерваторий. Из них одну обсерваторию устроил халиф Ма'мун, в ней написали «Ма'муновы таблицы». Битлимус тоже [когда-то] построил обсерваторию; другую обсерваторию построили в Хиндустане, во времена раджи Бикрамаджита Хинду, в Уджайне и Дхаре, то есть в государстве Мальва, которое ныне называется Манду. Этими таблицами пользуются теперь индийцы в Хиндустане. Со времени постройки || этой обсерватории прошло тысяча пятьсот восемьдесят 47a четыре года. В сравнении с вышеупомянутыми таблицами, таблицы [Бикрамаджита] менее совершенны.

У подножья холма Кухак, на западной стороне, [Улуг бек мирза] разбил сад, известный под названием Баг-и Майдан. Посреди этого сада он воздвиг высокое здание, называемое Чил-Сутун, в два яруса. Все его колонны — каменные. По четырем углам этого здания пристроили четыре башенки в виде минаретов; лестницы, ведущие наверх, находятся в этих четырех башнях. В других местах там всюду [стоят] каменные колонны; некоторые из них витые, многогранные. В верхнем ярусе со всех сторон айван [тоже] на каменных столбах, а посреди айвана беседка с четырех дверях; приподнятый пол этого здания весь выстлан камнем.

Возле этой постройки, у подножья холма Кухак, Улуг бек мирза разбил еще один садик. Там он построил большой айван, на айване поставили огромный каменный престол. Длина его примерно четырнадцать-пятнадцать кари, ширина — семь восемь кари, высота — один кари. Такой огромный камень

привезли из очень отдаленных мест. Посредине его — трещина; говорят, что эта трещина появилась уже на месте после того, как камень привезли.

476 В этом садике тоже есть беседка ¶, вся нижняя часть стен в ней из фарфора, ее называют Чинни-Хана. [Фарфор] привезли из Китая, послав туда человека.

Внутри самаркандской крепости есть еще одна древняя постройка, которую называют «Мечетью с эхом». Если топнуть ногой по земле под ее куполом, то повсюду из-под свода раздается отголосок. Это удивительное дело, и никто не знает, в чем тут тайна.

Во времена Султан Ахмед мирзы беки, великие и малые, также разбивали в Самарканде множество садов и садиков. Среди садов немного есть с таким чистым приятным воздухом и обширным видом, как сад Дервиш Мухаммед тархана. Он разбил сад ниже сада Баг-и Майдан, на возвышенности, над поляной Кулбе; вся поляна лежит под этим садом. В саду разбили правильно расположенные ступенчатые площадки и посадили прекрасные карагачи, кипарисы и белые тополя. Это превосходное место; недостаток его в том, что там нет большого ручья.

Самарканд — удивительно благоустроенный город. У этого города есть одна особенность, которая редко встречается в других городах: для каждого промысла отведен отдельный базар и они не смешиваются друг с другом. Это прекрасный обычай. Есть там хорошие пекарни и харчевни.

18a Лучшая бумага в мире получается из Самарканда, вся вода для бумажных мельниц приходит с Кан-и Гила. Кан-и Гил находится на берегах Сиях-Аба, ¶ этот ручей называют также Аб-и Рахмат. Еще один самаркандский товар — малиновый бархат. Его вывозят во все края и страны.

Вокруг Самарканда расположены прекрасные поляны. Одна известная поляна — это поляна Кан-и Гил; она тянется к востоку от Самарканда, слегка уклоняясь к северу, и простирается на один шери. Ручей, который называют также Аб-и Рахмат, протекает посреди Кан-и Гила; воды там будет на семь-восемь мельниц.

Берега этого ручья сплошь болотистые. Некоторые говорят, что настоящее название этой поляны Кан-и Абгир, но в летописях всегда пишут Кан-и Гил. Это прекрасная равнина. Самаркандские султаны всегда объявляют ее заповедником, каждый год они выезжают на эту поляну и месяц или два живут там.

Выше этой поляны, к юго-востоку, находится другая поляна, называемая Хан-Юрти. Она лежит восточнее Самарканда, от Самарканда будет до нее около йнгача. Тот ручей протекает посреди этой равнины и течет к Кан-и Гилу. У Хан-Юрти он образует такую широкую излучину, что там хватит места, чтобы стать лагерем; при выходе оттуда он очень узок. Заметив преимущества этого места, мы простояли там некоторое время, когда осаждали Самарканд.

Другая поляна || — Будана-Куруги; она лежит между садом Дилнуша и Самаркандом; еще одна поляна — Кул-и Магак — примерно в двух шери к западу от Самарканда, с легким уклоном на север; это тоже прекрасная поляна. На краю ее находится большой пруд, потому ее и называют поляной Кул-и Магак. Во время осады Самарканда, когда я стоял в Хан-Юрти, на этой поляне стоял Султан Али мирза.

Еще одна поляна — Кулбе. Это поляна поменьше. К северу от нее — селение Кулбе и река Кухак, к югу — сад Баг-и Майдан и сад Дервиш Мухаммед тархана, к востоку — холм Кухак.

В Самаркандской области есть хорошие туманы и округа. Большой округ под пару Самаркандской области — Бухарский. [Бухара] от Самарканда в двадцати пяти йнгачах пути на запад. От Бухары тоже зависит несколько туманов. Это прекрасный город. Плоды там изобильны и превосходны, очень хороши дыни. Нигде в Мавераннахре не бывает так много дынь и таких отличных, как в Бухаре. Хотя в области Ферганы, в Ахси, есть сорт дыни, называемой мир-и тимури, которые слаще и нежнее бухарских, но в Бухаре много дынь всяких сортов и они хороши. Бухарские сливы также знамениты; таких слив, как бухарские, нет нигде. Их очищают от кожицы, сушат и вывозят в качестве подарка || из одной области в другую. Эти 49a сливы — прекрасное послабляющее лекарство.

В Бухаре много кур и гусей. В Мавераннахре нет вина крепче, чем бухарские вина. Когда в Самарканде я в первый раз пил вино, то пил бухарское вино.

Еще один округ, [зависящий от Самарканда], — Кеш; он лежит к югу от Самарканда, в девяти йнгачах пути. Между Самаркандом и Кешем находятся горы, называемые Итмак-Дабани, весь камень для построек привозят с этих гор. Степи [вокруг] Кеша и самый город, его крыши и стены покрыты красивой зеленью; поэтому его также называют Шахрисабз.

Так как Тимур бек был родом из Кеша, то он приложил много трудов и усилий, чтобы сделать Кеш своим главным

городом и столицей. Он воздвиг в Кеше высокие здания. Чтобы самому сидеть в диване, он построил большую галерею, а справа и слева от нее — еще две галереи поменьше, чтобы надсмотрщикам и бекам дивана сидеть там и вести диван. Чтобы сидеть жалобщикам, он пристроил с каждой стороны помещения маленькие галерейки. В мире показывают немного таких высоких построек; говорят, она больше дворца Кисры.

496 Еще Тимур бек устроил в Кеше медресе и мавзолей. Могилы || Джехангир мирзы и еще некоторых его детей находятся там.

Так как возможности быть главным городом у Кеша не таковы, как у Самарканда, то в конце концов Тимур бек избрал своей столицей именно Самарканд.

Еще один округ — Карши, который называют также Несеф и Нехшб. Карши — могольское название; кладбище на могольском языке будет «карши». Вероятно, такое наименование появилось после завоевания [Мавераннахра] Чингиз ханом. Это маловодное место. Весна там прекрасная, хлеба и дыни хороши.

Карши лежит к югу от Самарканда, с легким отклонением к западу, в восемнадцати йигачах пути. Там водится птичка вроде багри-кара, которую называют «кил-куйрук». Так как в округе Карши ее бесчисленно и бесконечно много, то ее в тех местах называют «каршинской птичкой».

Еще один округ — Хузар и другой — Кермине. [Кермине] находится между Бухарой и Самаркандом.

Другой округ — Кара-Кул; он лежит ниже всех остальных и более многоводен. Находится в семи йигачах к северо-западу от Бухары.

В области Самарканда есть хорошие туманы. К ним принадлежит Сугдский туман и туманы, примыкающие к Сугду. Начало их в Яр-Яйлане, конец — в Бухаре. Нет ни одного йигача пути, где бы не было селения или возделанных земель. Они настолько знамениты, что слова Тимур бека «У меня есть сад, который тянется тридцать йигачей», [вероятно], сказаны об этих туманах.

50a Еще один туман — Шавдар. Он примыкает к городу [Самарканду] и к его предместьям. Это очень хороший туман. С одной стороны от него горы, возвышающиеся между Самаркандом и Шахрисабзом || (большинство селений лежит у подножья этих гор); а с другой стороны — река Кухак. Это очень хороший туман, с превосходным воздухом, полный приятности; воды там много и блага земные дешевы. Путешественники,

Воссев на престол Самарканда, я оказал самаркандским бекам такую же милость и внимание, какую им оказывали прежде. К бекам, которые были с нами, я тоже проявил внимание и заботу, соответствующую их положению. ||

51a Султан Ахмед Танбалу было оказано наибольшее из всех покровительство. Он находился в рядах придворных беков, теперь же я оказывал ему внимание в рядах великих беков.

Когда после семимесячной осады мы с большими трудами взяли Самарканд, впервые вступили туда, то войнам попала в руки кое-какая добыча. Кроме одного Самарканда, все прочие области [уже раньше] подчинились мне или Султан Али мирзе; эти покорившиеся области не подобало грабить, да и как можно было бы что-нибудь добыть из местностей, подвергшихся такому опустошению и разорению?

[Скоро] добыча воинов иссякла; при взятии Самарканда город был до того разорен, что [жители] нуждались в семенах и денежных ссудах. Как получить оттуда что-нибудь?

По этим причинам воины терпели большие лишения, а мы ничего не могли им доставить. Стосковаясь, к тому же по своим домам, они начали убегать по одному, по двое. Первым, кто сбежал, был Хан Кули, сын Баян Кули, за ним — Ибрахим Бекчик. Моголы сбежали все до одного, потом Султан Ахмед Танбал тоже убежал.

Узун Хасан и Танбал, приведя с собой Джехангира, пришли и осадили Андиджан. Когда войско выступило в поход [на Самарканд], то в Андиджане я оставил Али Дуст Тагая, а в Ахси — Узун Хасана. Позднее Ходжа Кази также прибыл в Андиджан. В числе воинов, ушедших из Самарканда в Андиджан, тоже было много [злых] йигитов. Ходжа Кази при защите крепости из приязни ко мне роздал находившимся там войнам и семьям тех, которые [еще] были с нами, восемнадцать тысяч овец.

Во время осады от моих родительниц, а также от Ходжа Кази, непрерывно приходили письма такого содержания: «Нас держат в жестокой осаде, если вы не придете [в ответ] на наши вопли, то дело кончится плохо. Самарканд был взят силами Андиджана; || если Андиджан останется в ваших руках, то, с помощью божией, можно будет овладеть также и Самаркандом».

53a Одно за другим приходили такие письма. В это время я однажды заболел и уже стал поправляться. В дни выздоровления я не обращал на себя должного внимания и снова захворал. На этот раз я заболел очень тяжело, так что у меня на

четыре дня отнялся язык, и в мой рот капали воду из ваты.

Оставшиеся со мной великие и малые беки и йигиты потеряли надежду, что я выживу, и каждый стал думать только о себе. В это время беки, совершив ошибку в суждении, показали мне одного нукера, который прибыл послом от Узун Хасана и передал всякие бестолковые слова, и потом отпустили его. Спустя четыре-пять дней мое положение немного улучшилось, но косноязычность осталась, а еще через несколько дней я пришел в свое обычное состояние.

Так как от моих [близких] родных, то есть от моей матери и матери моей матери, Исан Даулат биким, а также от моего учителя и наставника, то есть Ходжи Маулана-и Кази, приходили подобного рода письма и они меня так усердно призывали, то с каким [чувством] в сердце [мог бы] человек остаться на месте? В месяце раджабе в субботу мы вышли из Самарканда, направляясь в Андижан. На этот раз || я процарствовал в городе Самарканде сто дней.

536

Когда я достиг Ходженда, тоже была суббота. В этот день один человек привез из Андижана известие, что семью днями раньше, в субботу, в ту самую субботу, когда мы выступили из Самарканда, Али Дуст Тагай сдал противникам крепость Андижан.

Подробности этого [дела] таковы: нукер Узун Хасан, которого мне показали во время моей болезни и потом отпустили, пришел в Андижан, когда неприятели осаждали крепость и сказал [андиджанцам]: «У государя отнялся язык; ему в рот капает воду из ваты». Прибыв с такого рода сообщением, он клятвенно подтвердил его перед Али Дустом. Али Дуст находился у ворот Хакана. От таких слов он лишился твердости и, призвав врагов, заключил с ними договор и условие и сдал крепость. В припасах и бойцах в крепости не было никакого недостатка, все дело было в трусости этого лицемерного, неблагодарного, ничтожного человека. Упомянутые выше слова он сделал для себя лишь предлогом.

После взятия Андижана враги, услышав о моем прибытии в Ходженд, сделали мучеником Ходжу Маулана-и Кази, с позором повесив его на воротах арка. ||

54a

Ради Андижана мы выпустили из рук Самарканд, а Андижан тоже ушел у нас из рук. Вышло так, как говорится в поговорке: «Беспечного и оттуда выгнали, и туда он не попал». Мне пришлось очень тяжело и трудно: с тех пор, как я стал государем, я еще ни разу не расставался таким образом со

546 своими нукерами и родной страной. || Сколько себя помню, я не знал такого горя и страдания.

Когда я прибыл в Ходженд, то некоторые лицемерные люди, не могли видеть Халифу у моих дверей, так повлияли на Мухаммед Хусейн мирзу и еще кое на кого, что Халифа был отослан в Ташкент. Мы направили в Ташкент к [Султан Махмуд] хану Насим бека, прося Хана выступить к Андижану.

Когда Хан повел войско и, пройдя долиной Ахангарана, стал лагерем у подножья перевала Кендирлик, я вышел из Ходженда и повидал Хана, моего дядю. Перевалив через Кендирлик, войска остановились возле Акси. Со своей стороны, наши противники, собрав бывшие при них войска, пришли в Акси. В это время, рассчитывая на меня, укрепили крепость Пап. Однако, вследствие несколько медленного движения Хана, мятежники взяли крепость Пап приступом.

55a Хотя прочие качества и повадки Хана были хороши, но как военачальник и полководец он был весьма недаровит. Дело ведь дошло до того, что соверши они еще один переход, область вероятнее всего досталась бы им даже без боя. И в такую-то пору Хан преклонил ухо к лживым речам противников и, начав разговоры о мире, || отрядил [к ним] послами Ходжу Абу-л-Макарима и старшего брата Ахмеда Танбала, бека Тилбе, который был в то время ишнк-агой Хана. Эти люди, чтобы спасти себя, наговорили множество правдивых и лживых слов и приняли для Хана или для посредников взятки и подарки. С тем Хан и возвратился назад.

Семьи большинства оставшихся при мне беков, внутренних приближенных и йигитов находились в Андижане. Отчаявшись взять Андижан, семьсот-восемьсот человек из больших и малых беков и йигитов окончательно отделились от меня.

После этого я прибыл в Ходженд; ко мне в Ходженд прислали мою мать и бабу вместе с семьями некоторых из тех, что остались со мною. Рамазан этого года мы провели в Ходженде. Направив к Султан Махмуд хану человека с просьбой о помощи, мы двинулись на Самарканд. Хан назначил в поход на Самарканд своего сына, Султан Мухаммед Ханике, а также Ахмед бека с четырьмя или пятью тысячами войска и сам тоже выступил и дошел до Ура-Тепи. Повидавшись там с Ханом, я направился к Самарканду через Яр-Яйлак. Султан Мухаммед Султан и Ахмед бек по другой дороге пришли в Яр-Яйлак раньше меня, а я пришел через Бурке-Яйлак в Санг-Зар; эта крепость является местопребыванием Яр-Яйлакского дару-

ги. Султан Мухаммед Султан и Ахмед бек, узнав, что подошел Шейбани хан и совершил набег на Шираз и окрестные места, повернули назад. Мне тоже поневоле пришлось воротиться, и я пришел в Ходженд.

Когда есть стремление к власти и желание завосвать земли, то, если дело раз или два не выйдет, нельзя сидеть на месте и смотреть. Мечтая о походе на Андиджан, я направился в Ташкент к Хану, чтобы просить его о помощи. || Я уже семь 56а или восемь лет не видел Шах биким и моих родных и близких; воспользовавшись случаем, я повидался также и с ними. Несколько дней спустя в помощь мне назначили Сейид Мухаммед мирузу Дуглата, Айюб Бекчика и Джан Хасан Барина с семью-восемью сотнями воинов. Получив такое подкрепление, я выступил в путь и, не задерживаясь в Ходженде, быстро прошел мимо и двинулся вперед, оставив Канд-и Бадам по левую руку. Ночью мы внезапным нападением, приставив к стенам лестницы, захватили крепость Насух, что находится в десяти йигачах на пути от Ходженда и в трех йигачах от Канд-и Бадама.

В это время [как раз] попевали дыни. В Насухе есть один сорт дынь, который называется «исмаил-шейхи», кожура у них желтая, похожая на шагрень; это очень нежные дыни. Семечки у них, как яблочные, мякоть толщиной в четыре пальца; удивительно сладкие это дыни, подобных им в тех местах нет.

На следующее утро могольские беки доложили мне: «Людей у нас мало, что из того, что мы взяли одну эту крепость?»

И действительно, дело обстояло так. Не считая полезным стоять там или усиливать эту крепость, мы повернули обратно и снова пришли в Ходженд.

СОБЫТИЯ ГОДА ДЕВЯТЬСОТ ЧЕТВЕРТОГО

Мы несколько раз ходили на Самарканд и Андиджан, но никакого дела не получалось, и мы снова вернулись в Ходженд. Ходженд — незначительное место; человек с сотней или двумя нукеров прокормится там с трудом. || Как же может 59а муж с большими притязаниями спокойно сидеть там?

Мухаммед Хусейн Гурган Дуглат находился в Ура-Тепе; вознамерившись идти на Самарканд, я послал к нему людей и

вступил с ним в переговоры. Мы просили его временно, на эту зиму, отдать нам Пешагир — одно из селений Яр-Яйлакского тумана, которое входило во владения досточтимого Ходжи [Ахрара], но во время безвластия перешло в руки Мухаммед Хусейн Дуглата. [Мы хотели] расположиться там и передвигаться по Самаркандской области, сколько сможем.

60a Вся та зима прошла в таких схватках и стычках. По весне для заключения мира прислали Ходжу Яхью, а сам [Султан Али мирза], подстрекаемый воинами, пришел в окрестности Ширази и Кабуда. Нашего войска было больше двухсот и меньше трехсот человек. Со всех сторон [нас окружили] сильные враги. Когда я бродил вокруг Андиджана, судьба не оказала мне никакой поддержки, когда я протянул руку к Самарканду, тоже не вышло никакого дела. По необходимости приходилось заключить нечто вроде мира и возвращаться из

Ходженд, {как уже сказано}, — незначительное место, там с трудом может прокормиться один бек. Почти полтора года мы находились там с семьей и домочадцами. Тамошние мусульмане в то время тоже по мере возможности несли расходы [по нашему содержанию] и оказывали услуги без упущений. С каким же лицом я опять пойду в Ходженд, да и что станет человек делать, придя в Ходженд?

Где место, куда пойти.

Где приют, чтобы там остаться?

Наконец, после всех колебаний и сомнений мы направились на летовки к югу от Ура-Тепе. Несколько дней мы провели в тех местах.

60b В тот же день в час послеполуденной молитвы на краю долины появился какой-то всадник. Это оказался один из нукеров Али Дуст Тагай по имени Юлчук. Али Дуст Тагай прислал его с таким сообщением: «Хотя я совершил великие проступки, однако надеюсь, что, оказав милость и простив мои прегрешения, || вы направитесь к нам. Я передам вам Маргинан и проявлю такую покорность и готовность служить, что моя вина растает и завеса, [отделяющая меня от вас], поднимется».

Едва пришла эта весть, заставшая меня в таком смятении и растерянности, как я, нисколько не задумываясь и не задерживаясь, в тот самый час, когда солнце начало садиться, быстрым ходом направился в Маргинан. Между тем местом, где мы находились, и Маргинаном будет примерно двадцать четыре-

двадцать пять йигачей. Всю ночь, пока не взошла заря, и все утро до полуденной молитвы мы шли, нигде не останавливаясь. В час полуденной молитвы мы стали лагерем в одном из селений Ходженда, называемом Тангаб. Дав коням остынуть и покормив их, мы, когда били полночную зорю, вышли из Тангаба. Пройдя всю ночь до утра и весь день до заката солнца и еще одну ночь, мы перед рассветом находились в одном йигаче от Маргинана. Ваис бек и еще кое-кто, почувствовав сомнение, доложили мне: «Али Дуст — человек, совершивший всякие дурные дела. Между нами ни раз, ни два не ходили люди, не было ни переговоров, ни условия, ни соглашения. На что же мы рассчитываем, идя вперед?»

Действительно, для их сомнений было основание. Остановившись на некоторое время, мы посоветовались. В конце концов порешили на том, что хотя для таких сомнений и есть повод, но || [сомневаться] следовало раньше. Трое суток, не 61a отдыхая и не останавливаясь, мы шли вперед и проделали путь в двадцать четыре-двадцать пять йигачей, так что ни у коней не осталось силы, ни у людей. Как же мы можем вернуться отсюда, а если бы и вернулись, то куда мы пойдем? Раз уж мы столько прошли, надо идти дальше. Ничего не будет без божьей воли.

Сговорившись на этом и уповая на [Аллаха], мы тронулись. В предрассветный час мы подошли к воротам крепости Маргинана, Али Дуст Тагай, стоя за воротами и не отпирая их, попросил о договоре. Когда заключили условие и договор, он отпер ворота и, стоя в воротах, выразил мне почтение. Повадившись с Али Дустом, я расположился внутри крепости, в одном подходящем дворе. Со мной было людей знатных и простых двести сорок человек.

Узун Хасан и Султан Ахмед Танбал чинили над жителями этой области много жестокостей и плохо с ними обращались; все население области желало моего прихода.

Султан Махмуд хан назначил нам в помощь Банда Али, сына Хайдар кукельташа, и Хаджи Гази Мангита, который в это время бежал от Шейбани хана и пришел к Хану, а также [воинов] тумана Барин с их беками. В это время они [как раз] пришли. Когда весть об этом достигла Узун Хасана, он, потеряв мужество, послал в арк Ахси на помощь своих любимых || 62b нукеров и отборных йигитов. На заре они подошли к берегу реки. Наши воины и воины моголов, узнав об этом, подготовили к переправе через реку отряд людей на расседланных конях. [Люди Узун Хасана], пришедшие на помощь, второпях не

подтянув лодку [достаточно] вверх, пустили [по течению], ее [снесло] от места переправы [вниз]. Они не смогли переправиться к крепости и поплыли вниз. Наши и могольские воины, расседлав лошадей, стали с обеих сторон бросаться в воду, люди в лодке, [перепуганные] совершенно, не могли защищаться. Карлугач Бахши, могол, преследуя их, схватил одного из сыновей беков за руку и зарубил его. А что пользы? Дело зашло дальше этого. Его поступок стал причиной смерти большинства бойцов, находившихся в лодке. В одну минуту всех, кто был на реке, вытащили на берег и [почти] поголовно истребили. Из уважаемых вельмож Узун Хасана там были: Карлугач Бахши, Халил Дивана, Казн Гулам. Из них Казн Гулам сумел спастись, утверждая, что он [будто бы] раб, и был освобожден. Еще из уважаемых йигитов там был Сейид Али, который теперь при мне и пользуется почетом, а также Хайдар Кули и Кулике Кашгари. Из семидесяти-восьмидесяти добрых йигитов, кроме пяти-шести перечисленных, не спасся никто. ||

63a

Услышав вести об этом, враги не могли больше оставаться в окрестностях Маргинана и в беспорядке ушли в сторону Андиджана. В Андиджане они оставили Насир бека, мужа старшей сестры Узун Хасана. Если Насир бек и не был вторым после Узун Хасана, то уже третьим-то он был, что и говорить! Это был опытный человек, мужество у него тоже было.

Узнав все обстоятельства и удостоверившись в неосновательности дела этих людей, Насир бек запер крепость Андиджана и послал ко мне человека. Когда те люди достигли Андиджана и увидели, что крепость заперта, они не смогли створиться и впали в расстройство. Узун Хасан потянулся в Ахси, к своей семье, Султан Ахмед Танбал ушел в свою область, в Ош. Некоторые приближенные и йигиты Джехангир мирзы, забрав его у Узун Хасана, бежали и присоединились к Ахмед Танбалу, который еще не дошел до Оша.

Весть о том, что крепость Андиджан заперта, дошла до меня. Нигде не задерживаясь, я выступил из Маргинана на восходе солнца, а когда вернулась ночь, я прибыл в Андиджан. Повидавшись с Насир беком и его сыновьями — Дуст беком и Марнам беком — и осведомившись об их здоровье, я обнадежил и возвеличил их своей милостью и заботой. Отцовские владения, которые почти два года назад || ушли у меня из рук, милостью божией снова стали мне доступны и покорны в месяц зу-л-ка'да девятьсот четвертого года.

63b

Султан Ахмед Танбал с Джехангир мирзой двигался к

Ошу; едва они вошли туда, как и в Оше чернь тоже подняла бунт. Людей Танбала здорово поколотили и выгнали из Оша и, сохранив для нас крепость, послали к нам человека. Джахангир и Танбал со считанными людьми ушли в полном смятении и вступили в Узгенд.

Узун Хасан, которому не удалось войти в Андиджан, ушел в сторону Ахси. Пришло известие, что он будто бы проник в арк Ахси. Так как главарем зачинщиков смуты был именно он, то сейчас же по получении этого известия мы двинулись к Ахси, не задержавшись в Андиджане больше чем на четыре-пять дней. Когда мы достигли Ахси, то Узун Хасан, не будучи в состоянии ничего сделать, попросил о договоре и пощаде и сдал крепость. Пробыв в Ахси несколько дней, я направил и привел в порядок дела в Ахси, Касане и вообще на той стороне [реки], после чего отпустил монгольских беков, которые пришли нам помочь, забрал с собой Узун Хасана с семьей и домо-чадцами и пришел в Андиджан. Касим Аждаб бек, который входил в круг приближенных и достиг при мне степени бена, был временно оставлен в Ахси.

Так как с Узун Хасаном был заключен договор, то его жизни и имуществу не причинили вреда или ущерба, и ему было дано разрешение отправиться через Кара-Тегин || в Хисар. 64а Со считанными людьми он ушел в Хисар; все остальные его нукеры отделились от него и остались. Это были те самые люди, которые во время смут схватили и ограбили моих домочадцев, а также Ходжу Кази и его близких. Сговорившись с некоторыми беками, мы решили так: эти люди учинили беззакония и склоки, схватили и обобрали близких к нам правоверных мусульман. Были ли они настолько верны своим бекам, чтобы быть верными нам? Если мы велим их взять, что будет плохого, тем более, что они у нас на глазах разъезжают на наших лошадях, носят нашу одежду и едят наших овец? Кто может это стерпеть? А буде мы их пожалеем и не прикажем их взять или обобрать, то нужно отдать приказ, чтобы все ныне опознанное имущество наших товарищей, бывших при нас во времена казачества и терпевших тяготы, снова перешло в руки владельцев. Если они спасутся такой ценой, то должны быть благодарны.

Действительно, это казалось разумным, и был отдан приказ: «Те, которые были с нами, пусть берут свои вещи, если узнают их».

Хотя это было разумно и правильно, но мы немного потопонились. Когда рядом стоял такой зловредный человек, как

646 Джехангир мирза, пугать так людей || не было никакого смысла. При завоевании стран и управлении государством некоторые действия внешне кажутся разумными и правильными, но внутреннюю суть всякого дела необходимо и обязательно сопоставить сто тысяч раз. Сколько смут и волнений поднялось из-за одного этого необдуманного приказа! В конце концов причиной нашего вторичного ухода из Андиджана было именно то, что мы, не подумав, отдали такой приказ.

Вследствие этого моголы открыли к себе путь тревоге и беспокойству и, выступив из Рабатен-и Урчини, который называют также «Областью меж двух рек», в сторону Узгенда, послали человека к Танбалу. При моей матери было около тысячи пятисот или двух тысяч моголов, из Хисара пришли Махди султан, Хамза султан и Мухаммед Дуглат и с ними почти столько же моголов. Раздоры и склоки всегда исходят от моголов; до того времени они уже пять раз поднимали против меня мятеж. Не то чтобы они бунтовали [только] против меня по причине всяких несогласий; такие же поступки они неоднократно совершали и со своими ханами.

В те дни, когда я как будто избавился от скитаний и бедствий и снова завоевал родную страну, это было удивительно несвоевременное поражение! Камбар Али могол, который являлся [моей] главной опорой, после взятия Андиджана ушел в свою страну, || и его со мной не было.

При таких обстоятельствах [Ахмед] Танбал, приведя с собой Джехангира, стал лагерем в одном шери от Андиджана, на поляне перед холмом Айш. Один-два раза, построив свои войска у Чил-Духтарана, он подходил к подножью холма Айш. Наши йнгиты тоже строились и выходили за сады и предместья. Танбал не мог двинуться вперед и даже отступил за холм. Когда он пришел в те места, то убил из числа пленных беков Мирима Лагари и Тука [бека].

Около месяца простоял Танбал в этой округе, но не мог ничего сделать и отступил к Ошу. Ош он отдал Ибрахиму Сару. Его люди были там, они укрепили Ош.

СОБЫТИЯ ГОДА ДЕВЯТЬСОТ ПЯТОГО

К войскам, находившимся в области, конным и пешим, спешно послали вербовщиков и надсмотрщиков; отправив к

Камбар Али и ко всем воинам, ушедшим в свои земли, усердных вербовщиков, я назначил для доставки щитов, лопат, секир и прочего военного снаряжения и припасов деятельных добытчиков. Я согнал из всей области конных и пеших, которые должны были идти на войну, и приказал созвать воинов и якуеров, что разъехались кто куда по всяким делам. Уповая на бога, я выехал восемнадцатого числа месяца мухаррама в сад Хафиз бека. Пробыв несколько дней в этом саду и завершив подготовку остального снаряжения и припасов, мы направились в сторону Оша навстречу противнику, построив в должном порядке правое крыло, левое крыло, центр, авангард, пехоту и конницу. 665

Захватив Мазу, мы стали лагерем в одной из ошских деревень, называемой Унджутуба. Со своей стороны, Танбал, отступив от Андиджана, стал лагерем в одной из деревень округа Рабат-и Сарханг, именуемой Аб-и Хан. Войска стояли друг от друга на расстоянии йнгача.

В этом году Хусрау шах, вознамерившись повести войска на Балх, вызвал Байсуннар мирзу в Кундуз и выступил к Балху. Дойдя до Убаджа, Хусрау шах, этот злополучный и неблагодарный человек, жаждая власти.— а как может достаться власть таким низким, неспособным людям, без роду и племени, без умения, расчета и соображения, без храбрости, совести и справедливости?— схватил Байсуннар мирзу и его беков и накиннул на шею Байсуннар мирзе веревку. Было десятое мухаррама, когда он сделал мучеником такого даровитого царевича, полного достоинств, украшенного личными заслугами и высоким происхождением. Из его беков и приближенных Хусрау шах тоже некоторых убил.

РОЖДЕНИЕ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ БАЙСУННАР МИРЗЫ

Он родился в восемьсот восемьдесят втором году в области Хисара, будучи вторым сыном Султан Махмуд мирзы — младше Султан Мас'уд мирзы и старше Султан Али мирзы, Султан Хусейна и Султан Ваис мирзы, который известен под именем Хан мирзы. Матерью его была Пашша биким. 686

ЕГО ВНЕШНОСТЬ И КАЧЕСТВА

Он был большеглазый, полнолицый, среднего роста, красивый йнгит с лицом туркмена.

СВОЙСТВА ПРАВА И ОБЫЧАЙ

Это был справедливый, мягкий, веселый и достойный царевич. Наставником его был, говорят, Сейид Махмуд, шийт, поэтому Байсункар мирзу тоже укоряли [в ереси]. Позднее говорили, что в Самарканде он отказался от этих дурных убеждений и стал чист верой.

Он был очень охоч до вина, но когда не пил вина, совершал положенные молитвы. Его щедрость и подарки были умеренны, он очень хорошо писал почерком настадик, в рисовании его рука также была неплоха. Стихи он тоже сочинял хорошо, пользуясь тахаллусом Адили. Стихов у него было недостаточно, чтобы составить диван; ему принадлежит такой началь- ный стих:

Как тень я влачусь от бессилья с места на место,
Если бы не хватался я за стену, то упал бы с ног.

В Самарканде газели Байсункар мирзы так распространены, что мало домов, где бы не было стихов мирзы.

После гибели Байсункар мирзы Султан Ахмед Караул, отец Куч бека, со своими старшими и младшими братьями, семейством и домочадцами выступил из области Кара-Тегина и явился к нам. Камбар Али, который был в Оше, больной, встав после болезни, тоже пришел. Сочтя прибытие в такое время Ахмед Караула с его людьми помощью с неба и хорошим предзнаменованием, мы в то же утро построили войска и пошли на врага. [Неприятель] не мог удержаться в Аб-и Хан и ушел со стоянки; в руки войнам попала кое-какая [добыча]: калатки, ковры, обоз. Придя [в Аб-и Хан], мы расположились в лагере [врагов].

В тот же вечер Танбал, взяв с собой Джехангира, обошел нас справа и вступил в селение Хубан, находившееся от нас в трех лигачах в сторону Андиджана. Утром мы также построили правое крыло, левое крыло, центр и авангард, надели кольчуги, вооружились, выстроили войско, поставив вперед пехотинцев со щитами, и двинулись на врага.

Это была первая битва, в которой я сражался. Великий господь по своей милости и благости сделал тот день днем победы и торжества. Мы сочли это хорошим предзнаменованием.

На следующее утро мать моей матери, моя бабка Шах Султан биним прибыла из Андиджана, имея намерение, если Джехангир попал [к нам] в плен, походатайствовать за него.

Так как подходила зима, то в степи не осталось хлеба и

норма. Мы не сочли полезным идти на Узгенд и возвратились в Андиджан. Через несколько дней, собрав совет, мы пришли к такому решению: оттого, что мы перезимуем в Андиджане, людям врага не будет никакого вреда или ущерба и они, возможно, даже станут сильнее путем краж и набегов. Перезимовать следует в таком месте, где наши люди не ослабеют от отсутствия съестных припасов, а неприятель станет слаб, словно пребывая в осаде.

С такой целью мы выступили из Андиджана, имея намерение зимовать в округе Рабатеки и Урчини, этот Рабатеки и Урчини также называют Областью между двумя реками, возле Армиана и Нушаба. || Придя в окрестности упомянутых селений, мы расположились на зимовку. 71а

Эти края — прекрасное место для охоты. В густых зарослях возле реки Айламыш водятся много маралов и кабанов, мелкие заросли изобилуют фазанами и зайцами. На холмах таится масса лисиц; эти лисицы бегают быстрее, чем лисицы из других мест.

Пока мы были на этой зимовке, я каждые два-три дня выезжал на охоту. Поджигая густые заросли, мы охотились на бугу-маралов или разъезжали в мелких зарослях, устраивая облавы и пуская соколов на фазанов. Фазанов там бесконечно много; пока мы зимовали в этих местах, фазаньего мяса было [у нас] вдоволь.

Мы пробыли на этой зимовке сорок или пятьдесят дней. В связи с уходом Камбар Али некоторым воинам тоже было дано разрешение уйти. Мы сами также вернулись в Андиджан.

Мы остановились на возвышенности в одном шери от Биш-Харана. Танбал, взяв с собой Джахангира, стал тылом к крепости Биш-Харан. Дня через три-четыре враждебные нам беки Али Дуст и Камбар Али и Саллах со своими приверженцами и приспешниками завели разговоры о мире. Ни я, ни мои доброжелатели решительно не думали и не помышляли о примирении, и никак не были на это согласны. Но эти два человека были большие беки, и если бы мы, не послушав их слов, не заключили мира, то у них были и другие возможности [повредить нам]. Необходимость заставила заключить мир такого рода: области на Ахсийской стороне реки Ходженда отойдут к Джахангиру, а области на Андиджанской стороне отойдут ко мне. Узгенд, когда оттуда уйдут их люди, они тоже припишут к нашему дивану. Когда определят границы наших владений, мы с Джахангир мирзой вместе пойдем на Самарканд. Как

только столичный город Самарканд будет завоеван и покорен,
746 я отдам Андиджан Джехангир мирзе.!

В этом году возникла вражда между Султан Али мирзой и Мухаммед Мазид тарханом. Причиною ее было то, что тарханы приобрели очень большую власть и значение. Бухарой
766 полностью || завладел Баки тархан и никому не давал ни одного данака с бухарских владений. Мухаммед Мазид тархан был [столь же] полновластным хозяином в Самарканде. Он захватил все округа для своих сыновей, приверженцев и приспешников; кроме небольшого содержания из [доходов] города, которое ему назначили, до Султан Али мирзы никакими путями не доходило ни фельса. Султан Али мирза был взрослый юноша, сколько еще мог бы он терпеть такое их обращение?

Вместе с несколькими приближенными он встал на путь злого умысла против Мухаммед Мазид тархана. Мухаммед Мазид тархан, догадавшись об этом, вышел из города со своими нукерами, слугами, приверженцами и приспешниками и теми людьми и беками, которые были при нем — Султан Хусейн Аргуном, Пир Ахмедом, Ходжа Хусейном, младшим братом Узун Хасана Кара Барласа, Салих Мухаммедом и еще несколькими беками и воинами.

В это время Хан назначил в помощь Хан мирзе Мухаммед Хусейн Дуглата, Ахмед бека и еще многих могольских беков и отрядил его в поход на Самарканд. Хафиз бек Дулдай и его сын Тахир бек были дядьками Хан мирзы; Хасан Набира, Хинду бек и некоторые йигиты по причине родства с Хафиз бекон и Тахир бекон бежали от Султан Али мирзы|| и ушли к Мирза хану. Мухаммед Мазид тархан послал людей к Хан мирзе и могольским воинам, призывая их к себе, и пришел в окрестности Шавдара; повидавшись с Хан мирзой, он встретился с могольскими беками. У могольских беков не сложилось сколько-нибудь хороших отношений с людьми Мухаммед Мазид бека — напротив, они даже намеревались схватить его.

Беки Мухаммед Мазиды, узнав об этом, под каким-то предлогом покинули могольское войско. После их ухода войско моголов не могло больше держаться. Когда они отступили и стали лагерем в Яр-Яйлаке, Султан Али мирза с небольшим отрядом быстро выступил из Самарканды и пошел на Мирза хана и войско моголов. Они даже не смогли начать бой и в беспорядке бежали. Это было единственное сколько-нибудь хорошее дело Султан Али мирзы в последнее время его жизни.

Мухаммед Мазид тархан и его люди, потеряв надежду на мирз, послали ко мне Мир могола, сына Абд ал-Ваххаба, кото-

рый раньше находился при мне; во время осады Андиджана он был преданным сторонником Ходжи Нази и подвергал свою жизнь опасности. Мы тоже пострадали от этой сделки и, заключив ради нее мир, были твердо намерены идти на Самарканд. Мы тотчас же послали Мир могола в Ахси, к Джахангир мирзе, || чтобы назначить место встречи, и собрались в поход на Самарканд. 776

Во время нашего пребывания в Ура-Тепе пришло известие, что Шейбани хан разбил Баки тархана у крепости Дабуси и пошел на Бухару. Из Ура-Тепе, через Бурне-Яйлак, мы пришли в Санг-Зар. Друга Санг-Зара сдал крепость. Так как Камбар Али пришел после того как его схватили и обобрали, то мы оставили его в Санг-Заре, а сами пошли дальше. Когда мы пришли и стали лагерем в Хан-Юрти, самаркандские беки во главе с Мухаммед Мазид тарханом пришли и выразили мне почтение. Я посоветовался с ними о том, каким образом овладеть Самаркандом. Они сказали: «Ходжа Яхья тоже благодетель государя; если Ходжа будет за это, Самарканд окажется вам легко доступен, без боя и сражения».

Али Дуст и Мухаммед Дуст, || получив позволение, ушли к Танбалу. Став приближенными Танбала, отец с сыном проявили ко мне много вражды и зла. Через год или два у Али Дуста вскочил на руке чирей и он умер. Мухаммед Дуст перешел к узбекам и в общем жил недурно; от них он тоже потом бежал, проявив неблагодарность, и ушел в андиджанские предгорья, где устраивал мятежи и смуты. В конце концов он попал в руки узбеков и его ослепили. Таков смысл поговорки: «Соль выела ему глаза».

Дав этим двоим позволение, я послал Гури Барласа с несколькими йнгитами к Бухаре за новостями. Пришло известие, что Шейбани хан, взяв Бухару, направился к Самарканду. Не считая полезным пребывание в тех местах, мы выступили в Кеш. Семьи большинства самаркандских беков тоже находились в Кеше.

Через неделю-две после прибытия в Кеш пришло известие, что Султан Али мирза отдал Шейбани хану Самарканд. Подробности этого таковы: мать Султан Али мирзы — Зухра Бики Ага по неразумию и глупости тайно послала к Шейбани хану человека с письмом такого содержания: «Если Шейбани хан || возьмет ее в жены, то ее сын отдаст Шейбани хану Самарканд. Когда Шейбани хан завоеует владения его отца, он отдаст их Султану Али мирзе». Ее план был известен Абу-Юсуфу 80a

Аргуну — вернее сказать, этот предатель и указал ей такой план.

СОБЫТИЯ ГОДА ДЕВЯТЬСОТ ШЕСТОГО

Шейбани хан, придя согласно условию с этой женщиной [т. е. Зухра Бики Ага], стал лагерем в Баг-и Майдане. В полдень Султан Али мирза, не известив никого из своих больших и малых беков и йигитов и ни с кем не посоветовавшись, вышел из ворот Чар-Раха с несколькими великими и малыми приближенными и пришел в Баг-и Майдан к Шейбани хану. Шейбани хан принял его не очень хорошо; поздоровавшись с ним, он посадил его ниже себя.

Ходжа Яхья, узнав о выходе Мирзы, взволновался. Не могли найти никакого другого средства, он тоже вышел из города; Шейбани хан поздоровался с ним, даже не вставая, и сказал несколько слов, полных укоризны. Когда Ходжа Яхья поднимался с места, Шейбани хан встал и поклонился ему.

Джан Али, сын Ходжа Али бая, услышав в Рабат-и Ходжа о выходе Мирзы [из города], тоже пришел к Шейбани хану.

806 Так эта несчастная женщина по недостатку ума, страстно желая иметь мужа, сгубила дом и достояние своего сына. Шейбани хан не оказывал ей и крупицы внимания и замечал ее меньше, чем какую-нибудь наложницу или любовницу.

Султан Али мирза, дивясь своим собственным поступкам, безмерно раскаивался, что вышел из города.

Некоторые его близкие, поняв как обстоит дело, задумали убежать вместе с мирзой, но Султан Али мирза не согласился; так как его час настал, то он не спасся. Он стоял у Тимур султана; спустя четыре или пять дней его убили на поляне Кульбе. Ради благ скоротечной обманчивой жизни Султан Али мирза ушел из мира с дурной славой, послушавшись слов женщины, он сам вывел себя из круга достославных. Нельзя больше писать о делах такого человека, нельзя больше слушать о столь гнусных поступках!

После убийства Султан Али мирзы Шейбани хан послал вслед Мирзе также и Джан Али. Так как Шейбани хан опасался Ходжи Яхьи, то он отпустил Ходжу и двух его сыновей — Ходжа Мухаммед Закарию и Ходжа Баки в Хорасан. Следом за ними он послал нескольких узбеков, которые убили достойного Ходжу и двух его молодцов-сыновей в окрестностях

Ходжа-Кардзана. Слова Шейбани хана об этом были таковы: «Дело с Ходжой || произошло не по моей вине, это сделали Камбар бий и Купак бий». Тем хуже! Есть поговорка: «Его извинение хуже, чем преступление». Если беки начинают делать такие дела по своей воле, без ведома хана и государя, то каково после этого значение их ханской и царской власти? 81а

После того как узбеки взяли Самарканд, мы направились из Неша в сторону Хисара. Самаркандские беки во главе с Мухаммед Мазид тарханом двинулись за нами вместе с женами, семьями и родичами. Когда мы остановились на поляне Чилту в Чаганиане, самаркандские беки во главе с Мухаммед Мазид тарханом, отделившись от нас, ушли и стали нукерами Хусрау шаха. Мы лишились своей столицы и страны; куда нам идти, где нам стоять — неизвестно!

Несмотря на то, что Хусрау шах причинил нашему дому столько бед, мы, не находя другого способа, поневоле прошли через его владения. Мы предполагали двинуться через Каратегин и Алай и направиться к моему дяде, Младшему хану, то есть к Алача хану, но это не удалось. Мы решили подняться вверх по долине Кам-Руда и перейти перевал Сир-и Так. Когда мы пришли в окрестности Навандака, один из нукеров Хусрау шаха поднес нам девять голов коней и девять кусков материи. На стоянке в устье Кам-Руда Шир Али, Чухра бежал и Вали, брату Хусрау шаха. На следующее утро Куч бек, отделившись от нас, ушел в Хисар. 81б

Вступив в долину Кам-Руда, мы двинулись вверх. В теснинах и пролестях по дороге на крутых отвесных перевалах осталось много коней и верблюдов. Сделав три-четыре ночевки, мы достигли перевала Сир-и Так. Вот это перевал, да какой еще перевал! Такого высокого и узкого перевала не было видано, по таким теснинам и обрывам не было еще хожено. С большими трудностями и тяготами мы миновали опасные теснины и бездны; после сотен лишений и страданий мы прошли высокие, узкие перевалы и достигли окрестностей Фана. Среди гор Фана лежит большое озеро. Это красивое озеро окружностью примерно в один шер. Оно не лишено своеобразия.

Пришли вести, что Ибрахим тархан запер крепость Шираз и засел там. В крепостях Яр-Яйлака находились Камбар Али и Абу-л-Касим Кухбур, который раньше был в Ходжа-Дидаре, и, когда узбеки взяли Самарканд, не мог оставаться в Ходжа-Дидаре. Придя в Яр-Яйлак, они заняли и укрепили нижние крепости.

Оставив Фан на правой руке, мы пошли в сторону Кешту-

82a та. Правитель Фана был известен и славился своей торова-
тостью, щедростью, услужливостью и добротой. || Султан Мас'уд
мирза, когда Султан Хусейн мирза шел походом на Хисар, тя-
нулся по этой же дороге в Самарканд, к своему младшему
брату Байсунир мирзе, и правитель Фана поднес ему семь-
десят или восемьдесят коней; другие его услуги были такого
же рода. Мне же он прислал старую северную клячу, а сам
даже не явился. Когда дело касается нас, люди, славящиеся
щедростью, становятся скупыми, и те, кого считают велико-
душными, забывают о великодушии. Хусрау шах [тоже] был
славен и знаменит своей щедростью и тороватостью; о всевоз-
можных услугах, которые он оказал Бадй'аз-Заман мирзе, уже
было упомянуто; к Баки тархану и другим бекам он также
проявил великую доброту и тороватость. Нам случилось прой-
ти через его владения два раза, он не проявил к нам даже того
великодушия, какое выказывал последнему из наших нукеров,
не говоря уже о людях нашей породы. Он обращал на нас да-
же меньше внимания, чем на наших нукеров.

О сердце, кто видал добро от людей сего мира?
Тот, кто сам не добр, от того добра не жди.

82b Пройдя Фан, мы, думая, что в крепости Кештута сидит
какой-нибудь узбек, спешно двинулись на Кештут. Однако
крепость Кештут оказалась разрушенной, и там в то время
никого не было. Миновав ее || и придя на берега реки Кухака,
мы остановились. Затем мы переправились через Кухак по
мосту напротив Яри; беки под начальством Касим бена были
посланы, чтобы внезапно захватить крепость Рабат-и Ходжа.
Миновав Яри и перевалив через горы Шункар-Хана, мы при-
шли в Яр-Яйлак.

Когда беки, посланные в Рабат-и Ходжа, приставили к сте-
нам лестницы, жители проведали об этом и принудили их от-
ступить; не сумев взять крепость, они воротились.

Камбар Али был в Санг-Зара, он пришел и повидал меня.
Абу-л-Касим Кухбур и Ибрахим тархан изъявили преданность
и покорность и прислали отборных людей, чтобы мне служить.

Мы пришли в крепость Исфидук — одно из селений Яр-
Яйлака. В то время Шейбани хан сидел в окрестностях Ходжа-
Дидара, с ним было три-четыре тысячи узбеков, из местных
воинов набралось еще столько же людей. Шейбани хан предо-
ставил должность даруги Самарканда Джан Вафа мирзе, с
пятью-шестью сотнями бойцов он находился внутри самарканд-
ской крепости. Хамза султан и Махди султан со своими при-

верженцами и приспешниками сидели неподалеку от Самарканды, в Будана-Куруги. наших людей, хороших и плохих, было || двести сорок человек. Поговорив с беками и воинами, мы 83а приняли такое решение: Шейбани хан взял Самарканд недавно, так что сердца жителей еще не привержены к нему и он не привержен к ним. Если мы можем теперь что-нибудь сделать, то надо действовать! Буде мы приставим лестницы и внезапно захватим самаркандскую крепость, то жители Самарканды пойдут за нас; что [другого] останется им делать? Если они не окажут нам поддержки, то и за узбеков не станут драться. А когда возьмем Самарканд, будет так, как захочет бог.

Порешив на этом, мы после полуденной молитвы выступили из Яр-Яйлака и, связав ночь с вечером, в полночь пришли в Хан-Юрти. В эту ночь, думая, что жители города все узнали, мы не приближались к крепости и даже отошли от Хан-Юрти. Было уже утро, когда мы перешли реку Кухан ниже Рабат-и Ходжа, и снова вернулись в Яр-Яйлак.

Однажды в крепости Исфидук собрались все внутренние [беки]: Дуст Насир, Нойон Кукельташ, Хан Кули, сын Карим Дада, Шейх Дервиш, Хусрау Кукельташ, Мирим Насир. Они сидели подле меня. Разговор шел о разных предметах. Я молвил:

«А ну-ка, скажите, || когда мы, с помощью божьей, возь- 83б мем Самарканд?»

Некоторые ответили: «Летом возьмем!» (а в то время была поздняя осень), другие: «Через месяц», кое-кто: «Через сорок дней», «Через двадцать дней!» Нойон Кукельташ сказал: «За четырнадцать дней возьмем»; и бог помог: ровно через четырнадцать дней мы действительно взяли Самарканд.

День или два спустя мы перешли из крепости Исфидук в крепость Васменд. Хотя мы уже один раз ходили в окрестности Самарканды и дали [его жителям] о себе узнать и вернулись, || мы все же, уповая на Аллаха, после полуденной мо- 84а литвы вышли из Васменды к Самарканду с намерением [захватить] город. Ходжа Абу-л-Макарим тоже сопутствовал нам. В полночь мы достигли Пул-и Магака, на хиабане. Оттуда мы отрядили семьдесят-восемьдесят отборных йигитов, чтобы они приставили лестницы к стенкам крепости напротив Гар-и Ашикана, поднялись, вошли, двинулись на людей, поставленных у ворот Фируза, захватили ворота и послали к нам человека.

Эти йигиты приставили лестницы напротив Гар-и Ашикана и поднялись по ним, никто не узнал об этом. Оттуда они

пошли к воротам Фируза. На воротах стоял Фазил тархан, он не из [самаркандских] тарханов, а из туркестанских купцов-тарханов. Оказав в Туркестане услуги Шейбани хану, он пользовался его покровительством. Зарубив насмерть Фазил тархана и нескольких нукеров, [наши] сбили топорами замок с ворот и открыли ворота. Как раз в это время я подросел и вошел в ворота Фируза. Абу-л-Касим Кухбур сам не пришел, а прислал своего младшего брата Ахмеда Касима и тридцать-сорок нукеров, а от Ибрахим тархана никого не было. Когда мы вошли в город и расположились в ханаке, туда явился его младший брат по имени Ахмед тархан || с несколькими нукерами.

Жители города еще спали. Лавочники, выглянув из лавок, догадались в чем дело и возносили [благодарственные] молитвы. Через некоторое время обитатели города все узнали. наших людей и горожан охватила необыкновенная радость и возбуждение; они убивали узбеков на улицах камнями и палками, словно бешеных собак; около четырехсот или пятисот узбеков было убито таким образом.

Городской даруга Джан Вафа находился в доме Ходжи Яхьи. Он бежал, вышел из города и ушел к Шейбани хану.

Войдя в ворота, я направился прямо в медресе и ханаку. По приходе туда я уселся под портиком; едва рассвело, как со всех сторон послышались громкие крики, поднялся шум. Некоторые знатные жители и лавочники, узнав о случившемся, с радостью и восторгом приходили со мной поздороваться, принесли еду и возносили за меня молитвы.

После завоевания Самарканда, крепости Шавдара, Сугда и ближайших туманов начали одна за другой мне покоряться. Из некоторых крепостей даруги узбеков со страха уходили, бросив их; в других крепостях [жители] выгоняли узбеков и переходили к нам, а иногда начальников крепостей хватили и крепости запирали.

В это время родичи и домочадцы Шейбани хана и его узбеков пришли из Туркестана; [сам] Шейбани хан находился в окрестностях Ходжа-Дидара и Али-Абада. Увидя, что крепости столь [легко] сдаются, а люди так охотно возвращаются ко мне, Шейбани хан ушел с того места, где сидел, в сторону Бухары. С божьей помощью самое большое через три-четыре месяца крепости Сугда и Мианкала вернулись к нам.

Баки тархан, воспользовавшись случаем, также явился и выступил в крепость Нарши. Хузар и Карши тоже вышли из-

под власти узбеков; Кара-Кул взял, [придя] из Мерва, человек Абу-л-Мухсин мирзы. || Наши дела сильно пошли в гору.

Когда я в этот раз вторично взял Самарканд, Аlisher бек || 866
был еще жив. Ко мне однажды даже пришло от него письмо. 87a
Я тоже послал ему письмо и написал на обороте сочиненный мною тюркский стих; раньше, чем успел прийти ответ, началась неурядица и смута.

Захватив Самарканд, Шейбани хан сделал Мулла Беннаи своим приближенным; он находился при Шейбани хане. Через несколько дней после взятия нами Самарканда Мулла Беннаи пришел в Самарканд. Касим бек, заподозрив [Беннаи], отослал его в Шахрисябз. Вскоре после этого, так как он был способный человек и не совершил какого-либо проступка, мы приказали доставить его в Самарканд. Он постоянно сочинял касиды и газали; сложив один а м а л ь в ладу н а в а, он посвятил его мне и исполнил передо мной.

В это время Мулла Беннаи сочинил и прочитал такое рубаи:

Ни зерна нет у меня, чтобы им питаться.
Ни одежды, чтобы в нее одеваться.
Тот, у кого нет ни пищи, ни одежды,
Как может усердствовать в науке и искусстве?

В те годы я сочинял по одному или по два стиха, но не заканчивал газалей. Сочинив тюркское рубаи, я послал его [Мулле Беннаи]:

Все будет так, как хочет твое сердце.
О награде и жалованье будет отдан приказ.
То, что ты сказал о зерне и одежде, мне понятно.
Твой стан одежда украсит, а зерно наполнит твой дом.

Мулла Беннаи, сделав рифму последнего полустишия этого рубаи || редифом, сочинил и произнес новое рубаи с другой рифмой: 876

Мой мирза, который будет царем суши и моря,
Станет в мире известным благодаря своему уму.
За одно бессмысленное слово мне оказано столько милостей,
Что же будет, если я скажу разумное слово?

В это время в Самарканд из Шахрисябза прибыл Ходжа Абу-л-Баракат-и Фираки. Он сказал: «Надо было сложить [стихотворение] с той же рифмой». Вот рубаи, которое сочинил Ходжа Абу-л-Баракат:

О несправедливости, которую совершила судьба, будет
спрошено,

Султан великодушия попросит за нее извинения.

Пролилась моя чаша, о кравчий, хотя не была полна.

В этот круг моя пролитая [чаша] должна наполниться до
краев.

В ту зиму наши дела сильно шли в гору, а дела Шейбани хана шли под гору. Между тем случилось одно-два события очень некстати. Люди, пришедшие из Мерва и взявшие Кара-Кул, не могли там удержаться, и Кара-Кул снова перешел во власть узбеков. В крепости Дабуси находился младший брат Ибрахим тархана по имени Ахмед тархан. Шейбани хан, придя, осадил ее. Прежде чем мы успели собрать войско, подготовиться и снарядиться, Шейбани хан взял крепость приступом и подверг всех жителей общему избиению.

882 Когда я взял Самарканд, со мной было двести сорок человек испытанных бойцов. За пять-шесть месяцев их, с помощью божьей, стало столько, что мы дали у Сар-и Пула бой такому человеку, как Шейбани хан; об этом будет упомянуто ниже. Из окрестных и соседних правителей пришли мне на помощь: от хана — Айуб Бекчик, Кашка Махмуд и барини — четыреста, пятьсот человек, от Джехангир мирзы явился на подмогу младший брат Ахмеда Танбала Халил и с ним сто или двести человек. От такого многоспытного государя, как Султан Хусейн мирза, — никто ведь не знал дел и повадок Шейбани хана лучше мирзы — не явился на помощь ни один человек; от Бади' аз-Заман мирзы тоже никто не пришел, а Хусрау шах из страха не прислал никого. Он причинил нашему дому много зла, как уже было рассказано и упомянуто, и его страх перед нами был очень велик.

Через два-три дня Шейбани хан пришел и стал лагерем довольно далеко от крепости. Простолодины и червь из каждого предместья и каждой улицы Самарканда, собираясь толпами и возглашая за меня свои простодушные молитвы, приходили к воротам медресе и бросались в бой. Шейбани хан, который выехал, чтобы сражаться, не мог даже подойти близко к крепости.

Несколько дней прошло таким образом. Чернь и простолодины, никогда не знавшие ран от стрел или шашек и не видавшие сражений и боев в строю и на поле, осмелели от такого обращения и стали выходить все дальше и дальше. Если

видавшие битвы Йигиты удерживали этих людей от таких бесполезных вылазок, их принимались ругать.

Однажды Шейбани хан начал бой у ворот Ахани. Простолудяны, которые сильно расхрабрились, как всегда смело и далеко выпли вперед. Им вслед послали нескольких конных йигитов.

Во время осады мы каждую ночь обходили кругом крепости по валу; иногда ходил я, иногда — Касим бек, иногда — еще кто-нибудь из беков или приближенных. От ворот Фируза до ворот Шейх-Заде можно было проехать по валу на козе, в других местах шли пешком. || Те, которые совершали весь обход пешком, заканчивали один круг к рассвету. 926

Настала уже пора созревания хлебов, однако никто не привозил нового хлеба. Дни осады продлились, и люди терпели большие лишения; дошло до того, что бедные и нуждающиеся стали есть собачье и ослиное мясо. Так как корм для коней сделался редкостью, то люди давали коням листья деревьев. При этом по опыту оказалось, что из всех листьев лучше всего годятся коням листья тута и карагача. Некоторые строгали сухое дерево, бросали стружки в воду и давали коням.

Три или четыре месяца Шейбани хан не подходил близко к крепости; он кружил вокруг крепости издали, переходя с места на место. Однажды ночью, когда наши люди его не ждали, он подошел около полуночи со стороны ворот Фируза. Враги били в барабаны и издавали боевые крики. Я находился в это время в медресе. || [В городе] поднялась великая тревога и суета. После этого враги каждую ночь приходили, били в барабаны, кричали и поднимали шум. Я рассылал во все концы и края послов и нарочных, но ни от кого не пришло помощи и поддержки. Когда я был силен и могуч и не терпел поражений и лишений, мне не оказали помощи и поддержки; с какой же стати мне стали бы помогать в такое [трудное] время? 94a

Защищаться и выдерживать осаду, надеясь на помощь [других], было неосновательно. Древние говорили: «Чтобы удержать крепость, надобна голова, надобны две руки и надобны две ноги. Голова — это полководец, две руки — это подкрепление и помощь, приходящая с двух сторон, две ноги — это вода и припасы в крепости».

Мы рассчитывали на помощь и поддержку соседних и окраинных владетелей, но у каждого из них были свои планы. Столь смелый и опытный государь, как Султан Хусейн мирза, не оказал нам никакой помощи и не прислав даже посла,

чтобы укрепить наше сердце, а к Шейбани хану он отправил послем во время осады Камал ад-дин Хусейна Газургахи.

946 Танбал пришел из Андиджана в окрестности Бискета. Ахмед бен и его люди вывели Хана навстречу Танбалу. Они встретились лицом к лицу около Лаклакана || и сада Турак, но боя и сражения не последовало, и они разошлись. Султан Махмуд хан был не боевой человек, он был совершенно лишен дара к воеводству; когда он стоял напротив Танбала, то в его словах и поступках проявилось малодушие. Ахмед бек был человек простой, но смелый и преданный; он выразился очень резко и сказал: «Чего стоит этот Танбал, что вы так беспокоитесь и колеблетесь? Если ваши глаза боятся, завяжите глаза, и пойдем на него».

СОБЫТИЯ ГОДА ДЕВЯТЬСОТ СЕДЬМОГО

Осада тянулась уже очень долго, а припасов и продовольствия нигде не приходило, помощи и поддержки ни от кого не было. Воины и народ, потеряв надежду, начали по одному, по двое прыгать с вала и убегать из крепости. Шейбани хан, проведая о слабости жителей крепости, пришел и стал лагерем возле Гар-и Ашикана. Я, со своей стороны, пришел на Нижнюю улицу к домам Мелик Мухаммед мирзы и встал напротив Шейбани хана.

95a В эти дни Узун Хасан, [брат] Ходжи Хусейна,— именно он, как раньше упоминалось, был виновником мятежа Джахангир мирзы и нашего ухода из Самарканда,— || явился с десятью-пятнадцатью нукерами и вошел в крепость. Его приход был очень смелым поступком; затруднения и лишения воинов и горожан еще увеличились, близкие мне люди и мужи, достойные уважения, прыгали с вала и убегали. Из именитых беков со мной находились Ваис Шейх и Ваис Лагари, мои старые слуги, они [тоже] бежали. В помощи со стороны мы совершенно отчаялись, ни на что не осталось никакой надежды. Продовольствия и припасов было мало, то, что было, тоже пришло к концу; [новых] припасов и продовольствия нигде не поступало.

В это время Шейбани хан завел разговор о мире. Будь у нас надежда на помощь, будь у нас припасы, кто бы стал слушать слова о мире? Однако необходимость заставила. За-

ключив нечто вроде мира, мы ночью, почти на исходе второго пахра, вышли из ворот Шейх-Заде. Я увел с собой Ханум, мою родительницу, и еще с нами ушли две женщины: одна — Бечеге Халифа, другая Минглик Кукельташ. Когда мы в этот раз ушли [из Самаранда], моя старшая сестра, Ханзаде биким, попала в руки Шейбани хана.

Темной ночью, кружа между большими арыками Сугуда, мы сбились с дороги; на заре после тысячи затруднений мы миновали Ходжа-Дидар и ко времени предрассветной молитвы || 956
взобрались на холм Карпук. Пройдя севернее холма Карпук по окраине селенья Худак, мы двинулись по равнине к Илан-Уты. По дороге мы стали гоняться на лошадях с Камбар Али и Касим беком. Моя лошадь опередила. Желая взглянуть, насколько отстали их лошади, я обернулся, подруга у моего седла, вероятно, ослабла, седло перевернулось и я упал и ударился головой о землю. Хотя я сейчас же встал и сел на коня, но разум у меня до самого вечера не вернулся к покою. События, происходившие в этом мире, мелькали и проходили у меня в глазах и в душе, точно сновиденье или призрак.

Вечером, во время предзакатной молитвы, мы остановились в Илан-Уты. Убив лошадь, мы изжарили ее мясо, приготовили шашлык, дали с минуту передохнуть коням и двинулись дальше. Перед рассветом мы пришли в селение Халилия и остановились там. Из Халилия мы пришли в Дизак. В это время в Дизаке находился сын Хафиз Мухаммед бека Дулдая Тахир Дулдай. Жирное мясо и белый хлеб были там дешевы, сладкие дыни и хороший виноград — изобильны. После великой нужды мы увидели подобную дешевизну, после стольких бед — оказались в столь безопасном [месте].

После страха и нужды мы обрели безопасность,
Обрели новую жизнь и новый мир.

Страх смерти исчез у нас из сердца, муки || голода прекратились для людей. Никогда в жизни мы так не отдыхали, отроду не видели такой дешевизны и безопасности — [ведь] наслаждение после нужды и спокойствие вслед за тревогой кажутся еще слаще и лучше. Четыре или пять раз приходилось нам так переходить от беды и радости и от трудностей к благоденствию, и это был первый раз. Избавившись от такого врага и от мук голода, мы радовались безопасности и наслаждались дешевизной. 96a

Шейбани хан, придя в окрестности округа Ура-Тапа, произвел там всякие бесчинства и ушел обратно. Когда Шейбани

996 хан стоял под Ура-Тепе, || мы оставили своих домочадцев в Масче и, невзирая на малочисленность и безоружность наших людей, [снова] перешли перевал Аб-и Бурдан и спустились в окрестности Дижкета с тем, чтобы, подобравшись ночью или утром, не упустить того, что само идет в руки. Шейбани хан послешно отступил. Мы опять перебрались через перевалы и вернулись в Масчу.

Мне пришло на ум: «Жить так, скитаясь с горы на гору, без дома и крова, не имея ни земель, ни владений, не годится. Пойдем лучше прямо к Хану в Ташкент». Праздник жертвы нам довелось провести в Шахрухии; не задерживаясь больше, я двинулся в путь и пошел к Хану в Ташкент.

100a Я сочинил тогда одно рубаи; и у меня были сомнения относительно употребленной в нем рифмы: к тому времени я не особенно глубоко изучил правила стихотворства. || Хан был одаренный человек и сочинял стихи, хотя законченных газалей у него было немного. Прочитав Хану это рубаи, я сообщил ему о своих сомнениях, но не получил ясного ответа, могущего успокоить сердце; [видимо]. Хан [тоже] уделял немного внимания правилам стихотворства. Вот это рубаи:

Ни о ком не вспоминает человек в беде.
Не радостен сердцем человек на чужбине:
Мое сердце на чужбине не знало радости,
Ничему не радуется человек на чужбине.

Позднее я узнал, что в тюркских словах в случае необходимости [буквы] та и даль, а также гайн, каф и кяф могут заменять друг друга.

100b Спустя несколько дней Танбал пошел на Ура-Тепе. По получении этого известия Хан тотчас же повел из Ташкента войско. Между Бишкентом и Самсираком правое и левое крыло выстроили в ряды и произвели смотр войску. По могольскому обычаю распустили знамена. Хан сошел с коня. Перед Ханом воткнули в землю девять знамен. Один могол привязал к кости из передней ноги быка длинную белую холстину и держал ее в руке; еще три длинных холстины привязали к трем знаменам ниже кутаса и пропустили их концы под древки знамен. На конец одной холстины наступил ногой Хан, на конец холстины, привязанной к другому знамени, наступил я, а на конец третьей холстины — Султан Мухаммед Ханике. || Тот могол, взяв в руки бычью кость с привязанной к ней холстиной, что-то сказал по-могольски, смотря на знамя, потом сделал знак. Хан и все те, кто стоял подле него, принялись кропить кумы-

сом в сторону знамени. Все разом задули в трубы и ударили в барабаны, воины, стоявшие в рядах, как один, испустили боевой клич. Все это проделали три раза, а потом сели на коней и с криками обскакали вокруг лагеря.

Среди моголов установления Чингиз хана до сих пор таковы, как их учредил Чингиз хан. [Бойцы] правого крыла стоят на правом крыле, левого крыла — на левом крыле, середины — в середине; все из рода в род стоят на местах, указанных в ярлыке [Чингиза]. На правом и на левом крыле тот, чье значение больше, стоит ближе к краю. Относительно правого крыла постоянно происходили раздоры между родами Чарас и Бекчик из-за того, кому выходить на край. В то время беком тумана Чарас был Кашка Махмуд, очень смелый был человек. Беком тумана Бекчик, который славился среди прочих туманов, был Айуб, [сын] Якуба. Из-за того, кому выходить на край, они дрались, обнажали друг на друга сабли. В конце концов, кажется, решили, что в кругу для облавы выше будет стоять один, и в боевом строю на край будет выходить другой.

Утром в окрестностях Самсирака устроили облаву и поохотились. Прибыв туда, мы стали лагерем в саду Турак. || 101a
Первая газаль, которую я закончил, была закончена в тот день на этой стоянке. Вот [начало] этой законченной газали:

Я не нашел верного друга, кроме моей души.

Я не нашел поверенного тайн, кроме моего сердца.

В ней шесть стихов. Впоследствии все законченные газали были написаны по такому же плану, [как первая].

Из Самсирака, совершая переход за переходом, мы пришли на берег реки Ходженда. Однажды в виде прогулки мы переправились через реку и, приказав сварить обед, отпустили йигитов и телохранителей повеселиться. В тот день у меня украли золотую застежку от пояса. На следующее же утро Хан Кули, сын Баяна Кули, и султан Мухаммед Ваис убежали к Танбалу. Все решили, что этот поступок совершен ими, хотя это не было точно установлено. Ахмед Насим Кухбур также, испросив разрешения, ушел в Ура-Тепа. Он тоже не вернулся после ухода и перешел к Танбалу.

СОБЫТИЯ ГОДА ДЕВЯТЬСОТ ВОСЬМОГО

Этот поход Хана был совершенно бесполезный поход; крепости он не взял, врага не разбил: пошел и вернулся.

В то время, пока я был в Ташкенте, мне пришлось испытать большие лишения и унижения. Владений у меня не было, надежд получить владения не было; большинство моих нукеров разошлось, те немногие, что остались, терпели лишения, и не могли дальше идти со мной. Пойду к воротам Хана, моего дяди, иногда с одним человеком, иногда с двумя иду. Хорошо еще то, что коть не чужие были, родные были...|| Поклонившись Хану, моему дяде, я ходил к Шах биким, словно к себе домой — с голой головой, с голыми ногами к ней входил.

Наконец, из-за всех этих смитаний без дома и крова я дошел до крайности. Я подумал: «Чем жить в таких тяготах, лучше бежать, куда глаза глядят; чем терпеть на глазах людей унижение и позор, лучше уйти, куда ноги унесут».

108а Ханы, идя за Таубалом следом, стали лагерем в окрестностях Андиджана. Старший хан остановился возле курука.ц в саду моей бабки Исан Даулат биким, который называется Куш-Тигирман; Младший хан расположился поблизости от лангара Баба-Таваккала.

Через два дня я прибыл из Оша и повидался со Старшим ханом в Куш-Тигирмане. В то самое время, когда я с ним свиделся, Хан передал Младшему хану те земли, что перешли ко мне. Оправдываясь передо мной, он говорил: «Враг, подобный Шейбани хану, захватил такой город, как Самарканд, и могущество его все растет. Ради этого дела Младшего хана привели бог весть откуда. Здесь у него земли нет, те его владения — далеко. Следует отдать Младшему хану области к югу от реки Ходженда, начиная с Андиджана, чтобы он там водворился». Области к северу от реки Ходженда, начиная от Ахси, Хан обещал мне и говорил, что утвердившись здесь, ханы направятся в область Самарканда, возьмут ее и отдадут мне, а после этого всю Фергану передадут Младшему хану». Вероятно, эти слова были хитростью, чтобы меня обмануть; неизвестно, что бы произошло, если бы все это осуществилось.

108б Делать было нечего, хочешь не хочешь, пришлось согласиться. Когда, покинув Старшего хана, я направился к Младшему хану, чтобы повидаться с ним, Камбар Али, известный под прозвищем Саллах, поравнялся со мной и сказал: «Видели? Они сейчас же отобрали у вас все ваши земли! У вас с ними ничего не выйдет; || теперь же, пока Ош, Маргинан, Узгенд и послушные вам области, племена и народы в ваших руках, ступайте в Ош, укрепите крепости, пошлите к Султан Ахмед Танбалу человека и помиритесь с ним, потом побейте и

прогоните могола и разделите по-братски ваши владения [е Танбалом]».

Я сказал: «Пристойно ли это будет? Хань — мои родичи; быть им слугой лучше, чем царствовать над Танбалом». Камбар Али бек увидел, что его слова не произвели впечатления, и вернулся [на свое место], раскаиваясь в сказанном.

В то время ханы были заняты осадой крепости Андиджана. Обитатели крепости не давали к ней приблизиться. Йигиты, выезжая на конях, перестреливались перед крепостью.

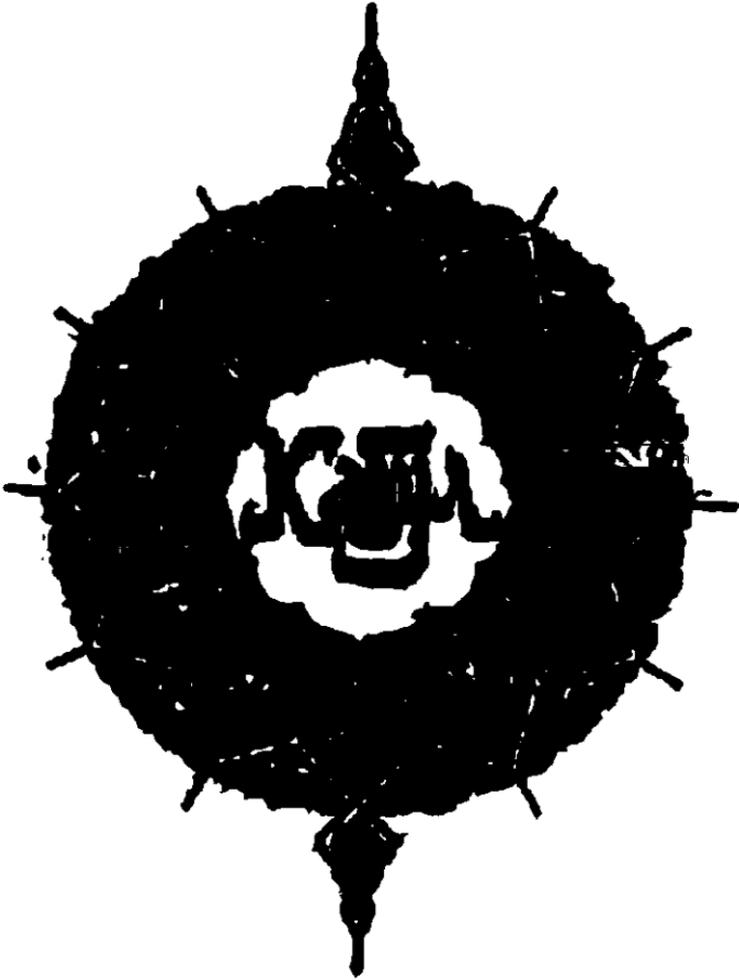
Шейх Баязид начал посылать людей из Ахси, выражая нам доброжелательство. Он настойчиво призывал нас.

Мы послали к Шейх Баязиду человека и заключили договор и условие. Шейх Баязид позвал нас в Ахси, мы пошли. Шейх Баязид, выйдя навстречу и приведя с собой также моего младшего брата Насир мирзу, впустил нас в крепость Ахси. Мне назначили стоянку и жительство в наружных укреплениях, в домах моего отца. Я пошел и водворился там.

Танбал послал к Шейбани хану своего старшего брата, бека Тильбе, выражая ему покорность и призывая его к себе. В это время от Шейбани хана пришли грамоты. Он писал: «Я иду!»

Едва весть об этом дошла до ханов, как они потеряли мужество, и, не могли более стоять, поднялись из-под Андиджана.

Младший хан славился своей справедливостью и честностью, но его моголы, оставленные в Оше, Маргинане и других, покорившихся мне крепостях, вопреки надеждам народа, начали творить жестокости и насилия. Когда ханы ушли из-под Андиджана, жители Оша и Маргинана напали на моголов, находившихся в крепости, схватили их, ограбили, побили и выгнали. 111a

СОБЫТИЯ ГОДА ДЕВЯТЬСОТ ДЕСЯТОГО

В месяце мухарраме я выступил из ферганской земли, направляясь в Хорасан, прибыл на летовку Илак — одну из летовок в области Хисара — и остановился там.

На этой стоянке, в начале двадцать третьего года моей жизни я впервые приложил к лицу бритву. Моих людей, знатных и простых, которые с надеждой следовали за мной, было больше двухсот и меньше трехсот, в большинстве они были пешие с дубинами в руках, грубыми башмаками на ногах и чапанами на плечах. Нужда дошла до того, что у нас было всего две палатки. Мой шатер ставили для моей родительницы, а для меня на стоянке строили шалаш, и я жил в шалаше. Хотя я намеревался идти в Хорасан, но, будучи в таком положении, надеялся на [богатство] хисарской земли и на нукеров Хусрау шаха. Каждые несколько дней ко мне приходил кто-нибудь и говорил об этой земле, народе и людях слова, возбуждающие надежду.

В это время вернулся Мулла Баба-и Пашагири, отправленный послом к Хусрау шаху. Он не привез от Хусрау шаха никаких вестей, могущих успокоить сердце, но привез сведения о народе и людях [Хисара]. Из Илана мы в три-четыре перехода достигли местности Ходжа-Хаммад, в окрестностях Хисара, и остановились. На этой стоянке Мухибб Али курчи пришел послом от Хусрау шаха. Хусрау шах славился щедростью и великодушием; нам два раза случалось проходить через его владения, но он не проявил к нам приязни, которую проявлял к самым ничтожным людям. Так как я надеялся на этих людей и на [блага] их земли, то [подолгу] задерживался на каждой стоянке. Ширим Тагай, знатнее которого у нас в то время никого не было, не имел мужества идти в Хорасан и думал от нас отделиться. Когда после поражения у Сар-и Пула мы вернулись [в Самарканд], он услав оттуда своих домолад-

цев, а сам остался налегке, залершись в крепости. Трусоватый это был человек, он неоднократно совершал подобные поступки.

1216 После нашего прихода в Кабадиан младший брат Хусрау шаха, Баки Чаганиани, которому принадлежали Чаганиан, Шахр-и Сафа и Термез, прислал ко мне Хатиб-и Карши, выражая доброжелательство и намерение присоединиться к нам, и когда я перешел реку Аму у переправы Увадж, он явился и вступил ко мне в услужение. По просьбе Баки мы встали напротив Термеза. Бани переправил всех своих домочадцев до последнего через Аму и присоединился к нам. Оттуда мы двинулись к Кахмерду и Бамиану; в то время эти места принадлежали сыну Баки, Ахмед Насиму, племяннику Хусрау шаха. Мы намеревались оставить домочадцев Баки Чаганиани в неприступной крепости Аджар в области Кахмерда || и затем, если представится удобный случай, действовать соответственно [возможностям].

Когда мы пришли в Айбак, Яр Али Билал, который раньше был со мной и хорошо рубил саблей, но во время неурядиц покинул меня и находился при Хусрау шахе, бежал ко мне от Хусрау шаха с несколькими йигитами и передал от моголов Хусрау шаха приятные слова. По приходе нашем в Дара-и Зиндан к нам бежал Камбар Али бек — его называли также Саллах. Сделав три-четыре перехода, мы пришли в Кахмерд и оставили своих домочадцев в крепости Аджар.

122a В это время от Султан Хусейн мирзы пришли к Бади' аз-Заман мирзе, ко мне, к Хусрау шаху и к Зу-н-Нуну длинные, || пространные грамоты одинакового содержания. Эти грамоты до сих пор при мне. Содержание их таково. «Когда Султан Ахмед мирза, Султан Махмуд мирза, Улуг бек мирза и их братья, сговорившись, пошли на меня, я укрепился на берегу Мургаба. Мирзы, подойдя близко, ничего не могли сделать и отступили. Теперь, если узбек пойдет на меня, я тоже укреплюсь на берегу Мургаба. Бади'аз-Заман мирза пусть оставит в крепости Балха, Шапургана и Андхуда сильных людей, а сам укрепляет Карзуван, Дара-и Занг и всю эту горную страну».

Султан Хусейн имел сведения о том, что я тоже пришел в те места, и писал мне: «А ты укрепи Кахмерд, Аджар и всю горную местность. Хусрау шах пусть оставит в крепостях Хисара и Кундуза верных людей и укрепляется со своим братом Вали в горах Бадахшана и Хутталана. Узбек ничего не сможет сделать и должен будет отступить».

Эти письма Султан Хусейна стали для меня причиной от-

чаяния. так как в государстве Тимур бека не было в то время владыки больше Султан Хусейна и не было ему равного по возрасту, по обширности владений и количеству войск. Я ожидал, что гонцы и нарочные будут усердно и поспешно следовать друг за другом и привезут такие приказания: «На переправах у Термеза, Келифа и Керки || постройте столько-то барж и приготовьте такое-то количество бревен для моста; сторожите хорошенько верхние переправы у Токуз-Улума». Тогда бы сердца людей, которые столько лет страдали из-за узбекской смуты, ободрились и исполнились бы надежды. Но если столь великий государь, как Султан Хусейн мирза, восседающий на престоле Тимур бека, не говоря о походе на врага, велит укрепляться — какая может быть у людей надежда? 1226

Оставив в Аджаре всех пришедших со мной голодных родичей, а также семьи и скот воинов Баки Чаганиани и его сына Мухаммед Касима с соплеменниками, мы повели наше войско и выступили в поход. От моголов Хусрау шаха непрерывно перебегали люди и говорили: «Мы, моголы, которые находились в Талекане и искали благосклонности славного государя, вышли и потянулись к Ишкамышу и Фулулу. Пусть государь, приложив усилия, поспешит и приходит поскорей: большинство людей Хусрау шаха в разброде и они должны явиться на службу к государю».

В это время пришли сведения, что Шейбани хан взял Андиджан и что его войско идет на Хисар и Кундуз. Услышав вести об этом, Хусрау шах, не смея оставаться в Кундузе, вывел оттуда || бывших с ним людей и направился в Кабул. Едва лишь Хусрау шах вышел из Кундуза, как некий Мулла Мухаммед Туркестани, добрый, надежный, старинный слуга Шейбани хана, заперся там, чтобы сдать [город] Шейбани хану. 1232

Когда мы проходили через Шамту и Кизил-Су, три-четыре тысячи моголов, подчиненных Хусрау шаху и находившихся в Кундузе, пришли со своими домочадцами и присоединились ко мне. Камбар Али могол, упоминание о котором неоднократно встречалось раньше, был великий пустослов; его повадки не нравились Баки беку. В угоду Баки беку я дал ему разрешение удалиться. Сын Камбар Али, Абд аш-Шакур, с того времени стал приближенным Джехангир мирзы.

Хусрау шах, услышав, что [его] моголы присоединились к нам, очень ослаб духом. Не сумев найти никакого другого средства, он прислал ко мне послом своего зятя Якуба, сына Айуба, выразил доброе расположение и желание мне служить и попросил: «Если вы заключите со мной условие, я приду

вам служить». Так как Бани Чаганиапи был человек влиятельный и при всем доброжелательстве ко мне не забывал о пользе своего старшего брата, то он стоял за соглашение. Мы заключили такой договор: жизнь [Хусрау шаха] будет пощажена; в отношении скота, сколько бы он ни отобрал, стеснения тоже не будет.

1236 Отпустив Якуба, мы двинулись вниз по Кизил-Су и остановились близ того места, где эта река сливается с рекой Андар-Аба. || На следующий день, в середине месяца раби' первого, я налегке переправился через реку Андар-Аба в окрестностях Души и расположился под развесистым чинаром. С другой стороны прибыл Хусрау шах в сопровождении множества нарядно и пышно одетых людей. Согласно обряду и уставу, он еще вдалеке спешился и подошел ко мне. Здравоваясь, Хусрау шах преклонил колени три раза, отходя назад — тоже три раза; осведомляясь о здоровье и поднося подарки, он опять встал на колени один раз. Перед Джехангир мирзой и Мирза ханом он тоже преклонил колени.

Таким образом, этот старый, толстый человечинко, который столько лет делал, что хотел, и из всех отличий царской власти только кутбы не читал от своего имени, двадцать пять-двадцать шесть раз подряд преклонял колени и ходил передо мной туда и назад. Он так устал, что едва не упал совсем. Несколькими лет бекства и султанства совершенно слетели у него с носа.

1240 После приветствий и поднесения подарков я приказал Хусрау шаху сесть. Мы просидели один или два гари, разговаривая и беседуя о том о сем. При своей трусости и неблагодарности Хусрау шах был к тому же пустой и бестолковый болтун. В такое время, когда его верные и уважаемые нукеры у него на глазах отряд за отрядом приходили и становились моими нукерами, когда его дела до того расстроились, что этот человечинко, державший себя раньше, как государь, явился ко мне в таком унижении, против воли и таким образом выражал мне почтение, || он высказал два диковинных суждения. Первое: когда я утешал его по поводу ухода его нукеров, он сказал: «Эти нукеры уже четыре раза уходили от меня таким образом и опять приходили».

Во-вторых: я спросил про его младшего брата Вали — когда он явится и в каком месте перейдет через Аму-Дарью, и Хусрау шах сказал: «Если найдется переправа, он должен явиться скоро, но когда вода прибывает, места переправ меняются. Есть пословица: «Вода унесла эту переправу». Бог выш-

жил ему в уста такие слова, когда его власть и его нукеры уходили от него.

Один или два гари спустя я сел на коня и отправился в лагерь. Хусрау шах тоже уехал к месту своей стоянки. С этого дня беки и нукеры Хусрау шаха, большие и малые, знатные и худородные, покидая его, начали, отряд за отрядом, переходить ко мне со своими семьями и скотом. На следующий день к полуденной или к предзакатной молитве, при нем не осталось ни одного человека. «Снажи, о боже мой, о властитель власти, ты даешь власть, кому хочешь, и отнимаешь власть у кого хочешь; ты возвышаешь, кого хочешь, и унижаешь, кого хочешь, в руке твоей благо, и во всякой вещи ты властен».

Дивен творец! Человек был повелителем двадцати или тридцати тысяч нукеров, и все земли, принадлежавшие Султану Махмуд мирзе, от Казлуга — это место называют также Дарбанд-и Аханин — до гор Хиндукуша были ему подвластны, а один из его сборщиков по имени Хасан Барлас, старый человечешко, грубо, как и подобает сборщику налогов, гонял нас с места на место от Илака до Уваджа. И вот в какие-нибудь полтора дня, без боя, без сопротивления, бог сделал этого властителя столь униженным, бессильным и слабым перед таким бедным и беспомощным человеком, как я с моими двумя с половиной сотнями людей, что не осталось у него власти ни над нукерами, ни над имуществом, ни над собственной жизнью.

1246

В тот вечер, когда я возвратился, повидав Хусрау шаха, ко мне пришел Мирза хан и потребовал мести за кровь своих братьев. Некоторые из наших людей тоже стояли за это. И действительно, по закону и обычаю следовало, чтобы такие люди понесли наказание, но так как мы дали обязательство, то вышел приказ, чтобы Хусрау шах увез с собой все, что он может увезти. Нагрузив три-четыре каравана мулов и верблюдов дорожными камнями, золотом, серебром и драгоценностями, он увез все это. Мы отправили с ним Ширим Тагая, чтобы тот проводил Хусрау шаха через Гури и Дехане в Хорасан, а сам пошел в Кахмерд и привел моих домочадцев за нами следом в Кабул. В конце месяца раби первого Аллах великий по своей милости и великодушию без боя и сражения подчинил и отдал мне царство и область Кабула и Газни.

Область Кабула относится к четвертому климату, она находится посредине обитаемой земли. На восток от нее [лежат] Ламганат, Пуршавар, Хаштнагар и некоторые области Хиндустана. К западу находится горная страна, в которую входит

Карнуд и Гур; теперь в этих горах обитают и куются племена Хазаре и Никудери.

К северу [от Кабула] лежат области Кундуза и Андар-Аба, отделенные от него горами Хиндукуша, к югу — Фармул, Нагз, Банну и Афганистан.

[Область Кабула] — небольшая область; очертания ее продолговатые, вытянутые в длину с востока на запад. По краям и границам ее везде горы; крепость Кабула примыкает к горам. Так как на вершине горы над крепостью [один из] шахов Кабула возвел постройку, то гору называют Шах-и Кабул. Эта гора начинается от ущелья Даварин и кончается у ущелья Дех-и Януб; окружность ее равна двум шери. Склоны этой горы сплошь покрыты садами. Во времена царствования моего дяди, Улуг бек мирзы, Ваис Атака, дядька Мирзы, провел на горе арык; все сады на склонах горы орошаются этим арыком. В конце канала находится местность, называемая Кул-Гина. Это уединенный уголок, великие творились там беспутства!

1286 Иногда шутки ради || мы повторяли там, слегка изменив его, такой стих Ходжа Хафиза:

Хорошее было время, когда мы несколько дней, без головы
и без ног,

Жили в Кул-Гина, среди распутников!

К югу от крепости и к востоку от Шах-и Кабула находится большое озеро; окружность его около одного шери. От горы Шах-и Кабул в сторону Кабула текут три небольших ручья; два из них находятся в окрестностях Кул-Гина. Возле одного ручья стоит мазар Ходжи-Шаму, возле другого находится надамгах Ходжи-Хизра; в этих местах гуляют жители Кабула. Еще один ручей протекает напротив мазара Ходжи Абд ас-Самада, его называют Ходжа-и Рупнаи.

От горы Шах-и Кабул отходит выступ, называемый Укабейн. Кроме Укабейна там есть еще один небольшой отрог. Арк кабульской крепости стоит на этой горе, большое укрепление возвышается к северу от арка. Арк стоит на удивительно высоком месте с хорошим воздухом; он возвышается над упомянутым озером и тремя полянами, носящими название: Снях-Санг, Сунак-Курган и Чалак, все они простираются у подножия арка. Эти поляны, когда они зеленые, выглядят очень красиво. Летом в Кабуле нередко дует северный ветер, его называют «ветром из Парвана». К северу от арка есть дома с оннами, там очень хороший воздух.

Мулла Мухаммед Талиб Муамман сочинил такой стих в

похвалу кабульскому арку, || посвятив его Бади' аз-Заман 129а
мирзе:

Пей вино в арке Кабула — пускай чаши вокруг, одну за
другой.

Ибо там и гора, и река, и город, и степь.

Хиндустанец то, что вне Хиндустана, называет Хорасаном, так же как арабы [всё], что вне Аравии, называют Аджам. На пути между Хиндустаном и Хорасаном стоят два торговых города: один — Кабул, другой — Кандахар. Караваны из Ферганы, Туркестана, Самарканда, Бухары, Балха, Хисара и Бадахшана приходят в Кабул; караваны из Хорасана приходят в Кандахар. Кабульская область лежит посредине между Хиндустаном и Хорасаном; это очень хороший торговый рынок. Если бы купцы пошли в Китай или в Рум, то наторговали бы столько же. Каждый год в Кабул пригоняют семь, восемь или десять тысяч коней; из нижнего Хиндустана приводят караваны десять, пятнадцать или двадцать тысяч купцов. Из Хиндустана доставляют рабов, белые ткани, сахар, сахарный песок и лекарственные зелья. Многие купцы не довольствуются при торговле прибылью в тридцать на десять или сорок на десять.

В Кабуле можно найти товары из Хорасана, Ирака, Рума и Чина; это как бы торговая гавань Хиндустана.

Жаркая и холодная полосы области Кабула [расположены] близко друг от друга. Из Кабула можно за один день пройти в такое место, где никогда не идет снег; за два звездных часа дойдешь до такого места, где снега никогда не становится меньше, хотя иногда бывает и таксе лето, что || снега [и там] 129б не остается. Плодов из жаркой и из холодной полосы в местах, прилегающих к Кабулу, множество. Из плодов холодной полосы в Кабуле и ближних селениях бывает много винограда, гранатов, урюка, яблок, айвы, груш, персиков, слив, грудной ягоды, миндаля, орехов. Я приказал привезти туда и посадить вишневые саженцы; выросла хорошая вишня: деревья и теперь еще разрастаются.

Плоды жаркой полосы — это, например, апельсины, помаранцы, амлук и сахарный тростник, которые привозят из Ламгана; я приказал доставить сахарный тростник в Кабул и посеять. Кедровые орехи привозят из Ниджрау. С гор, окружающих Кабул, идет много меду, и там есть пасеки, с гор, окружающих Газни, меда не доставляют. Кабульский ревень хорош. айва и сливы там тоже прекрасные, огурцы — отличные.

Есть там особый сорт винограда, аб-и ангур называется;

очень хороший виноград, из него делают пьяные вина. Вино со склонов горы Ходжа-Хавенд-Саид славится крепостью; впрочем, теперь я его хвалю только следуя мнению других.

Сладость вина знает только пьяный,
Какая радость от него трезвому?

130a Злаки в Кабуле нехороши, но если семена хорасанские, то, в общем, они всходят недурно. Воздух там очень приятный, такого хорошего воздуха, как в Кабуле, сколько известно, нет больше нигде в мире. Летом по ночам нельзя ложиться без шубы; зимою, хотя снега падает очень много, чрезмерных холодов не бывает. Самарканд и Тебриз тоже славятся хорошим воздухом, || но там бывает уже слишком холодно.

В окрестностях Кабула находятся четыре хорошие поляны. В северо-восточной стороне лежит поляна Сунак-Курган, от Кабула до нее будет два куруха, хорошая это поляна. Трава ее полезна коням, комаров там немного.

К северо-западу лежит поляна Чалак, в одном курухе от Кабула. Это большая поляна, летом комары сильно беспокоят там коней.

К западу находится поляна Дарарин и еще две — Тепа и Куш-Надир, если считать так, то выходит всего пять полейн. Каждая из них отстоит от Кабула на один шери; это небольшие поляны, но трава их очень полезна коням, комаров там нет. Среди кабульских полейн нет таких, как эти две поляны.

К востоку [от Кабула] лежит поляна Сиях-Санг; между Воротами кожевников и этой поляной находится могила Кутлук-Кадам. Так как летом там много комаров, то эту поляну редко огораживают. К луговине Сиях-Санг прилегает еще поляна Суст-Камари; по такому счету вокруг Кабула будет шесть полейн, но [особенно] известны четыре поляны.

130b Область Кабула — неприступная область; врагу проникнуть в нее трудно. Между Балхом, Кундузом и Бадахшаном, с одной стороны, и Кабулом — с другой, лежат горы Хиндукуша; с этих гор ведут семь дорог. Три дороги проходят через Панджхир; выше всех лежит перевал Хавак, ниже — Тул, еще ниже — Базарак. Из этих трех перевалов || самый удобный Тул, но дорога через него немного длиннее; вероятно, по этой причине его и называют Тул.

Самый прямой путь — через Базарак; Тул и Базарак ведут вниз, в Сар-Аб. Жители Сар-Аба называют перевал Базарак Паранди, так как этот перевал ведет к деревне Паранди. Есть еще дорога через Парван. Так как между большим перевалом

и Парваном имеется еще семь перевалов, то их называют Хафт-Бача. Со стороны Андар-Аба идут две дороги, они сходятся у большого перевала и через Хафт-Бача ведут в Парван. Это очень трудная дорога. Еще три дороги идут от Гур-Банда; ближайший путь к парванской дороге лежит через перевал Янги-Юл — он ведет в Валиан и Хинджан. Другая дорога проходит через перевал Кипчак; она ведет к месту слияния рек Кизил-Су и Андар-Аб. Эта дорога тоже хорошая.

Еще одна дорога — через перевал Шиберту. Летом, когда вода поднимается, [путешественники], пройдя перевал Шиберту, идут через Бамнан и Сайган, а зимой идут через Аб-Дара.

Зимой на четыре-пять месяцев все дороги закрыты, кроме дороги через Шиберту; пройдя этот перевал, идут через Аб-Дара. Летом, когда вода прибывает, положение на этих дорогах такое же, как зимой, ибо дороги в руслах рек, вследствие высокой воды, непроходимы; если, не идя вброд, вздумают пройти горами, то переход труден. Три или четыре месяца осенью, когда снега мало и вода || стоит низко, — [лучшее] 131а время идти этими дорогами. В горах и в ущельях попадаетея немало нечестивых разбойников.

Дорога со стороны Хорасана идет через Кандахар; эта дорога ровная и на ней нет перевалов.

Со стороны Хиндустана идут четыре дороги. Одна дорога идет через Ламганат. На этой дороге в Хайберских горах есть небольшой перевал. Другая дорога идет через Бангаш, третья — через Нагзи, еще одна — через Фармул; на этих дорогах тоже есть невысокие перевалы. Путешествующие по этим дорогам переходят реку Синда у трех переправ. Те, которые перешли ее у переправы Нил-Аб, идут через Ламганат; зимой они переходят реку Синда и реку Кабула выше слияния реки Кабула с рекой Синда. Двигаясь с войском в Хиндустан, я чаще всего пользовался этими переправами; в тот раз, когда я пришел, разбил и взял в плен Султан Ибрахима и завоевал Хиндустан, я переправился у Нил-Аба на баржах. Кроме как в упомянутых местах, через реку Синда нельзя нигде переправиться без барж.

Путешественники, переходящие у переправы Динкут, идут через Бангаш; те, что переправляются у Чаллара, если они идут через Фармул, попадают в Газни, а если пойдут через Дашт, то придут в Кандахар.

В Кабульской области живут различные племена. В долинах и равнинах живут аймаки, тюрки и арабы; в городе и некоторых деревнях живут сарты, || в других деревнях и обла- 131б

стях обитают [племена] Пашаи, Параджи, Таджики, Бирки и Афгани. В горах Газни живут племена Хазаре и Никудери; среди хазарейцев и никудерицев некоторые говорят на могольском языке.

В горах к северо-востоку находятся селения кафиров, например, Катур и Гибрик; на юге — поселения афганцев.

В Кабульской области говорят на одиннадцати или двенадцати языках: арабском, персидском, тюркском, могольском, индийском, афганском, пашаи, параджи, гистри, бирки, ламгани. Ни в какой другой области, насколько известно, не живет так много различных племен, говорящих на разных языках.

В Кабульской области четырнадцать туманов. В Самарканде, Бухаре и вообще в тех краях маленькие области, подчиненные столице какой-нибудь большой области, называются туман; в Андижане, Кашгаре и между ними — орчи, в Хиндустане — паргана. Хотя Баджур, Савад, Паршаваур и Хаштнагар раньше зависели от Кабула, но теперь из-за афганцев некоторые из них разорены, другие перешли к афганцам и перестали быть [отдельными] областями.

На востоке лежит Ламганат. Эта область состоит из пяти туманов и двух булуков. Самый большой из этих туман Нингнахар — в некоторых летописях [это название] пишут Негархар. Местопребывание его даруги — Адинапур, от Кабула до Адинапура тринадцать йигачей пути к востоку. Между Кабулом и Нингнахаром очень тяжелая и плохая дорога; в трех или четырех местах есть небольшие || перевалы, в двух или трех местах — узкие ущелья. Хирилчи и все афганские разбойники грабили на этой дороге.

132a

В этих местах [раньше] не было поселений. Я приказал населить [местность] Кара-Ту в конце Курук-Сая и дорога поэтому стала безопасной.

Жаркую полосу от холодной полосы отделяет перевал Бадам-Чашме. На кабульской стороне этого перевала выпадает снег, на курук-сайской и ламганатской стороне снег не идет. Минувая этот перевал, человек видит [совсем] другой мир: деревья — другие, травы — другие, животные — другие, нравы и обычаи у жителей — другие.

В Нингнахаре девять рек; рис и пшеница там хорошие, апельсинов, лимонов и гранатов много и они тоже хороши. Перед крепостью Адинапур, в южной стороне, на возвышенности, я разбил в девятьсот четырнадцатом году большой сад, названный Баг-и Вафа. Он возвышается над рекой; река течет между садом и крепостью; апельсинов, лимонов и гранатов

там много. Когда я разбил Пахар хана и завоевал Лахор и Дибальпур, то привез в этот сад бананы и посадил их; они хорошо удались. В предшествующем году там посеяли сахарный тростник, хороший получился тростник; этот тростник посылали в Бадахшан и в Бухару. Местоположение этого сада высокое, проточная вода там всегда есть, холод зимой умеренный. Посреди сада маленький || пригорок. Ручей, достаточный для одной мельницы, постоянно течет из сада, [спускаясь] с холма в этом саду. Посреди сада на холме разбиты четыре клумбы. 1320

В юго-западной стороне сада находится водоем площадью десять на десять [кари]. Вокруг него всюду растут апельсиновые деревья, гранатные деревья там также есть. Возле водоема все покрыто трилистником; это лучшее место в саду. В то время, когда желтеют апельсины, сад кажется очень красивым. Очень хороший вышел сад.

Гора Кух-и Сафид стоит на юге Нингнахара. Эта гора отделяет Нингнахар от Бангаша. Для всадника там дороги нет: с этой горы стекают девять рек. Снег на ней никогда не убывает; вероятно поэтому ее и называют Кух-и Сафид. Внизу, в долине, снег никогда не идет; расстояние между снежной и бесснежной полосой составляет полдня пути.

На склонах этой горы есть места с хорошим воздухом. Вода там холодная, в льде надобности нет. К югу от крепости Андинапур протекает река Сурх-Руд; крепость стоит на возвышенности. Это гора с отвесными склонами высотой в сорок-пятьдесят кари. К северу выступает отрог этой горы.

Андинапур — очень хорошо укрепленная крепость. Та гора стоит между Нингнахаром и Ламганатом; всякий раз, как в Кабуле идет снег, на макушку этой горы тоже падает снег, поэтому жители Ламганата || знают, что в Кабуле шел снег. [Что же касается] дороги из Кабула в Ламганат, то, если идти через Курук-Сай, одна дорога ведет через перевал Дири, реку Баран переходят у Булана и попадают в Ламганат; другая дорога проходит ниже Курук-Сая, через Кура-Ту, и ведет в Ламганат. 133a

Если же идут через Ниджрау, то переходит реку Бафрау у Карангина и идут к перевалу Бад-и Пич.

Хотя Нингнахар — один из пяти туманов Ламганата, но ламганатскими называют только [следующие] три тумана. Из этих трех туманов один — Алишенг; к северу от него лежат высокие, неприступные снеговые горы, примыкающие к горам Хиндукуша; эти горы сплошь относятся к Кафиристану. Бли-

жайшая к Алишенгу земля кафиров — Мил. Река Алишенга выходит из Мида. Могила великого Лама, отца святейшего пророка Нуха, находится в тумане Алишенг. В некоторых летописях великого Лама называют также Ламак и Ламекан. Часто приходилось замечать, что жители этой страны в некоторых случаях вместо [буквы] каф произносят га й н. Вероятно, по этой причине область и называется Ламган.

1336 Еще один туман — Алангар. Ближайшая к Алангару земля кафиров — Кавар. Река Алангара вытекает из Кавара. Обе реки, пройдя Алишенг и Алангар, сливаются и впадают в реку Баран ниже третьего тумана, то есть тумана Мандравар. ||

Один из двух упомянутых [выше] булуков — Дара-и Нур. Это необыкновенная местность. У входа в долину стоит крепость на выступе горы, с двух сторон которой — река. На уступах подножия горы много риса, иначе как по дороге там не пройдешь; апельсины, лимоны и другие плоды жаркой полосы там тоже есть, изредка попадаетея и финиковая пальма.

Берега реки, текущей с двух сторон крепости, сплошь покрыты деревьями; больше всего там деревьев амлука; этот плод некоторые тюрки называют «кара-емиш». В Дара-и Нуре его много, в других местах этого плода не видно. Виноград там тоже попадаетея, он весь вьется по деревьям. В Ламганате вино из Дара-и Нура знаменито. Тамошнее вино бывает двух сортов: их называют «ара-таши» и «сухан-таши»; ара-таши — золотистое, сухан-таши — красивого цвета, ярко-красное, однако, ара-таши крепче. Впрочем крепость обоих не соответствует их славе.

Выше, в долинах, попадаются обезьяны; ниже, в сторону Хиндустана, также водятся обезьяны, но выше этих долин их нет. Жители тех мест раньше разводили свиней, но в наше время бросили это.

134a Еще один туман — Кунар и Нургил. Этот туман лежит несколько в стороне от Ламганата, среди земель кафиров, и является пограничной областью. Хотя по величине он равен ламганатским туманам, но из-за такого местоположения подать с него невелика, || [жители] платят меньше. Река Чаган-Сарай, пройдя с северо-востока через Кафиристан, протекает по этой области, сливается с рекой Баран в булуке Кама и течет на восток. Нургил лежит к западу от этой реки, Кунар — к востоку. Мир Сейид Али Хамадани — помилуй его Аллах, — странствуя по этим местам, перешел в другой мир в одном шери выше Кунара. Ученики перенесли его прах оттуда в Хутгалан. На месте, где он умер, теперь стоит мазар. В де-

вятьсот двадцать пятом году, когда я пришел и взял Чаган-Сарай, я совершил поклонения этому мазару. Там много апельсинов, лимонов и кориандра. Из Кафиристана привозят туда крепкие вина.

Жители этих мест рассказывают удивительную вещь, она кажется невозможной, но этот рассказ подтверждается всеми. Нижняя часть тумана [Нургил] называется Малата-Кунди; области, лежащие еще ниже, принадлежат к Дара-и Нуру и Атару. Выше Малата-Кунди во всей горной стране, то есть в Кунаре и Нургиле, в Баджауре, Саваде и в окрестных землях, распространен такой обычай: когда умирает женщина, ее кладут на носилки и поднимают их за четыре конца. Если умершая не совершала дурных дел, она заставляет держащих носилки невольно покачнуться и так толкает их, что даже если они, сделав усилие, удержатся на ногах, умершая падает с носилок. Если же она делала дурные дела, то труп остается неподвижным. Я слышал это не только от тех людей, жители Баджаура, Савада и всей той горной области согласно рассказывали такую историю. || Хайдар Али Баджаури, который был султаном Баджаура, очень хорошо управлял этой областью. Когда умерла его мать, он не плакал, не принимал соболезнований и не наматывал черного тюрбана и [только] сказал: «Идите и положите ее на носилки; если она не пошевелится, я должен ее сжечь». Умершую положили на носилки, и она сделала обычные движения. Услышав об этом, ее сын тотчас же намотал черный тюрбан и справил обряд оплакивания.

1340

Еще один булук — Чаган-Сарай. Там всего одно селение, это небольшая местность. Чаган-Сарай — как вход в Кафиристан. Жители его, вследствие смешения с кафирами, хотя и мусульмане, исполняют обычаи нечестивых. Большая река, называемая рекой Чаган-Сарай, течет с северо-востока от Чаган-Сарая, из-за Баджаура. С запада, из земли кафиров, называемой Пич, притекает еще одна река поменьше и вливается в Чаган-Сарай. В Чаган-Сарае есть желтоватое крепкое вино, оно не выдерживает никакого сравнения с вином из Дара-и Нура. В самом Чаган-Сарае нет ни винограда, ни садов: виноград привозят из земель кафиров, лежащих выше по реке, и из земли Пич. Когда я брал Чаган-Сарай, кафиры из Пича помогали его жителям. Вино там было в таком ходу, что у каждого кафира висел на шее бурдюк с вином. Они пили вино вместо воды.

Хотя Кама не отдельная местность и принадлежит к Нингахару, но эту местность тоже называют булуком.

135a Еще один ¶ туман — Ниджрау. Он находится в горах северо-восточнее Кабула. Горы позади Ниджрау сплошь населены кафирами. Это глухая, уединенная местность. Винограда и плодов там много, вина тоже немало, но только его кипятят. Зимой там откармливают много кур. Жители Ниджрау — винопийцы, безмолитвенники, не знают страха [перед грехом] и подобны язычникам. У них в горах много сосны, пинии, дуба и мастикового дерева. Сосна, пиния и дуб растут и ниже Ниджрау, но выше их совершенно нет; это деревья хиндустанские.

У жителей этой горной страны все светильники — из пинии; она горит, как свеча. Это весьма удивительно.

В горах Ниджрау водятся летающие лисицы. Летающая лисица — животное больше кошки; между передними и между задними ногами у нее перепонка вроде крыла летучей мыши; [этих лисиц] постоянно приносили ко мне. Говорят, они слетают вниз, с дерева на дерево, на расстояние полета стрелы. Я сам не видел, как они летают; мы посадили одну лисицу на дерево, и она быстро вскарабкалась наверх; когда ее согнали, она расправила крылья и, как бы паря, спустилась вниз без вреда для себя.

В этих краях есть также птица лучше, эту птицу называют еще «букаламун». От головы до хвоста она пяти-шести разных цветов и переливается, как шея у голубя, а величиной она будет с горную куропатку. По-видимому, это хиндустанская куропатка. Жители этой страны рассказывают удивительную вещь: когда приходит зима, эти птицы спускаются к подножию

135b гор. Если в полете ¶ они пролетают над виноградником, то совершенно не могут лететь дальше, и их ловят. В Ниджрау есть еще мышь, которую называют мускусной мышью. От нее, говорят, идет запах мускуса; я ее не видывал.

Еще один туман — Панджхир. Панджхир лежит вдоль дороги, очень близко к Кафиристану. Путь разбойников кафиров проходит через Панджхир и вследствие близости его к Кафиристану с него тоже берут (налог) меньше. Когда я в последний раз пришел и завоевал Хиндустан, кафиры вторглись в Панджхир, убили там много людей и произвели большие опустошения.

Еще один туман — Гур-Банд. В тех землях горный перевал называют «банд». В сторону Гура идут через перевал; вероятно, по этой причине и говорят: «Гур-Банд». Верховья долины захватили в Гур-Банде хазарейцы. Есть там несколько деревень, это место малодоходное. Говорят, что в горах Гур-Банда попадаются серебряные рудники и залежи лапис-лазури.

На склонах горы встречаются деревни: повыше — Мита-Кача и Парван, а внизу — Дур-Нама, [всего] двенадцать или тринадцать деревень. В этих деревнях много плодов, вина там крепче всех других.

Так как все названные деревни расположены на склонах гор и в горах, то хотя подати и вносятся, но в этом отношении они дают немного.

Ниже деревень, между горами и рекой Баран, лежат две полосы ровной степи. Одну называют Курра-и Тазнан, другую — Дашт-и Шейх. Весною поля, засеянные просом, там || очень красивы, аймаки и турки приходят туда весной. На склонах гор тогда много разноцветных тюльпанов всякого сорта. Как-то раз я велел их сосчитать; оказалось тридцать два или тридцать три сорта необыкновенных тюльпанов. Там есть один сорт тюльпанов, от которого идет легкий запах красной розы; мы называли его «тюльпан с запахом розы». Он растет в Дашт-и Шейхе только на одном участке земли, в других местах его нет. На склонах этих гор, ниже Парвана, попадаетеся тюльпан-столистник. Он тоже растет на одном участке земли при выходе из ущелья Гур-Банд.

136a

Между этими двумя равнинами стоит гора поменьше. На этой горе тянется гряда песку с вершины до подножья, Ходжа Риг-и Раван называется. Говорят, что летом с этих песков доносятся звуки литавр и барабанов.

Есть там еще деревни, зависящие от Кабула. Юго-западнее Кабула стоит большая снеговая гора; снега на ней хватает до нового снега; редкий год снег не долежит до снега. Когда в набульских ледниках кончается лед, то привозят снег с этой горы, готовят ледяную воду и пьют. От Кабула до горы будет три шери.

Гора Бамиана и эта гора — неприступные горы. [Реки] Харманда, Синга, Дугабе, Кундуза и Балх-Аб текут с этих гор; говорят, что за один день можно напиться из всех четырех рек.

Большинство упомянутых деревень находится на склонах этой горы. В садах там много винограда, всякого рода плодов тоже немало. Среди этих деревень нет ни одной лучше Иста-лифа и Астаргача. Улуг бек мирза, говорят, называл эти последние две деревни || Хорасаном и Самаркандом.

136b

Пагман тоже входит в число этих селений. Хотя виноград и плоды Пагмана не таковы, как в других селениях, но воздух его вне всякого сравнения. Горы Пагмана — снеговые горы. Неизвестно, во многих ли местах есть селения, подобные Иста-лифу. Через Пагман протекает большая река, по обеим сторо-

нам реки тянутся сады; там есть зеленые приятные садики. Вода в ней холодная, так что нет нужды охлаждать ее льдом, и большей частью чистая.

В этом селении есть сад, называемый Баг-и Калан, который Улуг бек мирза силой отнял у его хозяина. Я уплатил владельцам стоимость этого сада и приобрел его. Перед садом растут большие чинары; под чинарами тянется зеленая, приятная, тенистая лужайка. Посреди сада постоянно течет ручей, достаточный для одной мельницы, на берегах этого арыка растут чинары и другие деревья. Раньше этот арык тек извилисто, криво и неровно. Я приказал его выровнять и выпрямить; очень хорошее получилось место.

137 Ниже этих селений, на курух или полтора куруха выше степи, по склонам горы струится источник, Ходжа Се-Яран называется. У этого источника и вокруг него растут деревья трех пород. Над источником высятся густые чинары, получается приятная тень; по обоим берегам, у подножья горы, на холмах растут высокие дубы; ¶ кроме этих двух участков, где есть дубовые рощи, в горах к западу от Кабула совсем нет дубов. А перед источником на краю степи тянутся большие рощи аргувана. В Кабульской области, кроме этих рощ, аргувана больше нигде нет. Говорят, что эти три породы дерева — чудо трех святых; причину названия Се-Яран видят именно в этом. Я приказал обложить этот источник камнем и облицевать его берега алебастром и цементом на площади десять на десять [кари]. С четырех сторон над источником возникла ровная, правильная площадка, выходящая к роще аргувана; когда цветы аргувана распускаются, то неизвестно, есть ли другое такое [красивое] место в мире. Желтого аргувана там тоже много; желтый аргуван распускается на склонах гор одновременно с красным.

К юго-западу от источника постоянно течет из долины ручей, где воды вдвое меньше, чем нужно на одну мельницу. Я велел выкопать для этой воды арык и направил ручей на холм к юго-западу от источника Се-Яран. На этом холме я устроил большую круглую суфу и вокруг суфы со всех сторон посадили тальник; очень приятное получилось место. Выше суфы, возле холма, я велел посадить виноградник. Тарих проведения этого арыка заключается в словах «Джу-и Хуш».

137 Еще один туман — Лахугар, самое большое селение его — Чарх. Досточтимый Мулла Якуб родом из этого Чарха. Муллазаде, сын Муллы Османа, ¶ тоже уроженец Чарха.

Сиджавенд — также одно из селений Лахугара. Ходжа Ах-

мед и Ходжа Юнус происходят из этого Сиджавенда. Садов в Чархе много, в других селениях Лахугара садов нет.

Жителей Лахугара называют «авган-шал», это название употребляется и в Кабуле. Вероятно, [правильное название] — «авган-шиар», но говорят авган-шал.

Еще есть там область — Газни, которую многие считают туманом. Газни была столицей Сабуктегина, Султан Махмуда и его потомков; некоторые ищут также Газнин. Столицей Шихаб ад-дина Гури тоже был этот город. Султан Шихаб ад-дина в Табакат-и Насири и в некоторых историях Индии называют Му'изз ад-дином.

Газни находится в третьем климате. Эту область именуют также Забул; название Забулистан означает эту местность. Некоторые считают, что Кандахар тоже входит в Забулистан. От Кабула до Газни четырнадцать йнгачей пути на [юго-] запад. Если по этой дороге тронуться из Газни рано утром, то между второй и послеполуденной молитвой приедешь в Кабул. Из Адинапура, который находится в тринадцати йнгачах пути, из-за дурной дороги никогда не дойдешь до Кабула за один день.

Газни — незначительная область; в ее реке хватает воды на четыре-пять мельниц. Город Газни и четыре-пять селений орошаются этой рекой; еще четыре-пять селений орошаются каризами. Виноград в Газни лучше кабульского винограда; дыни там тоже вкуснее, чем в Кабуле. Яблоки в Газни также хорошие; || их вывозят в Хиндустан.

138а

Сеять [в Газни] очень трудно; все пространство, которое засевают, каждый год приходится заново покрывать землей; однако урожай от посевов в Газни больше, чем в Кабуле. Там сеют марену, ее разводят по всему Хиндустану. Лучшее из того, что производят жители Газни, — марена.

Кочевое население Газни — казарейцы и афганцы. Сравнительно с Кабулом, в Газни все всегда дешево. Жители этой области — ханифиты по исповеданию, люди чистой веры и хорошие мусульмане; людей, которые постятся три месяца, там много. Своих жен и женщин они тщательно скрывают и охраняют.

Мулла Абд ар-Рахман — один из великих людей Газни. Это был ученый человек. Он постоянно преподавал науки, был весьма благочестив, богобоязнен и воздержан в жизни. В год смерти Насир мирзы Мулла Абд ар-Рахман ушел из мира.

Гробница Султан Махмуда находится в пригороде Газни; так как там могила султана, то его называют «Рауза»; хороший газнийский виноград привозят из Рауза. Могилы сыновей

Махмуда Султан Мас'уда и Султан Ибрахима тоже находятся в Газни. Благословенных мазаров в Газни множество.

1386

В тот год, когда я... пришел в город Газни, мне сказали, что в одном из селений Газни есть мазар, в котором могильный камень качается, едва лишь произнесут благословение пророку. Мы пошли туда и посмотрели: колебание || камня было заметно. Позднее стало известно, что это хитрость муджавиров. Они приладили над могилой кольцо; всякий раз, как до кольца дотрагивались, оно качалось и чудилось, что качается камень. Так людям, которые раньше никогда не садились в лодку, когда они сядут, кажется, что качается берег. Я приказал муджаваирам встать далеко от кольца. Сколько ни повторяли благословений, движения камня замечено не было. Я велел сорвать кольцо и сделать над могилой купол; муджаваирам было с угрозой запрещено так поступать.

Газни весьма незначительная область. Я всегда удивлялся, почему государи, которым были подвластны Хиндустан и Хорасан, владея такими землями, сделали столицей столь ничтожное место. Во времена Султан Махмуда там было три-четыре плотины. На реке Газни, в трех йигахах к северу от города, выше по реке, Султан построил большую плотину. Высота этой плотины сорок или пятьдесят кари, длина — около трехсот кари. Воду там накапливают и по мере надобности пускают на посевы. Ала ад-дин Джехансуз Гурид, когда завладел этой областью, сломал плотину, сжег множество могил потомков Султана, разрушил и сжег город Газни, а жителей ограбил и перебил. В отношении избиения и разорения || он не упустил ни одной мелочи. С тех пор эта плотина разрушена. В год завоевания Хиндустана мы послали через Ходжа-и Калана деньги на отстройку этой плотины. Надеюсь, что с помощью божьей плотина будет отличная.

139a

Еще одна плотина — Сахан, к востоку от Газни. Она также находится в двух-трех йигахах от Газни и тоже давно разрушена; ее даже нет возможности привести в порядок.

Третья плотина — Сар-и Дех, эта плотина хорошо благоустроена.

В книгах пишут, что в Газни есть один источник и что если в этот источник бросят грязь и нечистоты, сейчас же будет буря, потоп, дождь и метель. В другой летописи я нашел, что, когда Рай Хинда осаждал Сабуктегина в Газни, Сабуктегин приказал бросать в этот источник грязь и нечистоты, и началась буря, потоп, дождь и метель; этой хитростью он отразил

врага. Сколько я ни допытывался в Газни, никто не мог указать мне этого источника.

В наших странах Газни и Хорезм знамениты холодом, как знамениты этим Султания и Тебриз в обоих Ираках и в Азербайджане.

Еще один [кабульский] туман — Зурмут. От Кабула он лежит к югу, от Газни — к юго-востоку. От Кабула до Зурмута будет двенадцать-тринадцать йигачей пути, от Газни — семь-восемь йигачей. В Зурмуте восемь селений; местопребывание его даруги — Гардиз. Внутри крепости Гардиза большинство домов — в три или четыре яруса. || Гардиз недурно укреплен; когда [жители] Гардиза восстали против Насир мирзы, этот город доставил мирзе много хлопот. 1396

Обитатели Зурмута — авган-шалы. Они сеют хлеб и занимаются земледелием; [плодовых] деревьев, садов и огородов у них нет.

В южной части на юге этого тумана стоит гора, горой Баркистан называется. На склоне этой горы, на возвышенном месте, течет источник; могила Шейх Мухаммед Мусульмана находится в этом месте.

Еще один [кабульский] туман — Фармул. Это незначительное место. Яблоки там недурные, их вывозят в Мультаи и в Хиндустан. «Сыновья шейха» — потомки шейха Мухаммед Мусульмана, пользовавшиеся почетом в Хиндустане во времена афганцев, происходят из Фармула.

Еще один туман — Бангаш. Вокруг него живут одни разбойники-афганцы [из племен] Хугиани, Хирильчи, Тури и Ландар. Они обитают как бы в стороне и потому не платят податей добровольно. Мне пришлось осуществлять большие дела, завоевывать Кандахар, Балх, Бадахшан и Хиндустан; по этим причинам для усмирения Бангаша времени не было. С божьей помощью, когда найдется время, Бангаш и его разбойники непременно будут усмирены.

Один из булуков Кабула — булук Ала-Сай. От Ниджрау он отстоит в двух-трех шери. На восток, со стороны Ниджрау, дорога идет гладко и ровно; достигнув места, называемого Кура, попадают в Ала-Сай через небольшой перевал. В этом месте жаркую полосу от холодной отделяет перевал Кура. Через этот перевал Кура улетают птицы ранней весной. Жители местности Пичган, зависящей от Ниджрау, ловят на этом перевале много || птиц. У выхода с перевала они там и сям устраивают укрытия из камня, птицеловы садятся за эти укрытия и укрепляют конец сети в пяти-шести кари от укрытия. Одну 140a

сторону сети прижимают камнем к земле, другую сторону до половины сети, то есть в три-четыре кари длиной, привязывают к палке. Один конец палки держит в руке человек, сидящий в укрытии; через отверстия в укрытии он высматривает птиц. Когда птицы приближаются, сеть тотчас же поднимают и птицы сами залетают туда; таким способом ловят много птиц, и их даже не успевают убивать.

В этой местности нет гранатов лучше, чем гранаты из Ала-Сая; аласайские гранаты развозят по всему Хиндустану. Виноград там тоже неплохой; аласайское вино крепче, чем вино из Ниджрау, и красивей цветом.

Еще один булуи — Бадрау; он примыкает к Ала-Саю. В Бадрау нет плодов; [на земле] работают там кафиры, которые сеют хлеб.

Как в Хорасане и Самарканде кочуют турки и аймаки, так в этой области кочуют хазарейцы и афганцы. Из хазарейцев там больше всего [представителей племени] Султан-Мас'уди, из афганцев больше всего Мехмендов.

1406 Доходов Кабула — с земель, от пошлин и с кочевников собирают восемь лаков шахрухи. ||

Горы в восточной стороне Кабульской области двух родов; горы на западе тоже двух родов. Андерабские, Хостские и Бадахшаиские горы все покрыты арчой, изобилуют источниками и поднимаются полого; трава на горах, на холмах и в долинах одинаковая, хорошая. Больше всего там травы буте-ках, это очень подходящая для коней трава. В Андиджанской области эту траву называют «бутках»; причина такого наименования не была известна, но здесь я ее узнал: эту траву якобы называют «буте-ках» потому, что она растет кустами.

Летовки Хисара, Хутталана, Самарканда, Ферганы и Моголистана все расположены так же, как в Кабульской области; хотя летовки Ферганы и Моголистана не идут ни в какое сравнение с кабульскими, но и горы и летовки и тут и там одного рода. А горы Ниджрау, Ламганата, Баджаура и Савада — это горы, где много сосны, пиши, дуба, маслины и мастинового дерева; трава там не такая, как на тех горах — густая и высокая, но это бесполезная трава: она не годится для коней и овец.

Хотя эти горы по высоте не таковы, как [описанные выше], и представляются глазу незначительными, но это удивительно неприступные горы; кажется, будто это пологие холмы, а между тем, каждая гора и холмик очень круты и каменисты; там нигде не проедешь на коне.

На этих горах много хиндустанских птиц и хиндустанских животных, || например, полугаев, шареков, павлинов, луча, обезьян, нилгау, коротконогих оленей; кроме упомянутых животных, там есть еще разные другие птицы и звери, о которых не слышано в Хиндустане. 141a

Горы на западной стороне — горы Дара-и Зандана, Дара-и Суфа, Гарзавана и Гарчистана — однородные. Пастбища в большинстве случаев расположены в долинах; трава в горах и на холмах не такая, как на северных горах; таких густых деревьев и арчи там тоже нет, но зато трава там полезна коням и овцам; поверхность этих гор вся удобна для езды на коне; все поля расположены на горах.

Кников на этих горах много; русла потоков проходят в неприступных ущельях; большинство этих ущелий — отвесные и в них нигде нельзя спуститься. Удивительное дело: во всех других горах непроходимые места находятся на высотах, а на этих горах они в низинах. Горы Гура, Газива и Хазаре тоже такие, пастбища лежат в долинах этих гор. Деревьев там тоже мало, а арчи [совсем] нет; трава на пастбищах полезна коням и овцам, кников много.

В горах, упомянутых раньше, неприступные места лежат внизу, а на этих горах — дело обстоит не так.

Горы в Ходжа-Исмаиле, Даште, Дуки и стране афганцев однородны; они низкие-низкие, травы там мало, воды недостаточно; это горы без деревьев, некрасивые, никуда не годные. Горы там соответствуют людям; ведь говорится: «Не будь сходства, не было бы и встречи». Немного есть на свете гор, так нехорошо устроенных. 141b

Хотя в Кабуле зимой падает глубокий снег, но там есть хорошие дрова и они близко: в один день можно сходить за ними и принести. На дрова там идет мастиковое дерево, дуб, миндальное дерево и кирканд; лучшее из них — мастиковое дерево: оно ярко горит и дым от него хорошо пахнет; уголья держатся долго, свежее оно тоже горит.

Дубовые дрова — также хороши; хотя они горят более тускло, но зато жарко; углей от них много. У дуба есть удивительное свойство: если поджечь зеленые дубовые ветки с листьями, они вспыхивают с громким треском и, треща, загораются сразу, снизу доверху; горящий дуб очень красивое зрелище. Миндальное дерево — изобильнее и распространеннее других; угли от него нестойкие. Кирканд — это низенький колючий кустарник: свежий и сухой горит одинаково. У всех обитателей Газни на дрова идут эти деревья.

142a

Кабульская область лежит в горах; горы там — это как бы мосты, покрытые клевером. Населенные места разбросаны среди них. Кников и дичи там мало. Когда осенью и весной красный кник, т. е. архар-гальча, тянется на зимние и летние пастбища, он идет по определенным дорогам; йигиты с соколами и собаками сторожат на этих дорогах и ловят кников.

В области малого Кабула и Сурх-Аба водятся также кулан, а белого кника там совсем нет. В Газни белый кник и кулай [иногда] встречаются. Мало где попадаются такие жирные кники, как в Газни.

Весной в Кабуле есть много мест для охоты на птиц. Большинство перелетных птиц пролетает вдоль берегов реки Барана, так как на востоке возвышаются горы, на западной стороне — тоже горы, а прямо напротив, там, где тянутся берега реки Барана, находится большой перевал через Хиндукуш; другого же перевала вообще нет. По этой причине все птицы пролетают в том месте. Если дует ветер или над перевалом Хиндукуша немного облачно, птицы не могут лететь и все садятся на берегах Барана. В эту пору жители тех мест ловят много уток.

1426

В конце зимы на берега Барана прилетает много уток, они очень жирные. Позднее там попадает бесчисленное множество больших птиц — журавлей и цапель. По берегам Барана на журавлей ставят сети и ловят сетями много птиц, аистов, цапель и пеликанов тоже ловят веревками во множестве. Ловля этих больших птиц — нечто необычное. Способ их ловли таков: вяют тонкую веревку длиной в полет стрелы, к одному концу веревки прикрепляют дротик, к другому концу прилаживают кольцо из рога, потом берут палку толщиной в кисть руки и длиной в один нариш и наматывают веревку до конца на эту палку, начиная с той стороны, где стрела. Когда веревку всю наматывают на палку, к [свободному] концу крепко прикрепляют [роговое] кольцо, затем эту палку толщиной в кисть руки вынимают из веревки, так что моток веревки оказывается полым. Кольцо надевают на руку и бросают стрелу навстречу летящей птице, стрела попадает птице в крыло или в шею, веревка обвивается вокруг нее и птица падает. Все жители Барана ловят таким способом много птиц, но только такая ловля очень трудна. Для этого подходят дождливые темные ночи; в такие ночи птицы из-за хищников и диких зверей до рассвета не знают покоя и все время летают, причем летают низко; в темные ночи дорогой для птиц служит текущая вода, ибо в темноте видно, как она течет. От страха птицы до рассвета летают взад

и вперед над водой, то выше, то ниже; в это время и бросают веревку. Я раз ночью бросил такую веревку; веревка разорвалась, а птицы не нашли. К утру птицу на обрывке веревки нашли и принесли. Таким способом люди на Баране ловят много цапель. Султаны на шапки делают из перьев цапли. К числу кабульских товаров, идущих в Ирак и Хорасан, принадлежат такие султаны.

Там существует целый отряд рабов-охотников, их две или три сотни семейств; один из потомков Тимур бека привел этих рабов из окрестностей Мультава. || [Единственное] дело и занятие этих рабов — ловить птиц; они выкапывают пруд, 143а
втыкают в дно много жердей, раскидывают [на жердях] посреди пруда сеть и ловят всевозможных птиц. Не только эти охотники ловят птиц; все люди, живущие на берегах Барана, бросают веревку, раскидывают сети и всякими способами ловят птиц и притом всевозможных.

В это же время года по реке Барану идет рыба. Сетями и плетенками ловят много рыбы. Осенью берут десять или двенадцать вязанок [растения] кулан куйруги и двадцать-тридцать вязанок кук-шибака, приносят к верховьям реки, мелко рубят и бросают в воду; едва их туда бросят, рыба, пошедшая в реку, пьивает, и ее начинают ловить. Ниже в подходящем месте ставят плетенки. Плетенки связывают таким образом: из ивовых прутьев с палец толщиной плетут нечто вроде решетки. Эту решетку ставят в виде воронки в таком месте, где вода течет вниз, и кладут вокруг нее камни, так что вода с шумом падает на решетку и, падая, устремляется дальше. Вода уходит вниз, а рыба остается на решетке; оглушенную рыбу подбирают сверху. Такими решетками ловят много рыбы; на реках Гульбахара, Парвана и Исталифа ловят рыбу таким способом.

По зимам в Ламганате ловят рыбу другим диковинным способом. || В местах, где вода течет сверху, делают в дне 143б
углубления в виде ям и выкладывают эти впадины камнями, словно под очаг; сверху тоже нагромождают камни, оставляя в этом месте для воды один проход снизу. Камни кладут так, что рыба, войдя, не может никуда выйти, кроме этого прохода; над наваленными камнями течет вода и в ямах получается нечто вроде рыбного садка. Зимой всякий раз, как понадобится рыба, открывают одну из этих ям и достают сорок или пятьдесят рыб разом. Вот каким образом открывают ямы: их устраивают в известном, определенном месте и, оставив один вход, со всех сторон обкладывают рисовой соломой; поверх соломы накладывают камни. У входа привязывают нечто вроде

144а

плетенки, концы плетенки соединяют один с другим и связывают. В эту плетенку вкладывают еще одну плетенку, укрепляя ее так, чтобы ее отверстие оказалось напротив отверстия наружной плетенки; длина внутренней плетенки равняется половине длины наружной плетенки; вход у внутренней плетенки делают узкий. Рыба, пройдя через нижнее отверстие внутренней плетенки, попадает в большую плетенку; нижнее отверстие большой плетенки устраивают таким образом, что рыба не может выйти оттуда, а нижнее отверстие внутренней плетенки прилажено так, что рыба, которая вошла в верхнее отверстие, одна за другой проходит во внутреннее отверстие; || концы прутьев внутреннего отверстия заострены. Рыба, прошедшая через это отверстие, попадает внутрь большой плетенки, выходное отверстие которой завязано, так что рыба не может выйти. Если она повернет назад, то не сможет пройти из-за зубцов внутреннего отверстия плетенки. Приладив эту плетенку ко входу, открывают сверху рыбный садок, укрепленный вокруг рисовой соломой, и всю рыбу, что попадает в руки, ловят прямо в яме, а если рыба убежит, то выход для нее один, она попадает в упомянутую плетенку, и ее ловят там. Такого способа рыбной ловли я в других местах не видал.

* * *

Через несколько дней после взятия Кабула Муким попросил позволения уйти в Кандахар. Так как он пришел, заключив условие и договор, то ему было разрешено уйти к отцу и брату целым и невредимым со всеми своими людьми, скарбом и пожитками.

144б

Отпустив Мукима, я разделил область Кабула между мирзами и всеми гостями-бенами. Газни с прилежащими и примыкающими местами был отдан Джехангир мирзе; туманы Нингнахар, Мандравар, Дара-и Нур, Кунар, Нургил и Чаган-Сарай получил Насир мирза; бекам и йигитам, которые были со мной во времена казначества и пришли туда, я дал кому || деревню, кому удел, но по целой области не дал никому. Так бывало не однажды. Всякий раз, как великий бог посылал мне счастье, я смотрел на беков-гостей и на чужих беков и йигитов благосклонней, чем на своих старых слуг и андиджанцев, и давал им больше. И все-таки — удивительное дело! — на меня постоянно клеветают и говорят: «Кроме старых слуг и андиджанцев, он ни к кому не благоволит». Есть пословица: «Чего только враг ни говорит, чего только ни приснится во сне!».

Можно закрыть ворота города,
Но невозможно закрыть рот врагам,

Так как из Самарканда, Хисара и Кундуза пришло в область Кабула множество людей и народа, то мы приняли такое решение: Кабул — незначительная область, подвластная мечу, а не перу, для всего этого народа денег добыть нельзя. Дадим семьям этих людей немного хлеба, а воины пусть идут на добычу. Порешив на этом, мы наложили на Кабул и Газни с зависящими от них областями побор в тридцать тысяч харваров хлеба. Я не знал размера доходов и урожая Кабула, и страна оказалась сильно разоренной от такого большого налога.

В это время я изобрел почерк бабури.

С хазарейцев [из рода] Султан-Мас'уди мы потребовали много коней и баранов, и к ним были посланы сборщики. Через несколько дней от сборщиков пришло известие, что хазарейцы не платят подати || и встали на путь неповиновения: раньше они тоже неоднократно грабили [людей] на дорогах Гардиза и Газни. По этим причинам мы выступили, чтобы пограбить хазарейцев Султан Мас'уди. 145a

Пройдя через Майдан, мы миновали ночью перевал Нирх и ко времени утренней молитвы напали на хазарейцев в окрестностях Чату. Так, как бы нам хотелось, мы их не пограбили. Вернувшись обратно дорогой через Сурах, мы отпустили Джехангир мирзу в Газни. Когда мы воротились в Кабул, сын Дариа хана, Яр Хусейн, пришел из Бхиры, чтобы служить нам.

Через несколько дней я произвел смотр войску и, созвав людей, знающих местные земли и воды, расспросил их об окрестных и соседних местах. Некоторые говорили о походе в Дашт, другие считали подходящим для этого Бангаш, третьи советовали двинуться на Хиндустан. Посоветавшись, приняли решение идти в Хиндустан. В месяце ша'бана, когда солнце было в созвездии Водолея, мы выступили из Кабула, направляясь в Хиндустан.

Дорогой через Бадам-Чашме и Джагдалик с шестью ночевками на пути мы пришли в Адинапур. Я никогда еще не бывал в областях жаркой полосы и пограничных с Хиндустаном местах. Когда мы достигли Нингнахара, перед нашими взорами предстал совсем другой мир: трава — другая, деревья — другие, звери — другие, птицы — другие, нравы и обычаи народа || — другие. Я удивился, и действительно, там есть чему удивляться. 145b

Насир мирза, который раньше прибыл в свою область, явился в Адинапур и остался при мне. Аймаки, пришедшие из холодной области, все откочевали на зимовье и находились в Ламганате. Простояв день или два в тех местах, я присоединил к нашему войску их воинов и оставших от нас бойцов, затем перешел через Джу-и Шахи и остановился ниже, в Куш-и Гумбазе. Насир мирза, доставив кое-какие припасы из своей области для нукеров и слуг, сказал: «Я приду вслед за вами через два-три дня» и, спросив разрешения, отстал. Когда мы вышли из Куш-и Гумбазы и остановились в Гарм-Чашме, ко мне привели одного из начальников племени Гагиани [по имени] Пихи, который пришел туда с караванами. Мы взяли Пихи с собой, чтобы он указывал хорошие места и дороги. В один или два перехода мы миновали Хайбар и достигли Джама, где и остановились. Я слышал хорошие отзывы о Гуре-Катри; там, говорят, находится одно из напич ноггов и индийцев; они приходят из далеких стран и стригут себе волосы и бороду в Гуре-Катри.

146a По прибытии в Джам я поехал прогуляться в Биграма. Я полюбовался там на одно огромное дерево и объехал окрестности Биграма. Проводником у меня был Малик Бу Са'ид Камари. Сколько мы ни спрашивали, где Гуре-Катри, он так и не сказал. Когда мы вернулись в лагерь II, он говорил Ходжа Мухаммед Амину: «Гуре-Катри находится возле Биграма, но я им этого не сказал, так как там есть узкие пещеры и опасные места». Ходжа сейчас же сподличал и передал мне его слова, но уже наступил вечер, а путь был дальний, так что мы не смогли туда поехать.

На этой стоянке мы совещались, переходить ли нам реку Синд и в какую сторону потом направиться. Баки Чаганиани доложил, что следовало бы, не переходя реки, двинуться отсюда с одной остановкой на пути в местность, называемую Кохат, ибо жители ее, говорят, многочисленны, зажиточны и богаты скотом. [Баки Чаганиани] привел нескольких кабульцев, которые говорили то же, что говорил он; я сам никогда раньше не слыхивал об этих местах, но поскольку такой почтенный, пожилой человек, считая за благо направиться в Кохат, привел для подтверждения своего мнения нескольких свидетелей, я отменил переправу через реку и поход в Хиндустан. Выступив из Джама, мы перешли реку Бара и, приблизившись к перевалу Мухаммед-Пих, остановились там.

В это время афганцы Гагиани были в Пуршаваре; боясь моего войска, они потянулись к подножию гор. Один из их

начальников, Хусрау Гагани, пришел на эту стоянку и вступил ко мне в услужение. Его тоже, как и Пихи, || мы взяли с 146б собой, чтобы они указывали нам хорошие места и дорогу...

Большая дорога лежала от нас правее, на расстоянии одноподо-двух курухов; дорога, по которой мы шли, не для всадника. Овчары и пастухи иногда гоняют вниз по этой дороге и через ущелье свои стада и отары || и поэтому ее называют 148a Гусфанд-Лиар — дорога по-афгански будет лиар. Проводником у нас был Малик Бу Са'ид Камари; большинство воинов считали, что мы оказались левее дороги из-за этого Малик Бу Са'ида.

Банну стоит на ровном, гладком месте, сейчас же за горами Бангаша и Нагза, горы Бангаша и Нагза находятся к северу от Банну; река Бангаша выходит в Банну, и Банну орошается водой этой реки. К югу от Банну — Чаупара и река Синда, к востоку — Динкут, к западу — Дашт, который называют также Базар и Так. Из афганских племен эту область возделывают племена Курани, Киви, Сури, Исахайль и Ниязай..

Наутро мы выступили и остановились в одной из деревень Иса-Хайлей, на берегу реки. Иса-Хайли, узнав об этом, потянулись в горы Чаупара. Выступив из деревни Иса-Хайлей, мы остановились у подножия гор Чаупара.. Мы были настолько осторожны, что на правом краю, на левом краю, в середине и спереди всякий, кому было назначено определенное место, стоял на этом месте. Стражники, каждый со своей стороны, вооружившись, стояли на ногах вокруг лагеря, отойдя подальше, на расстояние полета стрелы от палаток. Так они простаивали всю ночь. Каждую ночь всех наших воинов выводили и строили таким образом, трое-четверо из приближенных беков каждый вечер по очереди обходили лагерь с факелами, я тоже один раз сделал обход. Тем, кто не выходил || [на стражу], мы прокалывали нос и водили их напоказ 149a вокруг лагеря. На правом крыле стояли Джахангир мирза, Баки Чаганиани, Ширим Тагай, Сейид Хусейн Акбар и еще несколько беков, на левом крыле — Мирза хан, Абд ар-Раззак мирза, Касим бек и еще несколько беков. В центре из больших беков не было никого, все одни приближенные беки, а впереди стояли Сейид Касим ишик-ага, Баба Оглы, Алла Кули Буран и еще несколько беков. Все войско разделили на шесть отрядов. каждому отряду был черед нести караул одни сутки.

Выступив оттуда, мы пошли на запад и остановились между Даштом и Банну в безводном русле реки. Воины прокопали сай и добыли воды для себя и для скота. Стоило прокопать

этот сая на глубину кари или полутора кари, как появлялась вода. Не только из этого сая вода выходит подобным образом, таково свойство всех рек в Хиндустане: если прокопать дно на кари или полтора кари, непременно пойдет вода. Дивны пути создателя! В Хиндустане, где нет текучей воды нигде, кроме больших рек, вода находится так близко от высохшего русла.

Когда мы находились в одном курухе от Аб-и Истаде, то видели удивительную вещь: между небом и водой то и дело появлялось и снова исчезало что-то ярко-красное, как вечерняя заря. Это продолжалось до тех пор, пока мы не приблизились к реке; подойдя близко, мы поняли, что это дикие гуси: не то десять тысяч, не то двадцать тысяч, очень много диких гусей. Когда множество диких гусей на лету машет крыльями, то их красные перья то виднеются, то скрываются. Там оказались не только эти птицы; на берегах водится бесчисленное, несметное количество всяких других птиц.

1535 На берегу оказалось много птичьих яиц. Двое афганцев, которые пришли на берег // собирать эти яйца, увидев нас, бросились в воду. Несколько человек проплыли за ними с полкуруха и привели их. Они доложили, что вода всю дорогу одинаково мелкая и доходит коням по брюхо. Река там, по-видимому, неглубока, вследствие ровности дна.

Придя к руслу потока, идущего по стене Катта-Ваза и впадающего в Аб-и Истаде, мы стали там лагерем. Это русло сухое и вода обычно никогда там не течет; сколько раз мы проходили мимо, мы никогда не видели в этом русле текущей воды. Но на этот раз, из-за весенних дождей, в русло прибыло столько воды, что мы нигде не могли найти переправы. Хотя русло и не слишком широкое, оно очень глубокое. Коней и верблюдов всех переправили вплавь, а некоторые вещи и пожитки связали веревками и перетащили волоком на ту сторону.

Перейдя это русло, мы миновали Кухна-Нани и плотину Сар-и Дех и пришли в Газни. Джехангир мирза день-два оказывал нам гостеприимство, предлагая угощение и поднося подарки.

В этом году большинство рек поднялось, и через реку Дех-и Якуб нельзя было найти переправы. Я приказал доставить лодки, построенные на озере, и спустить их на реку Дех-и Якуб, напротив Камари; люди переправлялись на лодках.

154a Миновав Сиджавенд на лодках, мы в месяце зу-л-хиджде // прибыли в Кабул. Сейид Юсуф бек несколькими днями раньше умер от желудочных коллик.

Насир мирза, испросив разрешение, остался в Куш-и гум-

базе; он сказал: «Я доставлю кое-что для слуг и нукеров из окрестных областей и приду следом за вами дня через три-четыре...

Сыновьям Айуба — Юсуфу и Бахлуду (на свете нет больше таких злых, сварливых, надменных и гордых людей) я отдал: Юсуфу — Алингар и Бахлуду — Алишанг. || Эти двое тоже намеревались захватить что-нибудь из своих областей и прийти с Насир мирзой. Так как Насир мирза не пришел, то они тоже не явились; всю зиму они были собутыльниками и собеседниками Насир мирзы... 1546

Когда Насир мирза находился на берегах Барана и в тех местах, пришли известия, что бадахшанцы перебили узбеков и, объединившись, восстали против них. Подробности этого дела таковы.

Шейбани хан отдал Кундуз Камбар бию, а сам ушел в Хорезм. Камбар бий, желая склонить к себе жителей Бадахшана, послал в Бадахшан сына Мухаммед Махдуми по имени Махмуд. Мубарак шах, предки которого принадлежали к числу беков бадахшанских шахов, поднял голову, обезглавил Махдуми и еще нескольких узбеков и укрепил крепость Зафар. Раньше она называлась Шаф-Тивар, но он дал этой крепости наименование Зафар. Мухаммед курчи, один из оруженосцев Хусрау шаха, в то время владел в Хамалангане. Он убил в Рустаке с а д р а Шейбани хана и еще нескольких узбеков и укрепил Хамаланган. Зубайр Раги, || предки которого тоже были беками у бадахшанских шахов, взбунтовался в Раге. Джахангир Туркмен, один из нукеров Вали, брата Хусрау шаха, во время этих смут отложился от своего бекка, собрал несколько беглых и отставших воинов и аймаков и потянулся в одно из укреплений. Насир мирза, получив об этом известие, вознамерился овладеть Бадахшаном. Подстрекательный и побуждаемый некоторыми скудоумными и недалекими людьми, он согнал домочадцев и скот всех явившихся с той стороны [Аму-Дарья] пришлых племен и пошел через Шиберту и Аб-Дара. 155a

Когда Хусрау Шах и Ахмед-и Касим, убежав из Аджара, ушли в сторону Хорасана, они повстречали в дороге Бади аз-Заман мирзу и Зу-н-Нун бекка и, направившись вместе с ними в Герат, поступили в услужение к Султан Хусейн мирзе.

Эти люди, которые столько лет враждовали с Мирзой и оказывали ему всякие неучтивости (каких только язв не было из-за них у Мирзы на сердце!), теперь из-за меня отправились к Мирзе в столь жалком и униженном состоянии и эстретились с ним. Если бы я не сделал Хусрау шаха столь слабым, раз-

лучив его со слугами и нукерами, если бы я не отнял Кабула у Мукима, сына Зу-н-Нуна, то их уход и свидание с Мирзой оказались бы невозможны. Ведь Бади'аз-Заман мирза был у них в руках, ¶ [словно] тесто, и не мог отступить от их слов. Султан Хусейн мирза встал для них всех на место благодеяния и, не вспоминая обид, даже сделал им подарки. Хусрау шах через некоторое время попросил разрешения уйти в свои земли, говоря: «Если я пойду, то заберу все эти области», но так как он пришел [в Герат] без оружия и без средств, то от разрешения всячески уклонялись. Когда эти увертки продлились, Хусрау шах повторил просьбу. Так как он очень настаивал, то Мухаммед Бурундун дал ему прямой ответ и сказал: «Когда у тебя было тридцать тысяч нукеров и все те области находились в твоих руках, что ты сделал? И что ты теперь сделаешь в землях, находящихся под властью узбеков, имея всего пятьсот человек?»

Однако, сколько ни убеждали Хусрау шаха и сколько ему ни говорили разумных слов, это не подействовало, ибо пришел его срок. Он стал еще больше настаивать, и, в конце концов, ему дали позволение. Со своими тремя или четырьмя сотнями людей он направился прямо к границам Дехане.

В то время Насир мирза тоже ушел в ту сторону. Придя туда, Хусрау шах встретился с Насир мирзой в окрестностях Дехане. Главари бадахшанцев призывали одного Насир мирзу, Хусрау шаха они не звали; сколько ни старался Насир мирза, Хусрау шах, поняв, как обстоит дело, не соглашается идти в [Хисарские] горы. План Хусрау шаха был таков: взять с собой 156a Насир мирзу в качестве прикрытия, ¶ пойти и занять область [Хисара]. Ладу у них так и не вышло; построив своих людей в окрестностях Ишкамыша и облачившись в нольчуги, они чуть не подрались и, [в конце концов], разошлись.

Насир мирза потянулся к Бадахшану. Хусрау шах, набрав отряд всякой гольтыбы человек с тысячу и хороших и плохих, пришел осаждать Кундуз и стал в одном-двух йнгачах от города Ходжа-Чартака.

Когда Мухаммед Шейбани хан, захватив в Аяиджане Султан Ахмед Танбала, пошел на Хисар, [его противники] без боя и без сражения бросили свои земли и ушли, Шейбани хан пришел в Хисар; в Хисаре стоял Ширим Чухра с отрядом отборных йнгитов. Хотя беки бросили свои земли и ушли, эти люди не сдали крепости Хисара и укрепили ее. Шейбани хан поручил осаду Хисара Хамза султану и Махди султану, а сам пришел в Кундуз, отдал область Кундуза своему младшему

брату Махмуд султану и немедленно, не задерживаясь, направился в Хорезм против Чин Суфи. Он еще не дошел до Самарканды, как его брат, Махмуд султан, умер в Кундузе; Шейбани хан отдал Кундуз Камбар бию из Мерва. Когда пришел Хусрау шах, в Кундузе находился Камбар бий. Камбар бий одного за другим гонял людей к Хамза султану и прочим султанам. ¶ призывая их на помощь. Хамза султан, придя в Сарай, на берегах Аму, поставил во главе войска своих сыновей и беков и послал их в Кундуз. Когда они приблизились, их противники сейчас же вышли навстречу, но не смогли даже начать бой, а тот ничтожный толстяк и убежать не сумел; люди Хамза султана тотчас же сбили его с коня. Племянники Хусрау шаха, Ахмед Касима, Ширим Чухра и еще нескольких отборных молодых убили, а самого Хусрау шаха привели в Кундуз и обезглавили. Его голову послали в Хорезм Шейбани хану.

1565

Как и говорил Хусрау шах, стоило ему только уйти в Кундуз, как повадки находившихся при мне слуг и нукеров совершенно изменились. Большинство их потянулось в Ходжа-Ривадж и в те края. Бывшие при мне люди являлись в большинстве нукерами и слугами Хусрау шаха. Моголы держали себя хорошо и действовали со мною единодушно; когда пришла весть о [гибели] Хусрау шаха, они сразу присмирели, как будто на огонь плеснули водой.

СОБЫТИЯ ГОДА ДЕВЯТЬСОТ ОДИННАДЦАТОГО

В месяце мухарраме с моей матерью Кутлук Нигар ханум приключилась болезнь хасбе. Ей отворили кровь, но [крови] оказалось мало. При ней был один хорасанский врач, его Сейид табибом звали. По хорасанскому обычаю он дал большой арбуза, но так как, видимо, пришел ее срок, то через шесть дней, в субботу, ¶ она преставилась к милости Аллаха.

Улуг бек мирза устроил у подножия горы [Памган] сад, называемый Баг-и Наурузи. С разрешения его наследников мы с Касим Кукельташем в воскресенье привезли [покойницу] в этот сад и предали земле. Во время обряда оплакивания мне сообщили [о смерти] Младшего хана, моего дяди Алача хана, и моей бабки Исан Даулат биким.

1570

Подошли сороковины Ханум [моей родительницы], когда из Хорасана прибыла мать ханов Шах биким [и с нею] жена моего дяди Султан Ахмед мирзы, Михр Нигар ханум, а также Мухаммед Хусейн Гурган Дуглат; оплакивание началось снова,

и огонь разлуки разгорелся без меры. Исполнив обряд оплакивания, мы роздали нищим и беднякам кушанье и пищу и устроили моления и чтения Корана за упокой души отошедших.

Утешив родичей и скинув черные одеяния, мы освободились от этих дел и по настоянию Баки Чаганиани повели войска на Кандахар. Выступив в поход, мы пришли на луговину Куш-Надир. Когда мы остановились там, я схватил горячку. Удивительное это было недомогание! Если меня с величайшими усилиями удавалось разбудить, то мои глаза сейчас же опять смежались сном. Через четыре-пять дней мне, в общем, стало лучше.

1576

В это время произошло такое землетрясение, что большинство крепостных валов и садовых стен обрушилось. В городе и в деревнях рухнуло много домов, под развалинами домов и [садовых] стен осталось множество мертвецов. || В деревне Памган обвалились все дома, семьдесят-восемьдесят зажиточных домохозяев погибло под стенами. Между Памганом и Бектутом кусок земли шириной в полет большого камня оторвался и упал вниз на расстояние полета стрелы. На самом месте провала появились ручьи. От Истергача до Майдана, то есть примерно на расстоянии в шесть-семь йитачей, землю до того варыло, что в некоторых местах она поднялась на высоту роста слона, в других настолько же провалилась вниз; в расщелинах кое-где уместился бы человек. Во время землетрясения над вершинами гор поднялась пыль. Нурулла Тамбурчи играл тогда передо мной на сазе, тут же лежал еще другой саз, [Нурулла] схватил в руки оба саза, он настолько плохо владел собой, что сазы стукались друг об друга.

Джехангир мирза находился в это время в Тепа и сидел на айване верхней постройки одного из зданий, воздвигнутых Мирза Улуг беком. Когда началось землетрясение, он бросился вниз, но не пострадал. Один из приближенных Джехангир мирзы находился в той же пристройке, стена пристройки упала на него, но бог его сохранил, и ему нигде ничего не повредило. Большинство домов в Тепа развеяло в прах.

158a

В тот день земля сотрясалась тридцать три раза; бекам и воинам было приказано заделать и починить бреши и щели в крепостных стенах и башнях; || в двадцать дней или в месяц ценою больших усилий трещины и проломы в крепости были заделаны.

Задуманный ранее поход на Кандахар, вследствие моей болезни и землетрясения, был отложен. Оправившись от болезни

и заделав пробоины в крепости, я утвердился в прежнем намерении.

Выздоровев, я выехал в Чар-Баг. Джахангир мирза пришел мне служить. Сыновья Айуба, Юсуф и Бахлул, с тех пор как ушли к Мирзе, подстрекали его к мятежу и злым делам. В этот раз я увидел, что Джахангир мирза не такой, как прежде. Через несколько дней Мирза выступил из Тена, облачившись в доспехи, и быстро ушел в Газни. Он захватил крепость Нани, убил там несколько человек и ограбил всех жителей. Вместе с бывшими при нем || людьми он прошел через становища хазарейцев в сторону Бамиана. Богу известно, что ни я, ни подвластные мне люди не сделали и не сказали что-нибудь, что могло бы быть основанием для подобного недовольства и вражды. Позже я слышал, что причиной своего ухода Джахангир мирза объявил следующее: когда он пришел в Газни, Касим бек и другие беки вышли ему навстречу. Мирза пустил сокола на перепелку. Сокол настиг ее и уже выпустил когти, но перепелка бросилась на землю. Все закричали: «Взял? Взял?» Касим бек сказал. «Раз он так обессилил добычу, неужели он ее выпустит? Возьмет!» Эти слова показались Мирзе зловещими и якобы стали одной из причин его ухода. Он ссылаясь также на другие слова, еще ничтожнее и слабее этих.

1626

Поступив в Газни таким образом, Мирза потянулся через становища хазарейцев к аймакам. В это время аймаки отделились от Насир мирзы, но не примкнули к узбекам; они находились в Яе, Астерабе и окрестных лотовках.

Между тем, Султан Хусейн мирза, твердо решившись отразить Мухаммед Шейбани хана, велел созвать всех своих сыновей. Ко мне он тоже прислал Сейид Афзала, сына Сейид Султана Али Хаб-бина, призывая меня. Направиться в Хорасан нам было необходимо по нескольким причинам. Во-первых, когда столь великий государь, как Султан Хусейн мирза, сидящий на престоле Тимур бена, || собрав войска, созывает со всех концов и со всех сторон своих сыновей и беков, чтобы двинуться против такого врага, как Шейбани хан, то если другие идут на ногах, мы пойдем на голове, и если другие пойдут с палкой, мы пойдем с камнем. Во-вторых, поскольку Джахангир мирза ушел с таким недовольством и злобой, нужно либо рассеять его недовольство, либо отразить его вред.

163a

В том году Шейбани хан десять месяцев осаждал Чин Суфи в Хорезме и взял город. Во время этой осады происходили большие бои. Хорезмские йигиты сделали много смелых

дел, не совершив ни в чем упушения. Они так хорошо метали стрелы, что не раз простреливали насквозь щит и кольчугу, а иногда даже две кольчуги. Десять месяцев терпели они осаду, ни с какой стороны не было надежды на помощь. Некоторые йигиты, проявив малодушие, вступили с узбеками в переговоры и ввели их в крепость. Чин Суфи, прослышав об этом, пришел туда сам. Когда он бил и сбивал с коня вошедших в крепость узбеков, его собственный телохранитель, наставив свистящую стрелу, поразил его этой стрелой сзади и он умер. Никого не осталось, чтобы сражаться, крепость взяли. Да помилует Аллах Чин Суфи! Храбро и сражаясь, он не оставил ни одной мелочи без внимания.

Шейбани хан отдал Хорезм Калак бию, а сам пошел в Самарканд.

В конце этого года в месяце зу-л-хиджде Султан Хусейн мирза повел войско против Шейбани хана, но, достигнув Баба-Илахи, отправился к божией милости.

ЕГО РОЖДЕНИЕ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Он родился в восемьсот сорок втором году в Герате, во времена Шахрух-мирзы. Султан Хусейн мирза — сын Мансура, сына Байкара, сына Омар Шейха, сына эмира Тимура; Мансур мирза и Байкара мирза не были государями. Матерью [Султан Хусейн мирзы] была Фируза биким, внучка Тимур бека. Султан Хусейн мирза был также внуком Миран Шах мирзы, это был благородный государь, родовитый по отцу и по матери. Их было два единокровных сына и две дочери: Байкара мирза, Султан Хусейн мирза, Ака биким и еще одна дочь, Бадне биким, которую взял за себя Ахмед хан. Байкара мирза был старше Султан Хусейн мирзы и был его нукером, но не присутствовал в диване; вне дивана они сидели на одной подушке. Младший брат дал Байкара мирзе область Балха, несколько лет он был правителем в Балхе. У него было три сына: Султан Мухаммед мирза, Султан Ваис мирза и Султан Искандер мирза.

164a Ака биким и была старшая сестра Султан Хусейн мирзы. Внук Миран Шах мирзы, Султан Ахмед мирза, взял ее в жены, у нее был один сын, по имени Кичик мирза. Сначала он служил своему дяде, потом оставил военное дело и занялся чтением книг; говорят, что он был ученый. Дар к стихотворству у него тоже был; ему принадлежит такое рубаи:

Всю жизнь я набожностью хвалился,
Считал себя среди благочестивых мужей,
Когда воспылилась любовь, отошла набожность и
благочестивость.

Получилось совпадение с рубай Муллы Джами. В конце жизни он совершил паломничество и обход вокруг Кабы.

Бадке биким тоже была старше Мирзы. В дни казачества он отдал ее за Ахмед хана, хана Хаджи-тарханского. У него было два сына. Придя в Герат, они долгое время служили Мирзе.

НАРУЖНОСТЬ И ВНЕШНИЕ КАЧЕСТВА

Он был человек с раскосыми глазами, коренастый, сложенный, как лев, ниже пояса он был тонкий. Хотя он прожил долгие годы и стал седобородым, но все же одевался в одежды красного и зеленого шелка и носил черную мерлушковую шапку или колпак. Иногда, в праздник, он ходил на молитву в маленьком плоском тюрбане, дурно намотанном на три оборота с воткнутым в него пером цапли.

СВОЙСТВА И ПОВАДКИ

Впервые заняв престол, он сначала имел мысль поминать в хутбе двенадцать имамов; || Алишер бек и еще кое-кто его 1646 удерживали. Однако позднее все его действия и поступки соответствовали установлениям сунны и общины.

Вследствие болезни суставов [Султан Хусейн] не мог совершать молитвы, поста он также не держал. Это был говорун и весельчак, нрав у него был немного несдержанный и речи его — такие же, как нрав. В некоторых своих поступках он очень тщательно соблюдал закон. Как-то раз его сын убил человека, и он отдал его кровным родичам убитого и послал в судилище.

В первые шесть-семь лет после занятия престола он воздерживался от вина, потом стал пить. За те сорок почти лет, что он был государем в Хорасане, не было дня, чтобы он не пил после полуденной молитвы, но утром он никогда не пил. Его сыновья и все воины и горожане вели себя так же: не умеренно предавались увеселениям и разврату.

Он был смелый и мужественный человек и не раз сам рубил саблей; даже в каждом бою он неоднократно пускал в ход саблю. Среди потомков Тимур бека не знала никого, кто

165a бы так рубил клинком, как Султан Хусейн мирза. Дар и стихотворству у него тоже был, он даже составил диван. Он сочинял стихи по-туркски, его тахаллус был Хусейни. Некоторые его стихи не плохи, но только диван Мирзы весь составлен в одном размере. Хотя и по летам и по могуществу это был великий государь, но он, словно мальчик. || водил боевых баранов, гонял голубей и даже стравливал петухов.

ЕГО БИТВЫ И СРАЖЕНИЯ

В дни казачества он однажды переправился вплавь через разлившуюся реку и здорово разбил отряд узбеков. В другой раз Султан Абу Са'ид мирза послал вперед три тысячи человек под начальством Мухаммед Али Бахши. Султан Хусейн мирза, придя с шестьюдесятью йигитами, наткнулся на них и наголову разбил их. Это дело одно из славных и выдающихся дел Султан Хусейн мирзы.

В другой раз, под Астрабадом, он сразился с Султан Махмуд мирзой и победил; еще один раз, тоже под Астрабадом, он вступил в бой с Са'ид ибн Хусейн Садлу Туркменом и победил. После вступления на престол он сразился под Чинараном с Ядгар Мухаммед мирзой и победил. В другой раз он быстрым ходом пришел [в Герат] от моста на Мургабе. Ядгар Мухаммед мирза лежал в Баг-и Загане и пил. Султан Хусейн мирза взял его в плен. После этого завоевания он удержал Хорасан.

В окрестностях Шапургана и Андхуда, под Чакманом, он сразился с Султан Махмуд мирзой и вышел победителем.

165b В другой раз, когда Абу Бенр мирза, соединившись с пришедшими из Ирака туркменами племени Кара-Нуйлук, разбил Улуг бек мирзу у Такане и Химара и взял Кабул, а потом, позарившись на Ирак, бросил Кабул, перешел через Хайбар, Хуш-Аб и окрестности Мультана в Сиви, а оттуда двинулся на Карнан и взял его, но не мог там удержаться || и направился в область Хорасана. Султан Хусейн мирза, придя быстрым ходом, взял его в плен.

В другой раз, у Пул-и Чирага, он разбил одного из своих сыновей, Бади аз-Заман мирзу; под Халва-Чашме он победил двух своих сыновей Абу-л-Мухсин мирзу и Капак мирзу.

Однажды он повел войско на Кундуз, осадил его, но не мог взять и вернулся; в другой раз он осадил Хисар, но тоже не мог взять эту крепость и возвратился обратно.

Еще один раз Султан Хусейн мирза пошел на владения

Зу-н-Нуна; даруга Буста отдал ему Буст, но больше Султан Хусейн мирза ничего не сделал. Буст он тоже оставил и возвратился обратно. Столь великий и смелый государь, как Султан Хусейн мирза, в эти два-три похода не проявил решимости, подобающей царю, и вернулся, ничего не доведя до конца.

В другой раз, при Уланг-Нишине, он вступил в бой со своим сыном мирзой Бади' аз-Заманом, который пришел вместе с Шах беком, сыном Зу-н-Нуна, и разбил его. При этом случилось удивительное стечение обстоятельств. У Султан Хусейн мирзы было мало войска: большую часть своих сил он послал в окрестности Астрабада. В день этого сражения войска, ушедшие под Астрабад, вернулись и соединились с Султан Хусейн мирзой. С другой стороны, Султан Мас'уд мирза, который, отдав Байсункар мирзе Астрабад, направлялся к Султан Хусейн мирзе, тоже пришел в этот самый день. Хайдар мирза, который спешно выступил в Себзар, навстречу Бади' аз-Заман мирзе, также явился как раз в тот день.

ВЛАДЕНИЯ СУЛТАН ХУСЕЙН МИРЗЫ

Областью, которою он владел, был Хорасан. На востоке от его земель лежат Балх, Газни, Бистам и Дамган, на севере — Хорезм, на юге — Кандахар и Систан. Когда в его руках оказался такой город, как Герат, Султан Хусейн днем и ночью только и делал, что наслаждался и веселился; больше того, среди его слуг и приспешников не было человека, который бы не наслаждался и не веселился. Султан Хусейн не нес тягот и бремени миродержавия и полководчества; поэтому с течением времени его дружины и владения стали незначительны и не увеличивались.

166a

ДЕТИ СУЛТАН ХУСЕЙН МИРЗЫ

Он оставил четырнадцать сыновей и одиннадцать дочерей. Из всех его сыновей старшим был Бади' аз-Заман мирза; его матерью была дочь Санджар мирзы из Мерва. Другой сын был Шах Гариб мирза, он был горбун. Хотя он был дурно сложен, но способности его были хороши, хотя тело его было бессильно, но речи его были приятны. [Шах Гариб мирза] взял себе тахаллус Гариби и даже составил диван. Он сочинял стихи по-персидски и по-тюркски. Вот один его стих:

Проходя, я увидел девушку с лицом пери и стал от нее
безумным. :
Как ее имя — не знаю, и где ее дом,

Султан Хусейн мирза несколько раз поручал управление Гератом Шах Гариб мирзе. Он умер при жизни своего отца. После него не осталось ни сына, ни дочери.

Еще был Музаффар мирза. Это был любимый сын Султан Хусейн мирзы, хотя его качества и поступки не могли вызвать любви. Сыновья Султан Хусейн мирзы, из-за того что он ставил [Музаффара] много выше других, в большинстве восстали против него. Матерью этих двоих была Хадича биким, наложница Султан Абу Са'ид мирзы. || От Мирзы у нее была еще дочь по имени Ак биким.

Еще у Султан Хусейна были сыновья Абу-л-Мухсин мирза и Капак мирза, имя которого было Мухаммед Мухсин. Матерью обоих была Латифа Султан Агача.

Другой его сын был Абу Тураб мирза; сначала о нем рассказывали очень хорошие вещи. Когда нездоровье его отца усилилось, Абу Тураб мирза, услышав разные тревожные рассказы, бежал со своим младшим братом Мухаммед Мухсин мирзой в Ирак. В Ираке он оставил военное дело и избрал для себя дервишество. Больше сведений о нем не дошло. У него был один сын по имени Сухраб мирза. Когда я разбил султанов под начальством Хамза султана и Махди султана и взял Хисар, он находился при мне. Один глаз у него был слепой. Он был удивительно дурен собой, и качества его были таковы же, как облик. Он совершил некое безобразие и проявил неуравновешенность, так что не мог оставаться у меня и ушел. В окрестностях Астрабада Наджм и Сани убили его после пытки за его безобразия.

Еще был Мухаммед Мухсин мирза. В Иране его и шаха Исмаила однажды заточили в одном и том же месте, тогда же он стал муридом шаха Исмаила, потом сделался грубым рафидитом. Хотя его отец и старшие братья все были сунниты, он так и умер рафидитом в Астрабаде, пребывая в заблуждении и в ложной вере. Его называли смельчаном и богатырем, но он не совершил ни одного дела, о котором стоило бы написать. У него была способность к стихотворству. Вот один его стих.

За какой добычей гонялся ты, что так покрыт пылью?
Из-за кого твое горячее сердце вогнало тебя в испарину?

Еще был Феридун || Хусейн мирза. Он с силой натягивал 167а
лук и хорошо пускал стрелы. Чтобы натянуть его лук, требо-
валась, говорят, [сила] в сорок батманов. Сам он был очень
смел, но не был счастлив в бою; всюду, где ни сражался, тер-
пел поражение. Под Рабат-и Дударом Феридун Хусейн мирза
и его младший брат Ибн Хусейн мирза вступили в бой с Тимур
султаном, Убайд султаном и передовыми отрядами Шейбани
хана и были разбиты; при этом Феридун Хусейн мирза держал
себя очень хорошо. В Дамгане Феридун Хусейн мирза и Му-
хаммед Заман мирза попали в плен к Шейбани хану; тот от-
пустил обоих и не убил их. Потом, когда Шах Мухаммед Ди-
вана укрепился в Калате, Феридун Хусейн мирза ходил туда.
При взятии узбеками Калата он попал в плен и его убили.

Эти три царевича родились от узбечки, наложницы Мирзы,
по имени Мингли Бий Агаче.

Еще был Хайдар мирза; матерью его была Пайанде Султан
биким, дочь Султан Абу Са'ид мирзы. При жизни своего отца
Хайдар мирза некоторое время правил в Мешхеде и Балхе.
Когда Султан Хусейн мирза осаждал Хисар, он взял для Хай-
дар мирзы в жены дочь Султан Махмуд мирзы от Ханзаде би-
ким, заключил мир и ушел из-под Хисара. После Хайдар мир-
зы осталась всего одна дочь по имени Шад биким; позднее она
прибыла в Кабул и ее выдали за Адил султана. Хайдар мирза
ушел из мира еще при жизни своего отца. ||

Еще был Мухаммед Ма'сум мирза. Отец отдал ему Нанда- 167б
хар. В связи с этим он сосватал для сына одну из дочерей
Улуг бек мирзы. Когда ее привезли в Герат, то устроили
большой пир и воздвигли великолепный чартак.

Хотя отец отдал Мухаммед Ма'сум мирзе Кандахар, но и
хорошее, и плохое там творил Шах бек Аргун; Мирза не имел
ни власти, ни значения. Поэтому он не остался в Кандахаре и
ушел в Хорасан. Еще при жизни своего отца он умер.

Еще был Фаррух Хусейн мирза. Он ушел из мира раньше
своего младшего брата Ибрахим Хусейн мирзы.

Еще был Ибрахим Хусейн мирза. Способности у него были
неплохие; неумеренно упиваясь гератским вином, он умер еще
при жизни своего отца.

Еще были Ибн Хусейн мирза и Мухаммед Касим мирза;
упоминание о них должно в дальнейшем последовать. Матерью
этих пяти царевичей была Папа Агаче, наложница.

Старшей дочерью Султан Хусейн мирзы была Султанним
биким; она родилась у матери одна. Ее мать, по имени Чули
биким, была дочерью одного из Адакских беков. Султанним би-

168a

ним очень хорошо говорила, затруднений в словах у нее не было. Ее брат выдал ее замуж за среднего сына Байкара мирзы, Султан Ваис мирзу; у них была одна дочь и один сын. Дочь выдали за Исан Кули султана, младшего брата Илбарс султана, одного из султанов рода Шейбани; их сын — это Мухаммед Султан мирза, которому я теперь отдал область Кандаудж. Тогда же Султаным биким забрала своего внука и направилась из Кабула || в Хиндустан; в Нил-Абе над ней исполнился божий приговор. Люди ее взяли останки умершей и воротились обратно; ее внук тоже прибыл ко мне.

От Пайанде Султан биким у Султан Хусейн мирзы было четыре дочери. Первая была Ак биким; он выдал ее замуж за Мухаммед Насима Арлата, внука Бике биким, младшей сестры Бабур мирзы; у них была одна единственная дочь по имени Кара Куз биким. Ее взял Насир мирза.

Вторая дочь была Кичик биким. Мас'уд мирза питал к ней большую склонность, но, как он ее ни домогался, Пайанда Султан биким, которая косо смотрела на это, не отдала за него дочери. Позднее Кичик биким выдали за Мулла Ходжу, потомна Сейид Ата. Третью дочь, Бики биким, и четвертую дочь, Ага биким, Султан Хусейн мирза выдал за Бабур мирзу и Султан Мурад мирзу — сыновей своей младшей сестры Рабиа Султан биким.

От Мингли Бий Агаче у Султан Хусейн мирзы было две дочери. Старшую звали Байрам Султан; ее выдали замуж за Сейид Абдаллах мирзу из рода андхудских сейидов, внука по матери Байкара мирзы. У нее был один сын по имени Сейид Барака. Когда я взял Самарканд, он служил мне; потом он попал в Ургенч и предъявил притязания на власть. Его убили кизилбаши в Астрабаде.

Еще одну дочь звали Фатима Султан; ее отдали Ядгар мирзе из рода Тимур бена.

От Папа Агаче [у Султан Хусейн мирзы] было три дочери. Старшей из всех была Султан Нижад биним; Султан Хусейн мирза выдал ее за Искандер мирзу, младшего сына своего старшего брата.

168b

Вторая дочь была Биким Султан. После того как у Султан Мас'уд мирзы пострадали глаза, || Биким Султан отдали за него. У них родились сын и дочь. Девочку воспитывала жена Султан Хусейн мирзы, Апак биким. Она прибыла из Герата в Кабул; ее отдали за Сейид мирзу Апака. Биким Султан, когда узбеки убили Султан Мас'уд мирзу, взяла своего сына и направилась к Ка'бе. Теперь пришло известие, будто она сама

и ее сын находятся в Мекке. Сын у нее, должно быть, уже довольно большой.

Третью дочь отдали замуж за одного из андхудских сейидов, которого называли Сейид Мирза. Он более известен именно под прозвищем «Сейид Мирза».

Была у него еще одна дочь, от наложницы, по имени Айша Султан. Ее матерью была Зубейда Ага, внучка Хасан Шейх Тимура. Айша Султан отдали за Касим Султана — одного из султанов-шейбанидов. От него у нее был один сын по имени Касим Хусейн султан. В Хиндустане он явился ко мне на службу и участвовал в войне с Рана Санкой, я отдал ему Бадаун. После смерти Касим султана Айша Султан взял Буран султан, один из его родичей. От Буран султана у нее есть сын по имени Абд Аллах султан. Сейчас он находится при мне и, несмотря на молодость лет, служит неплохо.

ЖЕНЫ И НАЛОЖНИЦЫ СУЛТАН ХУСЕЙН МИРЗЫ

Первой его женой была Бине Султан биким; она была дочерью Санджар мирзы из Мерва. Бади' аз-Заман мирза родился от нее. Она была очень сварливая; ее строптивость надоела Мирзе и он, в конце концов, ее оставил и избавился от нее. Что || поделаешь! Право было на стороне Мирзы.

169a

*Если дурная жена в доме хорошего мужа,
даже и в этом мире есть для него ад.*

Да не пошлет бог никому из мусульман подобного бедствия, да не оставит господь на земле жены с дурным нравом и сварливой!

Еще была Чули биким; она была дочерью адакских беков. От нее родилась Султанним биким.

Еще была Шахр Бану биким, дочь Султан Абу Са'ид мирзы. Султан Хусейн мирза взял ее после того как овладел престолом. В битве при Чакмане, когда все жены мирзы вышли из носилок и сели на коней, Шахр Бану биким, полагаясь на своего младшего брата, не вышла из носилок и не села на коня. Об этом сообщили Мирзе; Мирза по этой причине оставил Шахр Бану биким и взял ее младшую сестру Пайанда Султан биким. Когда узбеки захватили Хорасан, Пайанда Султан биким ушла в Ирак и умерла в Ираке, на чужбине.

Еще была Хадича биким, наложница Султан Абу Са'ид мирзы. От мирзы у нее была дочь по имени Ак биким. После

поражения Султан Абу Са'ид мирзы в Ираке она прибыла в Герат, в Герате ее взял Султан Хусейн и полюбил. Со степени наложницы она возвысилась до степени госпожи, а позднее стала весьма могущественной. Мухаммед Му'мин мирзу убили по ее настоянию. Когда сыновья Султан Хусейн мирзы восстали, это произошло главным образом из-за нее. Она считала себя умной, но была неразумная и болтливая женщина. Кроме того, она была рафидиткой. [Шах] Гариб мирза и Музаффар

1696 Хусейн мирза || родились от нее.

Еще была Апак биким; от нее не было ни сына, ни дочери; Папа Агаче, которая стала такой любимицей [Мирзы], приходилась ей молочной сестрой; так как у Апак биким не было ни сына, ни дочери, то она воспитывала сыновей Папа Агаче, словно своих собственных детей. Во время болезней Мирзы она очень хорошо ему прислуживала; никто из жен не мог так ему служить. В тот год, когда я прибыл в Хиндустан, Апак биким явилась туда из Герата. Я оказал ей елико возможный почет и уважение. Во время осады Чандири пришло известие, что над ней в Кабуле исполнился божий приговор.

Из наложниц одна была Латифа Султан Агаче. Она из рода Чарпамбе, от нее родились Абу-л-Мухсин мирза и Капак мирза. Еще была Мингли Бий Агаче; она была узбечка из прислужниц Шахр Бану биким и приходилась матерью Абу Тураб мирзе, Мухаммед Хусейн мирзе и Феридун Хусейн мирзе. Кроме них у нее было еще две дочери.

Еще была Папа Агаче, молочная сестра Апак биким. Мирза увидел ее, полюбил и взял. Она была матерью пяти сыновей и четырех дочерей, как уже упомянуто.

Еще была Биким Султан Агаче, от нее не было ни сына, ни дочери.

Кроме них, [у Мирзы] было еще много наложниц, хороших и плохих. Уважением из жен и наложниц пользовались те, которые нами упомянуты.

170a Удивительно, что у столь великого государя, как Султан Хусейн мирза, царствовавшего в таком городе ислама, как Герат, из всех его четырнадцати сыновей только трое не были детьми прелюбодеяния. Он сам, || его сыновья и жители города были очень склонны к распутству и из-за этой скверны и вышло так, что от столь великой семьи через семь-восемь лет не осталось, кроме Мухаммед Заман мирзы, ни следа, ни признака.

Один его змир был Мухаммед Бурундук Барлас из рода Чаку Барласов, [то есть] Мухаммед Бурундук ибн Али ибн Бурундук ибн Джехан Шах ибн Чаку Барлас. Он был беком при Бабур мирзе, позднее Султан Абу Са'ид мирза тоже оказывал ему почет: он отдал ему и Джехангир Барласу Кабул и назначил его дядькой Улуг бек мирзы. После Султан Абу Са'ид мирзы Улуг бек мирза встал на путь злоумышления против Барласов; те догадались об этом, схватили Мирзу, согнали его людей с места и выступили в Кундуз. С гор Хиндукуша они вежливо отправили Мирзу обратно в Кабул, а сами пошли в Хорасан, к Султан Хусейн мирзе. Мирза, со своей стороны, оказал им большую благосклонность.

Мухаммед Бурундук был человек очень знающий и великий начальник. Он очень любил соколов, так что, если какой-нибудь сокол подышал или пропадал, Мухаммед Бурундук Барлас поминал имена своих сыновей и говорил: «Отчего такой-то не умер или отчего такой-то не сломал себе шею раньше, чем околел или пропал этот сокол».

Еще был Музаффар Барлас. В дни казначества Мирзы он находился при нем. Не знаю, какие его повадки понравились Мирзе, но он оказывал ему большой почет. Значение его достигло такой степени, что Султан Хусейн мирза во времена казначества заключил с ним следующее условие: во всякой завоеванной области, которая будет покорена, четыре шестых земли достанется Мирзе, || а две шестых — Музаффар Барласу. Это удивительное условие! Когда бывало, чтобы приближенного делали соучастником в царской власти? Даже с братом и сыном такое условие невозможно, как же будет оно возможно с беком? После захвата престола Султан Хусейн мирза раскисивался, что заключил такое условие, но пользы не было. Этот скудоумный человечешко [Музаффар Барлас], пользуясь все таким же почетом, задира перед Мирзой нос и ни в чем не действовал согласно с мнением Мирзы. В конце концов он, говорят, был отравлен, но Аллах лучше знает истину.

1706

Еще был Алишер бек Навои; [впрочем], беком он у Султана не был, но был его товарищем. В детстве они учились в одной школе, между ними была большая близость. Не знаю, за какую провинность Султан Абу Са'ид мирза удалил Алишера бека из Герата. Он отправился в Самарканд. В те несколько лет, которые он провел в Самарканде, Ахмед Хаджи бек оказывал ему поличение и поддержку.

Алишер бек известен щекотливостью нрава. Говорили, что его щекотливость происходила от обольщения властью, но это не так. Подобное качество было у него природным. Когда он был в Самарканде, то тоже отличался такой щекотливостью нрава.

171a Алишер бек был человек бесподобный. С тех пор как на тюркском языке слагают стихи, никто другой не слагал их так много и так хорошо. Он сложил шесть книг месневи: пять — в ответ на «Пятерицу» [Шейха Низами] и еще одну — в ответ «Языку птиц», тоже под названием Язык птиц. Он [также] составил четыре дивана газалей под названиями: Диковины детства, Редкости юного возраста, Чудеса средней поры жизни и Полезные поучения старости. Хорошие рубаи у него тоже есть, есть и еще некоторые сочинения, но они ниже и слабее упомянутых. || К числу их принадлежат его письма: следуя примеру Маулана Абд ар-Рахман Джами, он собрал их и получил сборник писем, которые он писал кому-нибудь по какому-либо поводу.

Еще он написал книгу о стихосложении под названием «Весы стихотворных размеров», заслуживающую многих замечаний: [определяя] размер двадцати четырех рубаи, он сделал ошибку в четырех размерах: в некоторых других метрах он тоже ошибся. Человеку, внимательному к стихосложению, это станет известно.

Персидский диван он тоже составил; в персидских стихах он употреблял тахаллус Фани. Некоторые стихи там недурны, но в большинстве они слабы и стоят низко. В музыке он сочинял хорошие вещи, у него есть прекрасные накинши и пишравы.

Неизвестно, существовал ли когда-нибудь другой такой поборник и покровитель людей науки и искусства, как Алишер бек. Устад Кул Мухаммед, Шейх Найи и Хусейн Уди, великие мастера в игре на инструментах, снискали столь большую славу и успех благодаря помощи и поддержке Бека. Устад Вехзад и Шах Музаффар тоже стали столь славны и известны вследствие забот и стараний Бека. Мало кому удалось построить столь полезных зданий, сколько построил он.

171b Без сына, без дочери, без жены и без семьи прошел он прекрасно [свой путь] в мире, одиноко и налегке. Сначала он был хранителем печати, в середине жизни стал беком и некоторое время правил в Астрабаде, а в конце своих дней оставил военное дело. От Мирзы он ничего не брал, и наоборот, каждый год подносил Мирзе в подарок большие деньги. || Когда Султан Хусейн мирза возвращался из похода на Астрабад,

Алишер бек выехал ему навстречу. Поздоровавшись с Мирзой, он хотел подняться [с колен], но с ним что-то случилось и он не мог встать; его подняли и унесли. Врачи никак не могли распознать [его болезнь]. На следующее же утро он преставился к милости Аллаха.

Один его стих соответствует такому положению:

Я умираю от недуга, но так как болезнь не явна,
Чем могут помочь лекари в этой беде?

Еще был Ахмед Таваккул Барлас. Раньше он довольно долго правил в Кандахаре.

Еще был Вали бек, один из потомков Ходжи Санф ад-дин бека. Он был у Мирзы великим беком. После того, как Султан Хусейн мирза занял престол, Вали бек недолго пользовался жизнью и вскоре умер. Это был хороший мусульманин, исправно совершавший молитвы, простой и правдивый человек.

Еще был Хасан Шейх Тимур; Бабур мирза, оказывая ему почет, возвысил его до степени бека.

Еще был Нойон бек. Отец его — один из термезских сейдов. По матери он приходится родичем Султан Абу Са'ид мирзе и Султан Хусейн мирзе. Султан Абу Са'ид мирза оказывал ему почет, при Султан Ахмед мирзе он также был уважаемым беком. К Султан Хусейн мирзе он тоже пошел и встретил большую благосклонность. Гуляка, весельчак, пьяница и кутила был. Хасан Якуба, так как он был у него в услужении, называли также Хасан-и Нойон.

Еще был Джехангир Барлас. Он некоторое время правил в Кабуле, вместе с Мухаммед Бурундуком, || потом ушел к Султан Хусейн мирзе. Тот оказал ему большой почет. Его повадки и обращение были утонченны и мягки, приятный был человек. Так как он хорошо знал свойства и привычки охотничьих птиц, то Султан Хусейн мирза большей частью поручал такие дела именно ему. Он был постоянным собеседником Бад'аз-Заман мирзы. Мирза, вспоминая общение с ним, хвалил его. 172a

Еще был Мирза Ахмед Али Фариси Барлас. Хотя он и не сочинял стихов, но был человек даровитый, знаток поэзии, остроумный, и вместе с тем простой.

Еще был Абд ал-Халик бек. Фируз шах бек, один из уважаемых беков Шахрух мирзы — его дед, и поэтому Абд ал-Халика называли Абд ал-Халик-и Фируз шах. Некоторое время он правил в Хорезме.

Еще был Ибрахим Дулдай. Он хорошо знал боевое дело

и способы управления государством, это был второй Мухаммед Бурундук.

1726 Еще был Зу-н-Нун Аргун. Смелый был человек. Находясь при Султан Абу Са'ид мирзе в числе прочих вельмож, он хорошо сражался мечом; позднее его руки тоже всегда доходили до боевого дела. Относительно его смелости спора нет, но это был человек несколько взбалмошный. Он ушел от наших мирз к Султан Хусейн мирзе, и тот отдал ему Гур и [область] Никудари. С отрядом в семьдесят или восемьдесят человек он в тех краях хорошо владел клинком и, имея очень мало людей, здорово разбил очень много хазарейцев и никударийцев. Ни один человек не держал хазарейцев и никударийцев в таком подчинении.

Через некоторое время ему отдали также и Заминдавар. Сын Зу-н-Нуна, Шах Шуджа Аргун, с малолетства всюду ходил с отцом и рубил саблей. Султан Хусейн мирза, уважая желание его отца, поручил ему управлять Кандахаром совместно с отцом. Потом эти отец и сын посеяли вражду между тем отцом и сыном и учиняли [всяческие] смуты.

В конце концов, когда я захватил Хусрау шаха, разлучил его с его слугами и нукерами и отнял Кабул у Мукима, младшего сына Зу-н-Нуна, Зу-н-Нун и Хусрау шах, став из-за меня беспомощными, пошли и свиделись с Султан Хусейн мирзой. После смерти Султан Хусейн мирзы Зу-н-Нун Аргун еще больше возвысился; ему отдали предгорные области под Гератом, например, Обе и Чахчаран. Когда Бади аз-Заман мирза стал государем совместно с Музаффар [Хусейн] мирзой, Зу-н-Нун сделался полновластным вельможей при дворе Бади аз-Заман мирзы; при дворе Музаффар мирзы полной властью пользовался Мухаммед Бурундук Барлас.

Хотя Зу-н-Нун Аргун и был смел, но это был человек взбалмошный и глупый; не будь он глупым и взбалмошным, разве поддался бы он на грубую лесть, опозоривши самого себя? Изъяснение этих слов таково: когда Зу-н-Нун Аргун, находясь в Герате, пользовался столь великим уважением и властью, несколько шейхов и мулл пришли к нему и сказали: «С нами имеет общение Кутб. Ты получил прозвание «Льва Аллаха». Тебе предстоит взять в плен узбека».

173a [Зу-н-Нун] поверил этой лести, повязал вокруг шеи полотенце и возблагодарил Аллаха. Когда Шейбани хан в окрестностях Бадгиса, пошел на мирз и, не дав им соединиться, разбил их, Зу-н-Нун, считая слова шейхов за правду, встал в Кара-Рабата против Шейбани хана с сотней или полутора сот-

нями людей. [Шейбани хан] с большим войском подошел и тотчас же потеснил их. Зу-н-Нуна захватили и убили.

Зу-н-Нун был человек чистой веры, никогда не пропускал молитв и часто совершал добавочные молитвы. Он очень увлекался шахматами; если люди играют одной рукой, то Зу-н-Нун играл [можно сказать] двумя руками. Он играл сколько душе угодно. В естестве его преобладали скупость и скардность.

Еще был Дервиш Али бек, родной брат Алишер бека. Некоторое время он управлял Балхом и в Балхе проявил себя хорошим беком. Но это был скудоумный, ни к чему не способный человек. Когда Султан Хусейн мирза в первый раз ходил на Кундуз и Хисар, Дервиш Али из-за его скудоумия взяли и отставили от должности правителя Балха. В девятьсот шестнадцатом году, когда я пришел в Кундуз, Дервиш Али явился ко мне, это был шут и глупец, далекий от качеств бека, лишенный достоинств царедворца. Видимо, только благодаря влиянию Алишер бека он пользовался таким почетом.

Еще был Могол бен. Некоторое время он управлял Гератом, потом ему отдали Астрабад. Из Астрабада он убежал в Ирак, к Якуб беку. Это был человек простого нрава. Он постоянно играл в кости.

Еще был Сейид Бадр. Это был страшно сильный человек, но движения его были очень изящны, он удивительно чувствовал ритм, замечательно хорошо плясал и исполнял какой-то необыкновенный танец. По-видимому, он сам его выдумал. [Сейид Бадр] постоянно находился при Мирзе и неизменно был ему собутыльником и собеседником. 1736

Еще был Ислим Барлас. Это был простой человек, он хорошо знал дело сокольника. Некоторые вещи он делал хорошо; выпуская стрелу из самострела с силой в тридцать-сорок батманов, он насквозь пробивал доску. На стрельбище он скакал с одного конца стрельбища до другого, снимал лук, целился на всем скаку, стрелял и попадал в цель. Еще он привязывал кольцо к веревке длиной в кари или полтора кари, а другой конец веревки прикреплял к дереву, [и сильно закручивал веревку]. Пока веревка раскручивалась, он пускал стрелу, и стрела пролетала через кольцо. Таких диковинных вещей он делал немало.

Ислим Барлас постоянно находился при Мирзе и присутствовал на всех попойках.

Еще был при Мирзе Султан Джунейд Барлас, потом он ушел к Султан Ахмед мирзе. Это отец того Султана Джунейда

Барласа, которому теперь частично принадлежит власть в Джаунпуре.

Еще был Абу Са'ид хан Дармиан. Не знаю, оттого ли, что он подвел Мирзе коня среди боя или оттого, что отогнал врага, покушавшегося на Мирзу, он получил такое прозвище.

174a Еще был Бехбуд бек. Сначала он служил в отряде телохранителей. В дни казачества || его услуги понравились Мирзе, и Мирза оказал Бехбуд беку такую милость: на тамге и на монетах стояло его имя.

Еще был Шейхим бек. Так как он употреблял тахаллус Сухейли, то его называли Шейхим Сухейли. Он сочинял стихи особого рода, в которые включал устрашающие слова и мысли. Вот один из его стихов:

В ночь печалей смерч моих вздохов сдвигает с места небесный
Дракон потоки моих слез уносит обитаемую четверть земли.
свод.*

Хорошо известно, что он однажды прочитал этот стих в присутствии Маулана Абд ар-Рахмана Джами. Маулана спросил его: «Мирза, вы что делаете — читаете стихи или пугаете людей?»

Шейхим Сухейли составил диван, месневи у него тоже есть.

Еще был Мухаммед Вали бек, он был сыном того Вали бека, о котором упоминалось раньше; и в конце жизни Мирзы стал при Мирзе великим беком. Хотя он был великим беком, но никогда не оставлял служения Мирзе; днем и ночью он подпирал дворцовые двери, так что даже его раздачи и угощения производились у этих дверей. Столь прилежный к службе человек конечно должен был снискать такое великое внимание. Удивительное дело! В наше время человека, который называется беком и видит за собой свиту в пять-шесть шелудивых слепцов, приходится насильно приводить к дверям дворца. А такая служба, как прежде, — где она? Такие уже видно наши беги несчастные!

174b Раздачи и угощения Мухаммед Вали бека были очень хороши, он содержал своих нуеров пристойно и роскошно, бедному и убогому|| делал собственной рукой много добра. Он был сквернослов и ругатель.

В девятьсот семнадцатом году, когда я взял Самарканд, Мухаммед Вали бек и Дервиш Али Китабдар находились при мне. В то время он был параличный; ни в словах его, ни в нем самом не было никакой приятности. Он не заслуживал

большого почета; вероятно, лишь усердная служба вознесла его на столь высокую ступень.

Еще был Баба Али ишик-ага. Сначала ему оказал внимание Алишер бек и возвысил его до степени бека. Юнус Али, который теперь состоит моим беком, приближенным и внутренним слугой — о нем еще неоднократно придется упоминать ниже — сын этого Баба Али.

Еще был Бадр ад-дин бек. Раньше он состоял при садре Султан Абу Са'ид мирзы, Мирек Абд ар-Рахиме. Он был человек очень ловкий и проворный и, говорят, перепрыгивал через семь лошадей. Они с Баба Али были большими друзьями.

Еще был Хасан Али Джалаир. Его настоящее имя было Хусейн Джалаир, но он более известен под именем Хасан Али. Его отцу, Али Джалаиру, оказал внимание Бабур мирза и сделал его беком; потом, когда Ядгар Мухаммед взял Герат, выше Али Джалаира не было человека.

Хасан Али Джалаир состоял при Султан Хусейн мирзе в качестве кушбеги; он был поэтом и употреблял тахаллус Туффейли. Касиды он сочинял очень хорошо и в свое время был вождем в отношении касид. В девятьсот семнадцатом году, когда я взял Самарканд, Хасан Али Джалаир пришел ко мне. Он провел при мне пять-шесть лет; мне он тоже посвящал хорошие касиды. Это был бесстыдник и мот,|| он содержал бачей 175а и постоянно играл в нард и в кости.

Еще был Ходжа Абд Аллах Марварид; раньше он был садром, потом стал приближенным слугой, доверенным и беком. Это был человек, полный достоинств; никто другой не умел так играть на кануне, извлекать трели на кануне — его изобретение. Он хорошо писал многими почерками, лучше всего — та'ликом, прекрасно составлял деловые бумаги и был хороший собеседник. Стихи он тоже писал, пользуясь тахаллусом Баяни. Его стихи по сравнению с другими его достоинствами были много ниже, но он хорошо судил о поэзии.

Ходжа Абд Аллах был развратник и бесстыдник; от дурных последствий разврата он заболел и покрылся чиреями, лишившись и рук, и ног, он прожил несколько лет в муках и страданиях, и ушел из мира от этой самой болезни.

Еще был Мухаммед Сейид Урус. Его отец — Урус Аргун, который стал великим и полновластным беком, когда Султан Абу Са'ид мирза захватил престол. В то время было [немало] молодцов, хороших стрелков; один из таких мастеров — Мухаммед Сейид Урус. Лук у него был крепкий, стрела — длинная;

могучий стрелок, хороший стрелок был. Некоторое время он был правителем Андхуда.

Еще был Мир Али мирахур. Это тот, который послал к Султан Хусейн мирзе человека, повел его против Ядгар Мухаммед мирзы и захватил Мирзу врасплох.

1756 Еще был Сейид Хасан Оглакчи, сын Сейида Оглакчи, младший брат Сейид Юсуф бека. У него был сын по имени Мирза Фаррух, человек способный и достойный. || В девятьсот семнадцатом году, когда я взял Самарканд, Сейид Хасан пришел ко мне; хотя он сочинял мало стихов, но сочинял хорошо. Он прекрасно знал астрологию и звезды, беседа и общение с ним тоже были приятны. Сейид Хасан был несколько буен и хмелю, погиб он под Гидждуваном.

Еще был Тенгри Берди Саманчи. Простой, смелый был бек, хороший рубака. У ворот Балха он здорово порубил знатного нунера Хусрау шаха по имени Назар Бахадур и захватил его, как уже было упомянуто.

Еще было [у Мирзы] несколько туркменских беков, которые, придя к Мирзе, снискали его благоволение. Раньше других пришел Али хан Баяндур и еще Асад бек и Тахамтан бек; эти двое были родные братья. Дочь Тахамтан бека взял за себя Бади'аз-Заман мирза; от нее родился Мухаммед Заман мирза.

Еще был Ибрахим Чагатай.

Был еще Омар бек. В последнее время он находился при Бади'аз-Заман мирзе. Это был храбрый, отважный и хороший человек. Один из его сыновей по имени Абу-л-Фатх явился ко мне из Ирана, в настоящее время он тоже находится со мною. Очень слабый, несмелый человек, без малейшей твердости. От такого отца и такой сын!

176a Одним из тех, которые явились [к Мирзе] позднее, после того как шах Исмаил завладел Ираком и Азербайджаном, пришли оттуда в Хорасан, был Абд ал-Баки мирза. Он из рода Тимур бека, потомок Миран шаха. Еще раньше потомки этого царевича, придя в те земли, выбросили из головы помышления о власти || и служили тамошним государям, которые проявляли к ним благосклонность. Дядя этого Абд ал-Баки мирзы, Тимур Осман, был великим и уважаемым беком при Якуб беке; однажды он даже собрал большое войско и намеревался двинуться на Хорасан.

Когда Абд ал-Баки мирза пришел к нему, Султан Хусейн мирза тоже оказал ему внимание и, сделав его своим зятем, выдал за него Султанним биким, мать Мухаммед Султан мирзы,

В числе беков, пришедших позднее, был также Мурад бек Баяндури.

Одним из садров мирзы был Мир Сар-и барахна. Он уроженец одной из деревень Андиджана и, говорят, выдавал себя за сейида. Это был очень приятный собеседник, даровитый и красноречивый человек. Среди людей науки и поэтов Хорасана его суждение и слово имели значение и считались основательными. Он загубил свою жизнь, пытаясь составить длинную, объемистую, лживую повесть, подобную «Повести об эмире Хамзе»; это произведение, противное естеству и разуму.

Еще был Камал ад-дин Хусейн Газургахи. Хотя он и не был суфием, но выдавал себя за суфия. Такого рода мнимые суфии собирались подле Алишер бека и устраивали радения, впадая в исступление. По происхождению он был выше большинства [таких суфиев]. Вероятно, причиной благосклонности к нему и было его происхождение, ибо других достоинств, о которых стоило бы говорить, у него не было. Есть у него одно сочинение: «Собрание влюбленных», которое он написал для Султан Хусейн мирзы; это очень слабое сочинение, там больше всего лжи и притом безвкусной лжи. || Он писал такие дерзкие вещи, что некоторые подозревали его в неверии. Так, например, он приписывал многим пророкам — мир с ними! — и святым плотскую любовь и нашел для каждого из них любимого и возлюбленного. Еще одна удивительная глупость заключается в том, что он в предисловии говорит, будто это сочинение составлено и написано самим Султан Хусейн мирзой, а в начале приводимых в книге стихов и газалей Камал ад-дин Хусейн везде пишет: «Сочинение автора книги». Из-за подхалимства этого Камал ад-дин Хусейна Зу-н-Нун Аргун и получил прозвище «Льва Аллаха».

1766

ВАЗИРЫ СУЛТАН ХУСЕЙН МИРЗЫ

Одним из его вазиров был Маджд ад-дин Мухаммед. Он был сыном Пир Ахмеда Хавафи, полновластного дивана Шахрух мирзы. Вначале в диване Султан Хусейн мирзы не было должного порядка и устройства, растраты и мотовство были велики; ни крестьяне не были зажиточны, ни воины благодарны. В то время Маджд ад-дин Мухаммед состоял в должности парваначи и его называли Мирек. Когда Мирзе понадобилось немного денег и он потребовал их у служащих дивана, те ответили: «Денег нет и достать их нельзя». Маджд ад-дин Мухаммед был тут же. Он улыбнулся. Мирза спросил, в чем

177a дело; Маджд ад-дин, оставшись с ним наедине, высказал все, что было у него на сердце и молил: «Если Мирза заключит со мной условие, сделает мою руку сильной и не будет отступать от моих слов, я в короткое время устрою так, что страна начнет процветать, народ будет благодарен, казна — полна и войско — многочисленно». Мирза заключил желательное Маджд ад-дину условие и договор, отдал все области Хорасана ему во власть, и возложил все важные дела на его ответственность. Маджд ад-дин, со своей стороны, не щадя усилий и стараний, в короткое время сделал народ и войска довольными и благодарными; в казну он тоже доставил много денег, и все области государства стали благоустроенными и процветающими. Однако Маджд ад-дин враждовал с беками и должностными лицами, во главе которых стоял Алигьер бек; по этой причине все его невалюбили. Доносами и происками они заставили схватить Маджд ад-дин Мухаммеда и отрешить его от должности, и вместо него стал диваном Низам ал-Мульк. Спустя некоторое время Низам ал-Мулька тоже схватили и убили и, доставив из Ирака Ходжу Афзала, сделали его диваном. В то время, когда я пришел в Кабул, Ходжу Афзала назначили беком. В диване он тоже ставил свою печать.

Еще был Ходжа Ата. Хотя он не занимал столь высокой должности и не был диваном, как предыдущие, но во всех областях Хорасана ни одно важное дело не решалось без совета с Ходжа Ата. Это был богобоязненный и благочестивый человек и исправно творил молитвы. Делами он тоже занимался. Главными приближенными и приспешниками Султан Хусейн мирзы были упомянутые вазирьы.

1776 Время Султан Хусейн мирзы ¶ — удивительное время. Хорасан и в особенности город Герат, были при нем полны ученых и бесподобных людей. Каждый, кто занимался каким-нибудь делом, имел цель и желание довести это дело до совершенства.

Одним из таких возвышающихся людей был Маулана Абд ар-Рахман Джами. В его время не было другого человека, столь сведущего в науках явных и сокровенных. Стихи его хорошо известны и достоинства Маулана Джами выше того, чтобы была нужда их восхвалять. Мне пришла мысль начертать на этих ничтожных страницах его имя и упомянуть о некоторых из его качеств только своего благословения и счастья ради.

Еще был шейх ал-ислам Сайф ад-дин Ахмед. Он из потомков Маулана Са'д ад-дина Тафтазани, которые издавна были шейх ал-исламами в государствах Хорасана. Очень ученый это

был человек, он хорошо знал арабскую словесность и науки, основанные на предании. Сайф ад-дин отличался великой набожностью и благочестием и хотя был шафийит по исповеданию, но уважал и другие толки. Говорят, что он почти семьдесят лет ни разу не пропустил соборной молитвы. Когда шах Исмаил взял Герат, то сделал Сайф ад-дин Ахмеда мучеником; из рода их не осталось ни одного человека.

Еще был Маулана Шейх Хусейн. Хотя выступление и возвышение Муллы Шейх Хусейна произошло во времена Султан Абу Са'ид мирзы, но он жил также и при Султан Хусейне и потому || упоминается здесь. Философские и положительные науки, а также богословие он знал хорошо. Умение с тонкостью вести разговор, выражая в немногих словах много мыслей,— его отличительная особенность. При Султан Абу Са'ид мирзе Маулана Шейх Хусейн был очень к нему приближен и полновластен; он имел касательство ко всем важным делам, происходившим во всех землях, а должность мухтасиба никто не исполнял лучше его. Из-за таяной его близости к Султан Абу Са'ид мирзе столь бесподобного человека подвергали при Султан Хусейн мирзе унижениям. 178а

Еще был Муллазаде, сын Муллы Османа. Он уроженец селения Чарх-Лахугарского тумана, одного из туманов Кабула. Так как уже во времена Улуг бек мирзы, когда ему было четырнадцать лет, он преподавал науки, то его называли «Мулла-и мадар-зад». Когда он ушел из Самарканда и, совершив обход вокруг На'бы, пришел в Герат, Султан Хусейн мирза силой удержал его там. Очень ученый был человек, другого такого ученого человека в то время не было. Говорят, что Муллазаде достиг сана муджтахида, однако он не выступал как муджтахид. Передают, что он будто говорил: «Если человек что-нибудь услышал, как может он потом об этом забыть?» У него была сильная память.

Еще был Мир-и Муртаз. Мир-и Муртаз хорошо знал философские и положительные науки. Он получил такое прозвище потому, что часто || постился. [Мир-и Муртаз] очень увлекался шахматами — до такой степени, что, если ему случалось встретить двух игроков, он с одним играл в шахматы, а другого держал за полу, «чтобы не ушел». 178б

Еще был Мулла Мас'уд Ширвани и еще Мулла Абд ал-Гафур из Лара. Он был и муридом, и учеником Маулана Абд'ар-Рахмана Джамии. Большинство сочинений Маулана Джамии Мулла Абд ал-Гафур читал вместе с ним. Он написал нечто вроде толкования к «Веаниям». В области явных наук он был

очень хорошо подготовлен; при наличии сведений в явных науках он обладал большой долей знаний и в науках сокровенных. Это был удивительно незаметный и простой человек. Кого бы ни называли муллой, Абд ал-Гафур не считал позором раскрыть перед таким человеком книгу и вступить с ним в ученый спор; где бы ни указали ему на дервиша, он не успокаивался, пока не шел к нему. Когда я прибыл в Хорасан, Мулла Абд ал-Гафур был болен; совершив обход вокруг гробницы Маулана Джами, я пошел навестить Муллу Абд ал-Гафура. Он находился в медресе Муллы Джами. Через несколько дней Мулла Абд ал-Гафур умер от этой самой болезни.

Еще был Мулла Джамал ад-дин мухаддис; в Хорасане не было человека, столь же сведущего в науке о хадисах. Он очень пожилой и жив до сих пор.

179a Еще был Мир Атауллах Мешхеда. Он хорошо знал арабскую словесность и написал по-персидски «Трактат о рифме». Недостаток этого трактата в том, что для примера автор всегда приводит свои собственные стихи || и вдобавок перед каждым стихом считает нужным пояснить: «Как сказано в таком стихе сего раба». Некоторые из возражающих делали по поводу Трактата о рифме основательные замечания. Кроме того, Мир Атауллах написал рассуждение о поэтических фигурах под названием: «Чудеса поэтического искусства». Очень хорошо написал. В его верованиях проявлялось некоторое уклонение от правого пути.

Еще был Кази Ихтиар. Он хорошо исполнял должность казия. Написал по-персидски «Рассуждение о фикхе», хорошее рассуждение! Еще он собрал для ссылок слова из стихов Корана всякого содержания.

Когда я встретился с мирзами на Мургабе, Кази Ихтиар и Мухаммед Мир Юсуф, пришедшие с ними, повидали меня. Разговор зашел о почерке «бабури». Кази Ихтиар попросил меня написать отдельные буквы, я написал, и на этом же собрании он прочитал буквы, усвоил правила письма и сам кое-что написал.

Еще был Мир Мухаммед Юсуф. Он был ученик Шейх ал-ислама [Сайф ад-дин Ахмеда], потом Шейх ал-ислам назначил его на свое место. На некоторых собраниях выше сидел Кази Ихтиар, на некоторых — Мир Мухаммед. Впоследствии он так увлекся и пленился военным делом и полководством, что из его слов нельзя было узнать ни о чем, кроме этих двух вещей и из его речей нельзя было ничего понять, кроме этого. Хотя в обоих этих делах у него не было ни дарования, ни сло-

способности, он в конце концов из-за своей страсти пустил на ветер и дом, и имущество, и жизнь. Он, говорят, был шиит.

Из поэтов Султан Хусейн мирзы вождем и главой || всех 1796
был Маулана Абд ар-Рахман Джами, кроме него [знамениты] Шейхим Сузейли и Хусейн Али Туфейли Джалаир, чьи имена и качества были упомянуты и начертаны в кругу беков и внутренних приближенных Султан Хусейн мирзы. Еще был Асафи; будучи сыном вазира, он употреблял тахаллус Асафи. Его стихи не лишены красок и мыслей, хотя в них не чувствуется любви и упоения. Он сам заявил: «Я никогда не мечтал собирать свои газали», — но это, вероятно, просто рисовка. Его младший брат или родственник собрал эти газали. Стихов другого рода, кроме газалей, он написал мало. Когда я ушел в Хорасан, он служил мне.

Еще был Беннаи. Он из Герата. Так как его отцом был Устаз Мухаммед Сабз, строитель, Беннаи употреблял такой тахаллус. В его газалях есть краски и вдохновение, он составил диван. Месневи у него тоже есть. Одно его месневи — о различных плодах — написано в размере мутакариб. Бесплезные вещи он там говорит, пустяками занимается. Есть у него и другое коротенькое месневи в размере хафиф и еще одно, побольше, тоже в размере хафиф. Это месневи он закончил в последнее время жизни.

Сначала Беннаи был несведущ в музыке и по этой причине Алишер бек, говорят, укорял его. В каком-то году, когда Мирза поехал зимовать в Мерв и Алишер бек тоже поехал туда, Беннаи остался в Герате. В ту зиму он упражнялся в музыке и к весне так наострился, что мог сочинять целые произведения. Весной, когда Мирза вернулся в Герат ||, Беннаи исполнял 1800
свои сауты и накши, и Алишер бек удивлялся и одобрял его. В музыке Беннаи сочинял хорошие произведения. В числе их есть накш, называемый нух-ранг; конец девяти рангов и напев накша [звучит в ладу] раст.

Беннаи часто возражал Алишер беку и по этой причине терпел много притеснений. В конце концов, он не мог больше жить в Герате и ушел в Ирак и Азербайджан к Якуб беку. У Якуб бека Беннаи жил неплохо, был участником всех его собраний. После смерти Якуб бека он не остался в тех землях и вернулся в Герат. Склонность к шуткам и насмешкам у него не прошла. Вот одна из них: как-то раз, за игрой в шахматы, Алишер бек вытянул ногу и коснулся зада Беннаи. Алишер бек шуточно сказал: «Вот беда! В Герате, если вытянешь ногу, непременно коснешься зада поэта». Беннаи отвечал: «А

если подожмешь ногу, то тоже коснешься зада поэта». В конце концов из-за таких шуток он снова ушел из Герата и отправился в Самарканд.

Алишер бек придумывал много разных вещей, и хорошие вещи придумывал. Всякий, кто изобретал что-нибудь новое в своем деле, чтобы обеспечить и успех этой вещи, называл ее «алишери». Некоторые ссылались на Алишера бека ради шуток. Так, из-за того что Алишер бек, когда у него болело ухо, повязывался платком, женщины называли синий платок, повязанный наискось, «алишерово украшение». Беннаи тоже, собираясь уйти из Герата, || 1806 заказал седельнику необычное седло для своего осла и оно стало известно под названием «алишери».

Еще был Сейфи Бухари. В общем у него была некоторая ученость, он показывал людям подробный список прочитанных им книг и подтверждал этим свое звание муллы. Сейфи составил диван, есть у него еще другой диван, который он сочинил для всяких ремесленников. Он придумал много поговорок, а месневи у него нет, как доказывает такой его стих:

Хотя писать месневи — для поэтов заповедь пророка,⁴
Я считаю газаль божьей заповедью.
Пять стихов, приятных для сердца,⁵
Я считаю лучше обеих «Пятериц».

Есть у него персидский труд о стихосложении, слишком немногословный, но в некоторых отношениях очень многоречивый, немногословный в том смысле, что там не написано многих нужных вещей, а многоречивый потому, что ясные и понятные слова там выписаны со всеми точками и знаками падежей. Вино Сейфи пил здорово, но был зол во хмелю и крепко дрался.

Еще был Абд Аллах, сочинитель месневи. Он родом из Джама, сын сестры Муллы Джами, тахаллус его Хатифи. В подражание «Пятерице» [Низами] он писал месневи. Свое произведение в двустушиях (месневи), сложенное в подражание «Семи красавицам», он назвал «Семь ликов», по образу «Искандер-намэ» он написал «Тимур-намэ». Из этих его месневи наиболее известна поэма «Лайли и Маджнун», хотя красота ее не соответствует ее славе.

Еще был Мир Хусейн Муаммаи. Вероятно, никто не сочинял муамма так, как Мир Хусейн, он постоянно проводил время, придумывая муамма. Удивительно скромный, неприятный 1812 тельный и беззлобный был человек. ||

Еще был Мулла Мухаммед Бадахши. Он из Ишкамиша,

Ишканиш не входит в Бадхшан и удивительно, что он употреблял тахаллус Бадхшан; стихи его не таковы, как стихи упомянутых выше поэтов. Он написал «Рассуждение о муамма»; муамма его тоже не очень хороши. Мулла Мухаммед был приятный собеседник, в Самарканде он служил мне.

Еще был Юсуф Бади. Он из Ферганской области. Касиды он сочинял недурно.

Еще был Ахи. Он хорошо сочинял газали. В последнее время он находился при Ибн Хусейн мирзе. Он — автор дивана.

Еще был Мухаммед Салих. У него есть газали со вкусом, но гладкости в них меньше, чем вкуса. Тюркские стихи у него тоже есть, он сочинял их недурно. Позже он отправился к Шейбани хану и тот в общем оказывал ему внимание. В честь Шейбани хана Мухаммед Салих написал тюркское месневи в размере рамаль шестистопный усеченный, то есть в размере [поэмы Джамии] «Четки». Это очень слабое и плохое месневи. Человек, который его прочтет, не будет приведен к стихам Мухаммеда Салиха. Один его хороший стих таков:

*Фергана когда стала родиной Танбала,
Танбал превратил Фергану в дом драки!*

Область Андиждана тоже называют «домом дентаев». В этом месневи не найдешь других таких стихов. Мухаммед Салих был злой, жестокий и безжалостный человек.

Еще был Шах Хусейн Ками. Его стихи тоже неплохи. Он сочинял газали. Диван у него, кажется, тоже есть.

Еще был Хилали, он и теперь еще жив. Газали у него гладкие, цветистые, без задоринки. Диван у него тоже есть. Есть у него месневи в размере хафиф, || называемое «Шах и дервиш». Хотя некоторые стихи там хороши, но содержание и костяк у этого месневи весьма трухлявые и шаткие. Прежние поэты, сочиняя месневи о любви и влюбленности, наделяли качествами любящего мужчину, а свойствами возлюбленной — женщину. Хилали же сделал любящим дервиша, а возлюбленным — шаха. Из стихов, сказанных им о словах и делах шаха, следует, что он представил шаха блудницей и распутницей. Весьма безобразно, что ради своих двустиший Хилали расписывает юношу, да еще юношу-шаха, как блудницу и распутницу.

У Хилали якобы очень хорошая память; он будто бы помнит тридцать-сорок тысяч стихов. Говорят, что большинство стихов из обеих «Пятерид» хранится у него в памяти. В области стихосложения и науки о рифме и стихотворстве он очень хорошо подготовлен.

Еще есть Ахли. Он из простых людей. Стихи у него недурные, диван тоже есть.

Хотя каллиграфов при дворе Султан Хусейн мирзы насчитывалось много, но главою их всех в писании насталиком был Султан Али Мешхеда. Он много писал для Мирзы и для Алишер бека — маждый день по тридцать стихов для Мирзы и по двадцать стихов для Алишер бека.

К числу [знаменитых] художников [при дворе Мирзы] принадлежал Бехзад. Он обладал тонкостями художественного мастерства, но лица безбородых изображает плохо, — слишком вытягивает подбородок. Лица бородатых мужчин он рисует очень хорошо.

182д Еще был Шах Музаффар. Он рисовал || очень тонко, волосы у него тоже получались весьма изящно. Шах Музаффар не обрел долгой жизни — он ушел из мира в самую пору расцвета.

Из музыкантов [Мирзы] никто так не играл на кануне, как Ходжа Абд Аллах Марварид; об этом уже было упомянуто раньше.

Еще был Кул Мухаммед Уди. На геджаке он тоже играл хорошо. Он натянул на геджак три струны. Из музыкантов и исполнителей никто не сочинял так много хороших мелодий. Других произведений, кроме мелодий, у Кул Мухаммеда было не так много.

Еще был Шейх-и Найи. На уде и на геджаке он тоже играл хорошо. На нае он прекрасно играл с двенадцати или с тринадцати лет. Как-то раз, на пиру у Бади' аз Заман мирзы Шейх-и Найи хорошо сыграл на нае одно произведение. Кул Мухаммед на геджаке этого сыграть не сумел и сказал: «Геджак — несовершенный инструмент». Шейх-и Найи тотчас же взял у Кул Мухаммеда геджак и чисто и хорошо сыграл это произведение.

Про Шейх-и Найи рассказывали еще и другие истории. В отношении мелодий он был так сведущ, что, услышав какую-нибудь мелодию, говорил: «Такой-то напев, сочиненный таким-то, созвучен с этим». Однако он сам сочинил немного произведений, ему приписывают лишь один или два накша.

Еще был Шах Кули Гиджаки. Он родом из Ирака. Придя в Хорасан, он стал упражняться в игре на инструментах и сделал успехи. Он сочинил много накшей, пешравов и других произведений.

Еще был Хусейн-и Уди. Он проделывал с удом интересные вещи: оставляя на уде одну струну и играл на ней. У него был

тот недостаток, что, играя на инструменте, || он ломался. Раз 1826 Шейбани хан приказал ему играть. Хусейн-и Уди начал при-
вередничать и играл плохо; к тому же он принес не свой инст-
румент, а другой, негодный. Шейбани хан все это сообразил и
велел тут же на пиру надавать ему по шее. Это единственное
хорошее дело, которое сделал в жизни Шейбани хан, дейст-
вительно, он прекрасно поступил. Таких надменных людей сле-
дует наказывать еще строже.

К сочинителям музыки принадлежал и Гулам Шади, сын
певца Шади. Хотя он играл на инструментах, но не стоял в
одном ряду с теми исполнителями. У него есть хорошие сауты
и прекрасные накши. В то время не было человека, который
бы сочинил столько накшей и саутов. В конце концов Шейбани
хан отослал его к казанскому хану Мухаммед Амин хану;
больше сведений о нем не пришло.

Еще был Мир Азу; этот не играл, он был сочинителем.
Хотя он сочинял немного произведений, но у него есть инте-
ресные вещи.

Беннан также был сочинителем; у него есть хорошие сауты
и накши.

Еще одним из бесподобных людей того времени был Пехле-
ван Мухаммед Бу Са'ид. Он был выдающимся борцом, а также
слагал стихи и сочинял сауты и накши; у него есть хороший
накш в ладу чар-гах. Пехлеван Мухаммед был человек прият-
ный в беседе; сочетание с ремеслом борца таких свойств весь-
ма удивительно.

Когда Султан Хусейн ушел из мира, [в ставке] присутст-
вовали из царевичей Бади' аз-Заман мирза и Музаффар Хусейн
мирза. Так как любимым сыном [покойного] был Музаффар
Хусейн мирза и Мухаммед Бурундук Барлас, полновластный
бек [Султан Хусейна], являлся дядькой царевича, а мать его,
Хадича биким, || была уважаемой женой Мирзы, то и родичи 183а
Мирзы тоже были весьма привержены к Музаффар мирзе. По
этим причинам Бади' аз-Заман мирза колебался и думал не
ехать [в лагерь]. Музаффар мирза и Мухаммед бек сами сели
на коней и, устранив колебания из сердца Мирзы, привели его
[в ставку]. Султан Хусейн мирзу доставили в Герат, вынесли
по царскому обряду и обычаю и предали погребению в его
медресе.

В то время Зу-н-Нун бек тоже явился [в Герат]. Мухам-
мед Бурундук бек, Зу-н-Нун бек, а также другие беки, остав-
шиеся после Султан Хусейн мирзы и находившиеся при обоих
царевичах, собравшись, сговорились и сделали Бади' аз-Заман

мирзу и Музаффар Хусейн мирзу, обоих вместе, государями на престоле Герата. При дворе Бади аз-Заман мирзы полно-властным [беком] стал Зу-н-Нуи бек, при дворе Музаффар Хусейн мирзы — Мухаммед Бурундук бек; со стороны Бади аз-Заман мирзы даругой в городе был Шейх Али Тагай, от Музаффар Хусейн мирзы — Юсуф Али Кукельташ. Диковинное это было дело: никогда не было слыхано, чтобы два царя правили совместно. Случилось противоположное тому, в чем смысл слов шейха Сади, который сказал в «Гулистане»:

Десять деревней спят на одном коврике,
А два царя не уместятся в одном климате.

СОБЫТИЯ ГОДА ДЕВЯТЬСОТ ДВЕНАДЦАТОГО

1836 В месяце мухарраме мы направились в Хорасан, чтобы прогнать узбеков ||. Мы пошли дорогой через Гур-Банд и Шиберту. Так как Джехангир мирза ушел из области [Газни] в недобром [к нам] расположении, то я подумал: «Если он привлечет к себе аймаков, [кто знает], каких еще смут не поднимут всякие мятежники и злодеи».

[Поэтому] я отделился от обоза в Уштур-Шахаре и, оставив в обозе Вали Хазина[чи] и Даулат Кадам Караула, сам налегке быстро двинулся вперед, чтобы скорее прибрать аймаков к рукам. В тот же день мы пришли в крепость Заххак, выйдя оттуда, миновали перевал Гумбазак, спустились через Сайган и, пройдя перевал Дандаи-Шикан, стали лагерем на поляне Кахмерда. Приказав Султан Мухаммед Дулдаю сопровождать Сейид Афзал Хаб-бина, я послал их к Султан-Хусейн мирзе с донесением об обстоятельствах нашего выступления из Кабула.

184a Шейбани хан в это время осаждал Балх. В Балхе находился Султан Килинджак. Шейбани хан послал двух-трех султанов с тремя-четырьмя тысячами человек в набег на Бадахшан. Между тем, Мубарак шах и Зубайр опять пришли к Насир мирзе и присоединились к нему. || хотя раньше между ними были раздоры и неудовольствия. Они стояли с войском в Шахдане, под Кишмом, на восточном берегу рени Кишм, и вдруг те узбеки под утро учинили на них нападение и, перейдя реку Кишм, пошли на Насир мирзу. Насир мирза тотчас же потянулся к холму. Собрав людей, находившихся на холме, и при-

казав трубить поход, он немедленно двинулся вперед, на ходу забирая узбеков в плен. Вода в Кишме стояла высоко; узбеки пришли, перейдя эту реку. Множество их людей погибло от стрел и от сабель, много [узбеков] попало в руки [людей Насир мирзы], в воде тоже погибло немало воинов.

Мубарак шах и Зубайр стояли выше Мирзы, в направлении к Кишму. Посланные против них узбеки погнали их к холму. Насир мирза узнал об этом, когда гнал врагов, и пошел на тех людей. Когда кухистанские беки, собрав конных и пеших, тоже пошли сверху, [узбеки] не смогли устоять и побежали. Из этого отряда тоже попало в плен много людей, немало [узбеков] погибло от стрел и шашек и утонуло в реке; вероятно, [всего] пропало тысяча-тысяча пятьсот узбеков. То была славная победа Насир мирзы; известие об этом принес нам человек Насир мирзы, когда мы были на поляне Кахмерда.

Во время пребывания в этих местах воины пошли в Гури и Дехане и доставили оттуда зерно. || [Когда мы были] там, 1846
пришли письма от Сейид Афзала и Султан Мухаммед Дулдая, которые были посланы в Хорасан. То была весть о кончине Султан Хусейн мирзы, но все же, блюдя честь дома [Тимуридов], мы направились в Хорасан, хотя при этом походе [у нас] были и другие цели. Пройдя сквозь ущелье Аджара, мы спустились через Туб, Мандаган и Балх-Аб и поднялись на гору Кух-и Сафа. При вести, что узбеки совершили набег на Сан-и Чарик, мы послали Касим бека с войском против грабителей. [Наши люди] пошли, накрыли их, здорово побили и, отрезав много голов, привезли их.

Бади' аз-Заман мирза, Музаффар мирза, Мухаммед Бурундук Барлас, Зу-н-Нун Аргун и его сын Шах бен твердо решили идти походом на Шейбани хана, который осаждал в Балхе Султан Килинджана. Они послали людей ко всем сыновьям Султан Хусейн мирзы, призывая их, и даже вышли с такими намерениями из Герата. Когда они достигли Бадгиса, к ним присоединился у Чил-Духтарана Абу-л-Мухсин мирза, пришедший из Мерва; Ибн Хусейн мирза тоже пришел после него из Туна и Кайна. Купак мирза был в Мешхеде. Сколько к нему ни посылали людей, он не пришел, говоря неразумные слова и проявляя трусость. Он чувствовал ревность к Музаффар мирзе и думал: «Раз он стал государем, как же я пойду к нему?». В подобное время, когда все его братья, и старшие, и младшие, собрались в одном месте || и, стоворившись, решили двинуться 1856
на такого врага, как Шейбани хан, и пошли, Купак мирза [проявил] такую нелепую ревность и не пришел. Кто теперь

припишет его неприход ревности? Все должны приписать его трусости. Я хочу сказать, что в здешнем мире такие вещи переживают человека. Если человек обладает долей разума, за чем совершает он такие поступки, о которых после будут говорить дурью? Если у человека есть хоть след ума, почему не реанует он о таком деле, за совершенне которого его будут одобрять? Добрую память назвали мудрецы второй жизнью.

Ко мне тоже прибыли послы; потом явился также Мухаммед Бурундук Барлас. А я — почему мне было не пойти? Я ведь прошел ради этого дела сто-двести йигачей пути. Вместе с Мухаммед беком я тут же отправился в поход.

186a Тем временем мирзы подошли к Мургу-Абу. В понедельник восьмого числа месяца второй джумады произошла встреча с мирзами. Абу-л-Мухсин мирза проехал мне навстречу полкуруха. Мы приблизились друг к другу, я сошел с коня с одной стороны, Абу-л-Мухсин мирза спешился с другой стороны. Подойдя один к другому и поздоровавшись, мы [снова] сели на коней. Когда мы направлялись вперед, то возле лагеря к нам подъехали Музаффар мирза и Иби Хусейн мирза. Они были младше Абу-л-Мухсин мирзы годами и им следовало бы выйти навстречу раньше; вероятно, задержка была с похмелья, || а не от гордости; упущение это произошло из-за наслаждений и развлечений, а не от неудовольствия.

Музаффар мирза проявил великое усердие; мы поздоровались на конях; обмен приветствиями с Иби Хусейн мирзой произошел таким же образом. Мы спешились у шатра Бади' аз-Заман мирзы, там было великое сборище и скопление народа. Давка была такая, что в тесноте ноги у некоторых людей не касались земли [на протяжении] трех-четырех шагов. Тех, которые по своим делам вздумали вернуться обратно, против их воли тащили назад на четыре-пять шагов.

Мы вошли в помещение дивана Бади' аз-Заман мирзы. Было решено, что, входя в шатер, я поклонюсь, а Бади' аз-Заман мирза встанет, подойдет к краю всъезженния и мы поздороваемся. Войдя в шатер, я отвесил один поклон и немедленно пошел дальше. Бади' аз-Заман мирза довольно неторопливо поднялся и вяло двинулся [мне навстречу]. Так как Касим бек был мне доброжелателем и считал мою честь своей честью, он потянул меня за пояс. Я понял и пошел тише, так что мы поздоровались в установленном месте.

В этом большом шатре стелили четыре тушака. Шатры Бади' аз-Заман мирзы обязательно были с боковыми входами; Мирза всегда сидел у бокового входа. Один тушак стелили у